

Алька. Технилице
Алек Рейн

18+

Алек Владимирович Рейн

Алька. Технителище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48812133

SelfPub; 2020

Аннотация

Четвёртая глава книги воспоминаний, в которой описываются события, происходящие с героем повествования на протяжении шести лет. Рождение ребёнка в молодой семье, работа, учёба в институте, забавные ситуации и жизненные трудности, характерные для любой молодой семьи, дают представление о жизни в стране под названием СССР в те годы.

Содержание

Утром, где-то без десяти минут девять, я появился в помещении отдела обработки давлением Всесоюзного проектно-технологического института Министерства тяжёлого машиностроения. Основное здание института находилось на проспекте Мира, но отдел, в который я перевёлся, находился на территории завода «Металлист» и, что забавно, в помещении, в котором когда-то располагался экспериментальный цех, тот самый цех, где пять с небольшим лет назад я начал трудиться учеником слесаря.

И возвращается ветер на круги своя.

На работе я появился в костюме-тройке коричневого цвета с тонкой полоской из ткани «Ударник», начальник отдела, знакомя меня с моим руководителем, погладил пиджак, одобрительно хмыкнул и сказал:

– Смотри, Леонид Ильич, какой у тебя новый сотрудник, даже костюм свой лучший надел на работу.

Костюм мой определённо был лучший в отделе, но у меня был и поинтересней – мой свадебный. Мне определили рабочее место, Леонид Ильич Берлинер расспросил, где я работал, чем занимался, что знаю и умею. Я объяснил, что знаний никаких у меня нет, немного умею читать чертежи, однако по ходу беседы выяснилось, что штампы для холодно-листовой штамповки, точнее, один штамп, я видел – на первом году моей слесарной карьеры, Василий Макарыч – мой наставник в профессии слесаря – привёл меня в небольшой штамповочный участок, усадил за кривошипный пресс, где я и

просидел пару дней, штампуя пластины трансформатора. Не скажу, что я как-то внимательно разглядывал штамп, с помощью которого я изготовлял эти пластины, но общее представление о том, как он функционирует, у меня составилось.

Ильич показал мне несколько чертежей штампов, мы разобрали с ним, как они работают, и сказал:

– Ну что ж, Алек, давай попробуем что-нибудь спроектировать, – выдал мне чертёж простенькой детали, объяснил, что вырубать её будут из полосы определённого размера, и я приступил к проектированию. За пару дней, подглядывая в чертежи вырубных штампов, которые Берлинер дал мне для образца, я нарисовал устройство, в котором, по моему пониманию, можно было бы изготовить нужную деталь. Для возврата своего устройства в исходное положение после каждого хода пресса я снабдил его двумя здоровенными пружинами, которые надел на направляющие колонки. Ввиду отсутствия навыков машиностроительного черчения пружинки получились у меня не очень и напоминали скорее проводочные спирали, вытащенные из пружинного матраца, своим видом, они явно веселили проходящих мимо моего кульяна пацанов, работающих в отделе.

Пригласил Берлинера, он, посмотрев на мой чертёж, отметил:

– Пружинки тебе не удались, а зачем ты их присобачил?

– А я иначе не сообразил, как возвратит штамп в исходное положение.

Ильич разъяснил, что верхняя плита штампа крепится к ползуну прессы, совершающего возвратно-поступательные движения, и дополнительных устройств для возврата его в исходное положение не нужно. Сел на стул, внимательно рассмотрел, что я напроектовал, и сказал:

– Ну что ж, коль ты так скоро стал проектировать, давай сразу начнём с реальной детали.

И начал я потихоньку вникать в конструирование технологической оснастки. Всё оказалось и проще, и сложнее, чем я себе представлял. Практически все знания, которые нужны для разработки технологических процессов штамповки конкретной детали и проектирования конструкций технологической оснастки, для реализации этих технологий уже существовали и были изложены в десятках справочников и отраслевых руководящих технических материалов (РТМ). Казалось бы, чего проще – бери справочник или РТМ, ищи нужные тебе сведения и проектируй, да только надо знать, что искать, нужны специальные знания, которые приобретаются или в процессе обучения, или в процессе долгой работы в данной области – работы под руководством знающего специалиста.

По этой дорожке я и потопал, потопал с удовольствием, работа эта мне понравилась, в ней был творческий потенциал – все детали различны, поэтому различны способы их изготовления и, как следствие, различен инструмент, то есть конструктору каждый раз приходится находить новое реше-

ние, а поскольку у нас конструктор оснастки сам, как правило, разрабатывал технологический процесс штамповки, надо было включать мозги.

К нам на проектирование оснастки и разработку технологий попадали преимущественно детали сложных форм, заводчанам некогда было с ними возиться, да и специалисты высокого уровня у них были наперечёт.

Впоследствии, работая инженером или в профессиях, близких к инженерной деятельности, я понял, что инженер – это абсолютно творческая профессия, бывают и в ней периоды, когда приходится заниматься рутинной, но разве это не происходит с артистами или музыкантами? Но наслаждение, которое ты испытываешь, когда находишь верное инженерное решение, создаёшь удачную конструкцию, правильный техпроцесс, сродни тому, которое музыкант испытывает от блестяще сыгранной музыкальной пьесы, или когда к поэту приходит удачная рифма.

Через пару дней я понял, что работать за кульманом в костюме не очень комфортно, и стал ходить на работу в свитере, как большинство молодых парней, работающих в отделе. Две недели я корпел за кульманом, не обращая внимания на происходящее вокруг, но в какой-то момент понял, что поведение моё может показаться странным – пора познакомиться с коллегами. Я подошёл к ребятам примерно моего возраста, о чём-то негромко беседующим в соседнем проходе между рядами кульманов, сказал:

– Мужики, меня Алек зовут, давайте знакомиться.

– Здорово, Алек, я Вовка.

– Я Юра, вот и познакомились.

Рассказал, что работал на заводе слесарем, поступил на вечерний, перевёлся в отдел. Встретили меня нормально, студентами-вечерниками было большинство молодёжи отдела.

Пришла беда, откуда не ждали, – стали массово закрывать маленькие пивные-закусочные, не скажу, что я был частым их посетителем, но в целом было непонятно, кому они помешали, наверно, стали в очередной раз бороться с пьянством. Но мужику, который захотел расслабиться после работы, выпить кружку пива или пятьдесят граммов водки, приходилось ломать голову, куда податься. Решение было найдено моментально – выпить на троих, а ведь до массового закрытия забегаловок даже такого термина не было, не то чтобы такой традиции. Народ кооперировался по трое, скидывались по рублю. На трояк в аккурат можно было купить бутылку водки, плавленый сырок «Дружба» и четвертушку чёрного, распивали, как правило, в ближайшем подъезде, сквере, на детской площадке.

Одним из таких значных мест вдруг оказался наш подъезд. Поднявшись на его три ступеньки со стороны проспекта Мира, ты попадал на маленькую площадку, на которую выходили три двери: правая и левая двери магазина, а цен-

тральная дверь – непосредственно подъезда.

Надо ли долго думать было всем затарившимся бухлом и закуской в магазине, где им употребить всё это? Да не в жисть, вот оно, место, самое отрадное наше славное парадное. Иногда стало невозможным войти в подъезд, стояло по четыре-пять компаний, пили, орали, дрались, так же испражнялись.

Поскольку на просьбы жильцов закрыть подъезд ЖЭК не реагировал, жильцы стали заколачивать двери подъезда гвоздями самостоятельно, а ЖЭК и алкотня открывали его. Через полгода безуспешной борьбы ЖЭК сдался и капитально замуровал выход на проспект Мира, благо у нас был второй вход со двора.

В конце года Георгий с Катькой и годовалой дочкой, моей племянницей Ольгой, улетели в Токио, у него была пятилетняя командировка в Японию. Мы с Милкой на подаренные нам на свадьбу деньги купили раскладной двуспальный диван, мама переместилась в бывшую комнату бабы Гермینی, где они временно обосновались, и мы зажили втроем.

На свадьбу родители жены подарили нам ковёр, который мы постелили на пол около дивана. Тёща, увидев ковёр на полу, – она любила покомандовать, – сказала:

– Вы очертенели, что ли, ковёр на пол стелить, так его вам ненадолго хватит, вешайте на стену.

Я ответил:

– Ну, лет на десять хватит, потом новый купим.

Тёща сделала брови домиком.

– Ишь ты, гулевой какой, купим. Мы двадцать пять лет живём, второй вот купили.

– А мы купим, мы же будем лучше вас жить.

Тут с тёщей моей случился лёгкий ступор, после чего она с негодованием спросила:

– А почему это вы будете жить лучше нас?

Я взглянул на неё и понял, что если я скажу то, что я действительно думаю, то мы станем с ней врагами на всю оставшуюся жизнь, и сказал:

– Жизнь же лучше становится с годами, вот мы и будем жить лучше, чем вы жили.

Возразить против такого, как тогда казалось, неоспоримого факта тёще было нечего, и она промолчала. Но думал я в целом иначе. Конечно, по моим ощущениям, жизнь и в самом деле становилась лучше, страна наша в пятидесятых и шестидесятых годах залечивала свои раны, полученные в тяжелейшем бою, в семидесятых она, как огромный богатырь, стала подниматься на ноги – строилось жильё, росли зарплаты, но я рассчитывал прежде всего на свой личный рост и был уверен, что добьюсь успеха в жизни. Как, ещё не знал, но добьюсь. Я вообще по жизни оптимист.

В нашей вузовской группе первоначально было человек двадцать пять, из её состава до финиша добралось человек

семь, не больше. Кого-то забрали в армию, кто-то не справился с освоением программы, девчонки уходили в декрет. На первом курсе у меня довольно быстро возникли приятельские отношения с Борей Филькиным и Вовкой Рожковым. Володька уже отслужил в армии, Борис вообще был Мафусаил нашей группы – ему на момент поступления было где-то лет тридцать пять, всё мы были женаты. При этом были весьма не схожи по темпераменту, характерам, жизненному опыту, но зачастую это как раз помогает сближению людей, а не наоборот.

Я поначалу сидел на занятиях с одной девицей довольно яркой внешности по имени Наталья, ей всегда хотелось поболтать на лекциях о чём угодно, кроме того, что лектор пытался донести для нас, а я старался на занятиях полноценно работать, но приходилось изредка поддерживать беседу, чтобы не выглядеть совсем уж полным интровертом. В этих коротких беседах выяснилось, что мы оба проживаем рядом со станцией метро Щербаковская. Однажды в конце занятий она достала из портфеля номерок от гардероба и положила его передо мной, я понял, что придётся провожать её домой. Перспектива эта меня мало порадовала, заканчивали мы без десяти десять вечера, и домой я попадал около одиннадцати, проболтаться где-то лишние полчаса мне было ну совсем не в жилу – вставал я на работу где-то полшестого, но отказаться проводить девушку до дома вечером было неловко. Мне повезло – оказалось, что она жила на Бочкова, в трёх мину-

тах ходу от моего дома, но слушать весь бред, который она несла в течение часа, пока мы добирались до её дома, – Боже сохрани. Натуся была, как бы так сказать помягче, не умна, судила безапелляционно о чём угодно, включая то, о чём она слышала впервые.

Всё бы ничего, но на следующий день она выложила номерок от гардероба перед моим носом ещё в начале занятий, и это стало входить у неё в привычку. Обидеть, то есть просто послать её, мне не хотелось, а вот найти красивый способ избавиться от её назойливого внимания я никак не мог, спас меня от этой каждодневной пытки Борис Филькин, подойдя ко мне во время перемены и спросив:

– Как ты насчёт по сто граммов после занятий?

– Грешно смеяться над большими людьми, где взять-то? В десять всё закрыто.

Но Борька, как человек, работающий в этом районе, знал ходы. Тут уж не до провожаний, дело намечалось сурьёзное, а у меня появился повод, и я с легким сердцем вернул Натусе номерочек, она обиделась, а я стал свободен от утомительных для меня бесед. С Борькиными ходами не срослось, он повёл нас в стекляшку в Булонский лес (так у нас в институте называли Лефортовский парк), а там такая тьма народа – мама не горюй, развернулись и пошли по дорожке к выходу. Идём в грусти, а навстречу милиционер – молодой парень, я так, по приколу, возьми и спроси у него:

– Не подскажите, где сейчас можно вина купить?

По тем временам задать такой вопрос менту – это такая лёгкая провокация, и я ожидал наезда или какой-то резкой реакции, но парень спокойно и вежливо ответил:

– Прямо до выхода, потом на трамвай и до конечной остановки, а там дежурный гастроном, работает до одиннадцати. Но поторопитесь, времени немного осталось.

Ещё раз убедился: не суди облыжно о человеке до общения – были люди в советской милиции, кроме дяди Коли, нашего участкового. Поблагодарив его на бегу, мы помчались к выходу, нам повезло – успели минут за десять до закрытия. Взяли на пятерых три бутылки сухого вина, выпили в какой-то беседке, постояли, потрепались, бутылки забрали с собой – по дороге выкинули в урну. На душе потеплело.

Ибо сказано: вино выпитое увеличивает то многое, что связывает нас с друзьями.

У меня обнаружилось полное отсутствие знаний по химии, точнее, не обнаружилось никаких знаний, но, по счастью, у Милки была тётка, работающая преподавателем химии в школе, которая стала заниматься со мной по выходным.

Похожие проблемы возникли у меня и по английскому, но решение этой проблемы я нашёл сам – совершенно случайно встретил нашу преподавательницу английского у выхода из метро и проследовал с ней до института. По странному везению это стало происходить почти каждый раз перед за-

нятиями – бывает же такое.

Была она девушкой лет двадцати четырёх, не больше, явно незамужней – традиционное колечко на безымянном пальце правой руки отсутствовало, весёлая разговорчивая щебетунья, знаки моего внимания принимала, как мне казалось, даже с удовольствием. Не помню точно, был ли у нас экзамен по окончании первого семестра, скорее это был зачёт с оценкой, но помню, что мои бдения у выхода метро и бережная доставка нашего дорогого препода в пенаты были оценены в четыре балла, что явилось для меня большой неожиданностью – мне б хватило и трёх. Очень был я раздосадован перед первым занятием второго семестра по английскому, когда увидел в дверях нашей аудитории англичанку лет шестидесяти – за трёху пришлось попахать.

Власть советская, надо отдать ей должное по этой части, поощряла обучение во всех его видах – студенты вузов получали стипендии, при условии что студент успевает, в нашем институте стипендия на младших курсах дневного отделения составляла сорок рублей, предоставлялись общежития. Не забывали и вечерников, на время экзаменационных сессий нам предоставляли оплачиваемые отпуска, небольшие, где-то около недели, но с учётом примыкающих до и после выходных мы всегда укладывались – экзаменов в сессию больше пяти у нас не было.

Дома меня ждала новость – Людуся затяжелела. Известие

это я воспринял индифферентно, да, понял, что летом у нас родится ребёнок, так и что? Будет так будет. Мыслей о том, что надо прервать беременность, подождать, не возникло ни у меня, ни у Людмилы.

Подошло время экзаменационной сессии, я изрядно мандражировал, готовился основательно, начиналась сессия экзаменом по высшей математике, я пошёл первым и впоследствии на экзаменах всегда шёл первым, не люблю сидеть смыкать, всё равно то, что знаешь, уже в тебе, от сидения больше не добавится и не убавится. Принимал экзамены наш лектор, интересный был мужик, любил на лекциях рассказывать анекдоты, содержащие в себе какие-нибудь математические или физические положения, что-то вроде: бежит физик за трамваем, запнулся и упал, поднялся, говорит: «Хорошо, что пополам». Его спрашивают: «Что пополам?» «МВ квадрат пополам».

Он просмотрел мои ответы, задал пару вопросов, встал и, повернувшись к залу, сказал:

– Я ставлю ему пять.

Зачем был нужен такой пафос, я не понял, может, ребят подбодрить? Дальше всё пошло как по накату, всё сдал на пятёрки, кроме англиша и химии, по химии четвёрку получил. Расслабился, понял, что учиться смогу.

На работе к нам в отдел после службы в армии пришёл новый парень – Сашка Ефанов, мы с ним сдружились. Он был

отчислен с третьего курса того же вуза, в котором учился я, за неуспеваемость, был призван в армию, отслужил, восстановился, но уже на третьем курсе вечернего отделения. Служил в ГСВГ (группе советских войск в Германии), пацан был с юмором, гордо заявлял мне:

– Салага, я участник Братиславской операции, участвовал во вводе советских войск в Чехословакию.

Был эрудирован, толков, глубок. С ним было интересно общаться.

Новый год решили отметить в сугубо домашнем кругу: мы с Милкой, мама и тесть с тётшей и младшей дочерью, Милкиной сестрой. Маманя моя рассказывала, что я родился часов в одиннадцать вечера, тётша на основании этого заявила, что и отмечать мой день рожденья начнём не раньше одиннадцати, в итоге пожрать дали ровно в двенадцать, то есть в то время, когда нормальные люди могут только шампанское в себя влить, места уже ни для чего не остаётся – очень мне тот Новый год не понравился.

Начальнику нашего отдела было изрядно за шестьдесят, спокойный, никогда не повышал голоса на сотрудников, сидел, обычно облокотившись локтями на стол, держа в правой руке остро заточенный карандаш, левая кисть обнимала правую. Бывало, задрёмывал, голова начинала клониться, и иногда лбом касался грифеля, после чего он плавно распрямлялся, грозным взором обводил близ сидящих работников, и всё повторялось сначала.

Поскольку рабочее место выбрали мне из тех, какое первым попало на глаза начальнику, было оно не самым удобным – я сидел напротив входа, левее напротив был стол экономиста отдела, а правее напротив наискосок – стол начальника, может быть, поэтому мне частенько находили какое-нибудь дело, не связанное напрямую с моей основной деятельностью. Как-то начальник отдела поднял голову, позвал меня и сказал:

– Олег, – он меня называл Олегом, – надо срочно отвезти письмо в Министерство, и заодно недалеко в магазине на Кузнецком нужные нам ГОСТы купишь.

Времени до учёбы было достаточно, и я помчался выполнять ответственное поручение – отвезти письмо то ли заместителю министра, то ли начальнику главка. Стояла хорошая погода, а я с работой и учёбой совсем перестал появляться на улице. К тому же интересно было посмотреть на Новый Арбат, реконструкция которого только закончилась, да и вообще давненько я с замминистрами не общался.

Мне растолковали, где находится замминистра, где магазин с нормативной литературой, и я отчалил. Зашёл домой, перекусил, переоделся, взял портфель с тетрадками – и вперёд.

Первоначально доехал на сорок восьмом троллейбусе до Детского мира и оттуда неспешно дотопал до нужного мне магазина на Кузнецком. В магазине была толпа народа, публика теснилась у касс, всем понадобились ГОСТы.

Что за люди, в такую погоду, ну, ладно я, человек подневольный, но они народ в большинстве возрастной, ехали бы лучше в Сокольники, там в «Сирене», по слухам, «Старо-прамен» выбросили.

Стоять такую очередь не входило в мои расчёты, и я без колебаний вкатился в кабинет директора. Поздоровавшись с порога, я проследовал к столу, за которым сидела утонувшая в бумагах женщина, решительно водрузил на него свой портфель и заявил:

– Хотим купить у вас оптом партию ГОСТов, где можно оформить?

Женщина, с трудом выбравшись из бумажных развалов, поглядела на мою румяно-нахальную физиономию, на саквояж, стоящий на её столе, и ласковым голосом конвоира дисбата произнесла:

– Мальчик, портфельчик убери со стола.

Я взял в руки портфель, распрямылся и набрал воздуха в грудь, стараясь выглядеть солидней, директриса, явно стараясь не рассмеяться, распрямылась в кресле и поинтересовалась:

– И какую партию Вы хотите приобрести?

– Двадцать штук.

– Номер ГОСТа назовите, пожалуйста.

Ни номера ГОСТа, ни его названия в отделе не знали, примерно рассказали, о чём он, что я и поведал директрисе. На глазах её появились слёзы, думаю, от пережитого волнения

по поводу сорвавшейся крупной сделки, но она собрала волю в кулак и произнесла каким-то слегка придушенным тоном:

– Пройдите в отдел, подберите, что Вам нужно, а затем в кассу. У нас нет практики работы с оптовиками, всё через торговый зал.

Я пошёл в торговый зал, размышляя о причинах её странного поведения, понял – явно втюрилась.

Подобрать то, что мне было нужно, оказалось непросто, ГОСТов этих были неисчислимы тысячи, мне дали перечень примерно того, что соответствовало моим требованиям, сотни на три, но определиться, точно то или нет, я не мог – не хватало квалификации. Взял предположительно, в смысле наугад.

Утром следующего дня в отделе выяснилось, что ГОСТы я взял не те.

Министерский главк, в который мне надо было попасть, располагался в одной из высоток-книжек на только что построенном проспекте Калинина в получасе ходьбы от магазина, и я отправился пешком – я вообще очень люблю ходить пешком.

На Калининском я понял, что надо немного ускориться, поэтому в здание главка влетел на полных парах, проскочил мимо скучающего охранника, влетел в пустующий холл, увидел справа два эскалатора и побежал, шагая через две ступени, вверх. Далеко я не умчался – споткнулся, ударился коленом о ступеньку, схватился свободной рукой за поручень,

чтобы не загромоздить физиономией, зафиксировался и с удивлением понял, что я еду вниз. Внизу у эскалатора меня уже ждал охранник, он помог мне сойти с эскалатора и стал сочувственно растолковывать:

– Это ж эскалаторы – лестницы такие подвижные, ближняя вниз к нам едет, дальняя – вверх. Вот сколько вас из периферии не приезжает, все вы на ближнюю прётесь. Ну, на метро-то ведь уже по Москве проехался, должен как-то начинать разбираться.

Я махнул рукой, ничего не говоря, направился ко второму эскалатору, идущему вверх, и зашагал через две ступени. Охранник запоздало закричал мне вслед:

– А пропуск-то, пропуск забыл оформить.

Я, не останавливаясь, крикнул:

– На выходе оформлю.

– Как на выходе, как на выходе? Его ж отметить надо.

– Вернусь – отмечу.

Пропуск, тоже сказанул, я и паспорт-то не догадался взять – наставили застав, охранников, держиморды околоточные. Я был уже на втором этаже, там располагалась лифтовая площадка.

Этаж я знал, поднялся на лифте и бодренько двинулся по ковровой дорожке коридора, изучая периодически возникающие перед глазами таблички с именами владельцев кабинетов и названием их должностей, нашёл нужную дверь, постучал и, не услышав никакой ответной реакции, попытался

её открыть.

Дверь не открывалась, и я её слегка подёргал, думаю: наверно, секретарша чай пьёт с подружками, закрылись, сучки, чтобы их не беспокоили, ничего, посильней подёргаю – услышат, увидят, откроют, куды они денутся? И вдруг я услышал за спиной:

– Что Вы делаете?

Я поднял глаза – мужик, в хорошем костюме, проходивший мимо по коридору, остановившись, с недоумением глядел на меня.

– Да вот, хочу к замминистра попасть, мне письмо надо передать.

– Так вам надо в секретариат идти, – мужик махнул рукой куда-то в конец коридора. – Там табличка рядом с дверью, не ошибётесь.

Я, пробормотав невнятное: «Болдарю», – двинул в секретариат, сдал письмо и поехал на занятия.

Весной, где-то в середине марта, позвонил Мишка Петров, пригласил на свадьбу меня с Милкой и Димку Мурзина с Танюшкой Улицкой. Было человек двадцать пять родственников и друзей, в ЗАГС поехали только жених с невестой с друзьями, отмечали дома у невесты.

Гуляли свадьбу в большой комнате второго этажа деревянного дома в Марьиной роще, выпили, закусили, решили потанцевать, я опрометчиво пригласил одну из подружек

невесты, в смысле Мишкиной жены. Лопухнулся я, решил станцевать с ней шейк, а была она девушкой весьма крупной и энергичной, в итоге разошлась так, что полы стали пружинить как батут, а дом – раскачиваться, как во время землетрясения, со стола посуда стала падать. Ну, думаю, трывдец, сейчас халупа эта по бревнам раскатится, повезло – музыка кончилась раньше.

Ближе к ночи явилась какая-то гопота бить Мишке морду за поруганную честь нынешней его жены, вроде бы она была невестой одного из этих калдырей. Пошли вчетвером – Мишка со свидетелем и мы с Димкой. Спустились вниз, свидетель Мишкин – мужик лет сорока – сказал:

– Я переговорю с ними, вы парни молодые, горячие, полезете на рожон, а сегодня надо без драки обойтись, – и пошёл к группе, от них тоже двинулся переговорщик, поговорили, потом переговорщик ушёл, подошёл какой-то пацан, свидетель позвал Мишку. О чём-то перетёрли втроём и разошлись каждый в свою сторону, гопота свалила, а мы пошли догуливать свадьбу.

Скучная свадьба, без драки, ну, хоть потанцевали от души.

Мишка договорился с пацаном встретиться тет-а-тет и перетереть за это дело, а пацанчик-то не пришёл, видно, посмотрел на Миху и того – диареяс.

А Димка Мурзин молодцом, не спасовал ни на секунду, был спокоен, решителен. Интересно было взглянуть на него

в такой ситуации. До дела не дошло, но было видно, что и в драке не струсит. В компании нашей он стал изредка появляться с тех пор, как стал встречаться с Танюшей Улицкой, и от всех нас отличался разительно. Спортсмен, кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике, студент, с нами держался ровно, без распальцовки, не скозлил ни разу, ни на мгновение не указал на некое превосходство, которое в совокупности достигнутого им, несомненно, было. С ним было интересно беседовать, общаться и тогда, и сейчас, хотя тому минуло полвека.

Позвонил Юрка Березин, предложил в субботу пойти в баню попариться, согласился – почему нет? Я, правда, такой парильщик – ого-го, в бане был один раз в жизни в возрасте лет четырёх, зато в женском отделении, я вааще крутой перец – мне есть что вспомнить и чем гордиться. Договорились встретиться в субботу в два часа дня около Сандуновских бань.

Подойдя к двум часам к Сандунам, увидел Юрку, голосующего у бровки 1-го Неглинного переулка и оживлённо что-то обсуждающего с незнакомым парнем лет тридцати. Поздоровались Юркой, познакомились с парнем:

– Олег.

– Стас.

Я не успел открыть рот, чтобы выяснить, что они делают, как Юрка тормознул машину, о чём-то переговорил с водителем и скомандовал:

– Грузимся.

Мы со Стасом сели на задние сиденья, Юрка – спереди, повернувшись ко мне, произнёс:

– Сейчас приедем – всё расскажу.

– А куда едем?

– В Столешников, там винный хороший – есть горилка з перцем, потом в Лужники – сегодня хоккеей интереснеей.

– Какой Столешников, какаая горилка, какие Лужники и хоккеей? Мы ж в баню собирались.

– Баня не уйдёт, а такой хоккеей нельзя упускать.

– Ребят, у меня денег на билет в баню, на две кружки пива и на троллейбус до дома.

– Да не парься, у нас так же.

Я подумал: да хрен с ней, с банеей, не был я в ней двадцать лет без малого, схожу на хоккеей, тоже ни разу не был, интересно же. Но вот насчёт денег я не понял: если у всех нас нет денег, то почему мы едем на такси за горилкой и на какие шиши мы собираемся попасть на хоккеей? Сам-то я лично с момента начала моей конструкторской карьеры ввиду непродуманного решения начать её с должности чертёжника забыл, как деньги выглядят, забыл их вид, запах и даже для чего они существуют. Хорошо, начальник пожалел меня убогого и взял техником, а должать я не мог – отдавать было нечем.

Отпустив такси по прибытии в Столешников переулок, парни взахлёб стали рассказывать, как они, следуя к бане,

нашли на углу Неглинной и 1-го Неглинного переулка кошелёк-подкову с изрядным количеством купюр немалого достоинства в подтаявшем сугробе. Было видно, что кошелёк пролежал в сугробе не один день, основательно промок, так что ж с того, купюры были мокрыми, но целыми. Тут друзья поняли, что это знак – перст судьбы указующий на то, как правильно провести вторую половину субботы.

Что тут скажешь? Против указующего знака самой судьбы и мне переть не было никакого резона. Вдобавок халява, сэр. Мы взяли пару бутылок горилки, поймали такси и покатали на стадион.

Билетов у нас, естественно, не было, но изрядное количество купюр, потерянных неизвестным раззявой, моментально помогло нам снискать уважительное внимание каких-то жучков, торгующих билетами рядом с кассами. Нашлось три билета на хорошие места, все рядом.

Первым делом на стадионе мы проследовали в буфет, взяли, не скупясь, закусок и стаканы, расположились за столиком, Юрка сорвал за козырёк крышечку с бутылки и стал наливать горилку в стакан, но в этот момент фортуна показала свой женский характер.

Из броуновской толпы снующих в разные стороны болельщиков, из гвалта и суеты, звяканья ложек в стаканах, постукивания вилок, приветственных возгласов, хлопков открываемых бутылок и шипения пивных струй, наполняющих бокалы, материализовалась пара рослых юношей с красными

повязками, на которых крупными белыми буквами было выведено «Дружинник». Один из этих пионеров-переростков весьма бесцеремонно взял со стола наполовину наполненный стакан и попытался забрать бутылку из Юркиной руки. Все произошло настолько неожиданно и стремительно, что Юрок по инерции вылил порядочную порцию драгоценного напитка на стол. Всё это, конечно, нас возмутило – какая бестактность и нахрапистость, но два этих сопливых цербера посоветовали нам ознакомиться с вывеской, висящей над буфетом. Да видели мы её, на ней было крупными буквами написано: «Приносить и распивать спиртные напитки запрещено», – и чего? А вот чего – нам было предложено отдать им бутылку и проследовать в комнату народной дружины, а в случае неподчинения была обещана встреча с нашей родной советской милицией. Последнее показалось нам совсем не нужным, и мы проследовали в указанное место, сопровождаемые двумя этими продолжателями дела Павлика Морозова.

Комната народной дружины была метров под сто, в центре стоял длиннющий стол со стульями, вокруг которого толпились юные блюстители законности и несколько милиционеров, а по периметру зала вплотную к стенам стояли небольшие столы, возле которых стояли кучками такие же бедолаги, как мы, – шли разборы полётов.

Нас подвели к одному из этих столов, дружинник, поставив перед сидящим за столом мужиком явно некомсомольского возраста наполовину наполненный стакан и початую

бутылку с нашей горилкой, произнёс:

– Распивали в буфете, после чего присоединился к толпе гомонящих вокруг стола филёров.

Коронер наш каким-то плотоядным движением взял в руки бутылку, рассмотрев этикетку, одобрительно кивнул головой, а затем стал переливать в неё горилку и из стакана. В процессе этого увлекательного занятия он, не поднимая головы, со значением, хорошо поставленным голосом трибуна произнёс:

– А вы, молодые люди, читали объявление на стене буфета? Как же вы так? У нас сегодня праздник спортивный, собрались любители такого замечательного вида спорта, а вы себе позволяете. Ну, я вижу, вы ребята ещё не конченные, ладно, по первому разу так и быть протокол составлять не будем, отпустим вас под честное слово, что вы не повторите сегодняшних ошибок.

Тут Юрка, как бывший комсомольский вожак, отлично понимающий, какая судьба ждёт конфискованную у нас бутылку, произнёс:

– Да ладно, всё понятно про вас, любителей хоккея, игра начнётся, а вы тут жбаниться начнёте и горилочку нашу оприходуете.

Мужик поднял голову.

– Не хочешь по-хорошему, не осознал. А пойдём вместе, я на твоих глазах её в унитаз вылью. Кстати, а что у тебя в портфеле, может, ещё одна бутылка?

Стало припекать, Юрка понял, что переть на рожон бессмысленно.

– Да ладно, это я так, в шутку, мне, когда я в Сокольническом райкоме ВЛКСМ инструктором мантулил, тоже в оперотряде дежурить приходилось.

Мужик поднялся, протянул Юрке руку.

– Ну, вот видишь, почти коллеги, всё знаешь. Ладно, идите уже, не попадайтесь больше.

Они пожали друг другу руки, и мы вернулись буфет. Место наше было занято, но это было дело поправимое. Юрка был собран и целеустремлён, формулировал задачи:

– Стас, давай снова в буфет, Алек, поищи места за столиком, действуем так: по одному идём в сортир, заходим в кабинку, выпиваем и возвращаемся сюда.

Сказав это, он взял чистый стакан с подноса буфетной стойки, сунул его в портфель и бодрым шагом направился к выходу. Минут через десять, когда я уже сидел за столом – караулил места, вернувшийся из уборной Юрок вручил мне портфель как эстафетную палочку и произнёс:

– Давай ты.

Он остался дожидаться Стасика с закуской, а я двинул по его горячим следам.

В сортире меня поначалу озадачило изрядное скопление народа, разобравшись, я понял, что всё не так печально. В каждую кабинку стояла небольшая очередь, человек по шесть-семь, но входили они группками по два-три человека,

потом слышалось позвякивание горлышек бутылок по краям стаканов, бульканье жидкости и кратковременная пауза, выходили раскрасневшиеся, не задерживались – понимали, народ ждёт. Я также никого не задержал, в итоге на трибуны мы попали подготовленными.

Сказать по совести, я хоккеем или футболом интересуюсь только тогда, когда проходят крупные международные состязания, и только по телевизору, то есть болельщик так себе, на стадионе был впервые, но зрелище мне понравилось, атмосфера и всё прочее. Кричал вместе со всеми, свистел, всё как положено, но чувствовал себя как Расул Гамзатов, сидящий в президиуме Верховного Совета СССР и отбивший по этому поводу телеграмму жене следующего содержания: «Сию в президиуме, а счастья нет».

Выйдя после окончания игры на улицу, Юрка пересчитал оставшиеся деньги – на ресторан не хватало, но на пару бутылок вина с закуской – вполне, чем и занялись. Пили на какой-то стройке, потом чуть не подрались с такими же искателями приключений на троллейбусной остановке, всё по стандарту. Дома был за полночь.

На работе меня перевели в группу Иванова Бориса Петровича, точной причины перевода я не знал, но догадывался, наверняка постаралась мамуля, решила, что Борис Петрович лучше будет держать меня в руках. Не скажу, чтобы я сильно расстроился, но и не обрадовался, это точно.

Мне нравилось работать с Берлинером – были по душе его точные формулировки, язвительные остроты, мгновенная реакция, умение не теряться в любом разговоре или ситуации. Был ещё один факт в его биографии, за который я уважаю людей априори, – он был фронтовиком.

Рассказывали про него одну забавную историю. Две женщины из машбюро задержались на работе и шли к выходу по узкому длинному коридору второго этажа – по нему обычно проходили к выходу и обратно сотрудники нашего отдела и литейщики. В коридор выходили двери большого количества заводских и институтских служб, и для того, чтобы в рабочее время сотрудников этих отделов не допекал топот проходящих по нему людей, пол коридора был застелен толстой ковровой дорожкой. Время позднее, никого нет, и одна из женщин не смогла сдержать природный позыв и пукнула. Сложно представить, как вести себя мужику, который случайно оказался в нескольких шагах сзади, но только не Леониду Ильичу. Подруги, смеясь, не останавливаясь, двигались по коридору, как вдруг увидели, что сбоку их обгоняет мужчина, в котором они узнали Берлинера, не обращая на них внимания, быстрым шагом он пошёл впереди, оторвался шагов на десять, пукнул и, не оборачиваясь, удалился.

Так разругать ситуацию мог только Берлинер.

Леонид Ильич не согласился с тем, что меня забирают у него, пошёл разбираться с Невским, поначалу разговор их происходил на полутонах, но, когда градус беседы вырос, я,

поскольку сидел невдалеке, что-то услышал. Берлинер, возмущаясь, говорил, что как только ему попадает парень, из которого, по его мнению, выйдет толк, у него его отбирают, что отвечал Евгений Моисеевич, я не слышал, его из себя вывести на моей памяти не удалось никому.

Борис Петрович был крупным, грузным стариком, как мне показалось тогда, на самом деле ему было, мне думается, лет пятьдесят пять, не больше, я дружил с его сыном Серёгой. Группа его занималась в основном крупными штампами, и я занялся, естественно, тем же.

В те годы все необходимые при проектировании расчёты производились в основном на логарифмических линейках, когда была необходима более высокая точность, использовался арифмометр «Феликс» – лютый металлический агрегат, напоминающий кассу в магазине, позволяющий производить четыре основных арифметических действия, или тома таблиц, содержавших произведения (результаты умножения) пятизначных чисел.

Поначалу я пользовался своей школьной логарифмической линейкой, но к постоянной работе она была не очень пригодна – движок не сдвинешь с места, бегунок норовит соскочить с корпуса, циферки на корпусе еле различимы, и я, прикинув, что вряд ли в Японии это чудо-устройство стоит больших денег, попросил Катюку, чтобы она привезла мне логарифмическую линейку. Летом по приезду в отпуск они

мне вручили логарифмическую линейку Faber, у меня было ощущение, что я с «Запорожца» пересел на «Мерседес».

В целом в работе всё у меня шло более-менее неплохо, но, увлекаясь, я делал фантастические ляпы. Однажды в проектируемом штампе мне необходимо было закрепить клиновой упор на нижней плите в центре конструкции, поразмыслив, я решил сделать в центре плиты-основания отверстие, где и закрепил оный, приболтив его – на бумаге, естественно, – изнутри к плите. Всё было красиво, конструкция оригинальная и работоспособная, вот только было невозможно просверлить отверстия под крепление клина и нарезать в них резьбу. О чём поведал нам на еженедельном разборе зам. нач. отдела, была у нас такая практика: собирали раз в неделю или раз в две недели весь молодняк и разбирали наши основные конструкторские ошибки. Разбирая работу, замнач вопрошал:

– Ну, вроде бы хорошо придумал, но чем эту дырку сверлить, кривым сверлом? Чем резьбу нарезать, кривым метчиком?

Что интересно, контролер, проверявший мою работу, оставил конструкцию без изменений, просто просверлив отверстия для расположения крепежа снаружи, а не изнутри, как предполагал сделать я и что сделать было невозможно, и резьбовые отверстия для крепления сделал в самих клиньях. А там и было-то всего триста миллиметров, до сих пор не

понимаю, как это я не додумался сам.

На майские половину молодёжи отправили на демонстрацию, вторая половина ходила на ноябрьские. Я пошёл впервые, было даже интересно. В группе всегда были старшие – кто-то должен следить за порядком, руководить. Как водится, договорились: взяли выпивки и закуски, это не возбранялось, руководители тоже участвовали, во-первых, надо согреться, во-вторых, праздник всё же. Нам не повезло – был черёд нашего отдела катить стальную телегу, на которой был закреплён на поворотной раме портрет Ленина. Телега была изготовлена качественно, двигалась легко, имела тормоза, заворачивала – всё было по уму, но тяжёлая, сволочь, была – там, где дорога имела естественный подъём, приходилось напрягаться всем вместе, потом, изображение дедушки Ленина имело изрядную парусность, задолбались, одним словом. Катили по проспекту Мира, Сретенке, потом, кажется, по проспекту Маркса и всё как-то без приключений, но, сворачивая уже к Красной площади, упёрлись щитом в троллейбусные провода, затормозив движение всех идущих за нами. Стали крутить рукоятку редуктора щита, он опускался еле-еле и кто-то из пацанов догадался – забрался по раме щита и повис на её верхней планке, под его весом рама слегка повернулась, и конструкция прошла под проводами. Набежавшие штатские, все как на подбор, в тёмных костюмах, белых рубашках и галстуках, скомандовали:

– Давайте бегом, вашу мать, – и мы рванули бегом догонять хвост колонны. Один сидел, крутил рукоятку редуктора, возвращая портрет в вертикальное положение, а мы – человек пятнадцать – мчались сквозь гэбэшные шеренги с телегой, на которой портрет вождя был лихо наклонён градусов на сорок пять.

Даже вождям рукой не помахали, вот они, поди, огорчились.

Интересно, что никого даже не наказали за наш нестандартный забег по Красной площади.

В институте всё шло своим чередом: зачёты я сдал в срок, подошла пора сдачи экзаменов, но рано утром шестого июня, за два дня перед первым экзаменом, меня растолкала жена и испуганным голосом сказала:

– Ой, из меня что-то течёт.

Я разбудил маму, мама сказала:

– Воды отошли, звони в скорую.

В скорой сонная тётка, вяло расспросив, что и как, уточнив адрес, сообщила:

– Ждите, машин нет, будет часа через два, не раньше.

В ответ на мои увещания она просто положила трубку. Мама помогала потихоньку собираться Люде, увидев моё растерянное лицо, рявкнула:

– Чего стоишь, беги за такси.

Я впрыгнул в брюки, схватил в руки майку и ломанулся

бегом по лестнице – так быстрее. На мою удачу, во дворе, прямо напротив нашего входа парковался таксист – водитель жил в седьмом подъезде. Надевая на бегу майку, я подбежал к нему, объяснил ситуацию, попросил отвезти жену в роддом, он глянул на меня глазами из ввалившихся от усталости глазниц и произнёс:

– Прости, семнадцать часов баранку крутил, боюсь даже дальше за рулём находиться. Беги на проспект, может, поймаешь кого, мне минут пять надо в машине поковыряться, не поймаешь – отвезу.

Выскочив из двора, увидел – опять удача, в первом ряду на светофоре стояло такси, я скачками наискосок с угла дома добежал и встал перед капотом, чтобы она не укатила на зелёный, водила и не думал никуда двигаться – машина стояла перед светофором, габариты горели, хотя уже рассвело, было около половины пятого, но двигатель был заглушен, а водитель спал, откинувшись в кресле. Подскочив к водительскому стеклу, я негромко постучал – реакции не было, я постучал погромче, потом стал дубасить кулаками по крыше, раскачивать автомобиль, свистеть. Кричал:

– Жена рожает!

Водитель не реагировал ни на какие мои действия, поняв тщетность моих усилий, побежал во двор, моля в душе: «Господи. Лишь бы он не ушёл».

Он не ушёл, стоял, опершись спиной на машину, опустив голову, дремал, наверное, услышав мои шаги, сказал:

– Беги за женой. Прихвати водички похолодней.

Взлетел к нам на шестой, дверь была приоткрыта, Людочка сидела на табуретке у входа, мама стояла рядом, кабина лифта стояла на этаже. Пробежав мимо них на кухню, я открыл кран с холодной водой до предела, схватил пустую бутылку из-под молока, налил воды, мы спустились вниз, бережно помогли Миле дойти до машины. Я протянул водителю бутылку, он сделал глоток, вернул её мне, нагнулся и сказал:

– Слей.

Стал аккуратно лить ему на затылок воду, он, фыркая, умывался, прикрикнул:

– Давай смелее.

Я повернул бутылку вертикально, из широкогорлой бутылки вода течёт будь здоров. Водила наш покрутил головой, обрызгав меня с ног до головы, как пёс, вылезший из водоёма, разогнулся, посмотрел на меня повеселевшими и помолодевшими глазами и сказал:

– Ну, вот, совсем другое дело, хоть опять на смену.

Двенадцатый роддом находился от нас в десяти минутах ходу, мы там были минуты через три, удивило отсутствие людей, как-то мне казалось, что там всегда кто-то рядом крутится, хотя время было раннее. Мама помогала Людмиле потихонечку выползти из машины, а я бегом помчался к дверям. Подергал ручку – дверь оказалась закрытой, стал звонить в звонок и стучать в дверь, минут через пять дверь при-

открылась, оттуда высунулась рассерженная бабка в белом халате.

– Ты что, слепой?! Или читать не умеешь? Висит же объявление – «Роддом закрыт на плановую дезинфекцию».

Где это объявление? Может, и не увидел в горячке, но не до того. Потихонечку усадили уже измаявшуюся Людочку в машину и двинули в двадцатый роддом в Бабушкине.

Там всё работало, и роженицы создали очередь, дождались своей, схваток у нас не было, сдали нашу курочку в мозолистые руки акушерок.

Водитель наш дремал в автомобиле, дожидаясь нас, увидев, поинтересовался, как дела, счётчик показывал всего рубль семьдесят, я вручил ему трояк – выручил, если мог бы тогда, дал бы в разы больше, но он отсчитал мне рубль тридцать сдачи, сказав:

– Да ты что, такое дело, разве можно? Ещё пригодятся сегодня. Садитесь, мне ж всё равно домой ехать, в соседних подъездах живём, довезу.

Человечище. Пригодились. Я уже был в отпуске, через день надо было сдавать экзамен по математике, но какая тут подготовка, какая, к чёрту, математика?! Ходил маялся по квартире, не знал, куда себя деть, решил позвонить Димке Мурзину. Димон, услышав новость, сказал:

– Щас буду.

Пока ждал, спустился вниз, у нас в магазине, располагавшемся на первом этаже, открылся винный отдел, взял бу-

тылку вина. Приехал Димка, сидели, о чём-то говорили, по чуть-чуть выпили. В одиннадцать позвонила тёща, кричала в трубку:

– Алек, Алек! У тебя сын родился.

Подумал: Мишка родился. У меня все дядья носили эти простые добрые красивые имена: Иван, Михаил, Григорий, Павел.

Михаил – равный, подобный богу, вымоленный у бога.

Димка, услышав новость, взял и подкинул меня к потолку, если б не знал его и Людочку хорошо, прям засомневался бы.

В роддом ездил почти каждый день, она лежала в палате на третьем этаже, перекрикивались через форточку, однажды она попросила наменять двухкопеечных монет, девчонкам звонить нечем. К следующему визиту наменял, сложил в столбик, завернул в кусочек ватмана, затянул плотненько чёрной круговой резинкой, по приходу вызвал Милку, стал кидать в форточку. Кидал несколько раз потихоньку, боялся, что рассыпятся, не рассыпались, но всё никак не мог попасть. Людмила кричит:

– Давай я спущусь.

Но я уже озлился и запустил их со всей дури, столбик влетел в форточку, вдруг из окна раздался визг сразу десятка женских глоток. Думаю: господи, да что я мог натворить пакетиком с мелочью? Через пару минут в форточке, смеясь, появляется Милка и сообщает, что пакет ударился в потолок, разорвался от удара и монеты как шрапнель разлетелись во

все стороны, девки от неожиданности и перепугались.

Однажды, приехав раньше, чем договаривались с Людусей, я решил зайти к Надьке Хамсе потрепаться, мужику её лоб забрили, а у неё ребёнок где-то до года, узнать, как она крутится. Зашёл, а она гулять с ребёнком собирается, говорит: вот как хорошо, хоть кто-то поможет коляску вынести из подъезда. Вынесли коляску, гуляем, болтаем о том, о сём, смотрю, а у меня уже урочное время, говорю:

– Надюх, пошли со мной к Милке, потреплемся.

Она мне:

– Алек, это плохая идея.

– Да не выдумывай, пошли.

И пошли. Пришли, я выкричал Милку, выглянув в форточку, она изменилась в лице и строго мне сказала:

– Иди домой немедленно.

– Да ладно, Мил, чего ты?

– Я тебе сказала, иди немедленно домой.

Пробормотав Надюшке: «Ну, пока», – я поплёлся домой.

Ну, бабы, всегда на страже, враг не пройдёт.

Дня через три после моего неудачного визита собрался забирать Людочку с Мишанькой домой.

Сам ритуал получения младенца из роддома был строго регламентирован, мне велено было запастись двумя юбилейными рублями и шоколадкой, рубли надо было сунуть в карманы халатов нянкам, которые выносили ребёнка, а кому передавалась шоколадка, уже не помню.

Мне передали в руки маленький кулёчек, взяв его в руки, я, тихонечко приподняв одеяльце, уголком закрывающее личико, впервые посмотрел на своего сына, он спал, мордашка была вся в морщинках, как у маленького старичка, кожа красноватого отлива, как будто он пережарился на солнце.

Через несколько дней по приезду Мишаньке врачи диагностировали диспепсию, он постоянно плакал, мы не выспались оба, днём мне надо было готовиться к экзаменам, и Людок, чтобы помочь мне, до конца сессии перебралась в комнату к маме. Дней через пять моя экзаменационная лихорадка прошла, сдал я всё хорошо, а сынуля наш никак не выздоравливал, старания врачей из нашей детской поликлиники не приносили результатов. Нашли какую-то платную детскую клинику, приехала женщина-врач, посмотрела Мишутку, анализы, достала стеклянную баночку с какими-то маленькими пилюльками, скормила одну Мишке, отсыпала чуть-чуть нам, объяснила, как и когда давать малышу, взяла двенадцать рублей за визит, деньги за такси и укатила. И солнышко наше сразу перестало плакать, через день налачился стул, а через два он был уже здоров, морщинки разгладились, кожа приобрела здоровый оттенок – красавчик.

Лопал наш карапуз будь здоров, молока у Милки не хватало, и я ходил на детскую кухню за молоком, благо она была в нашем доме.

В начале июля меня перевели на должность старшего тех-

ника, оклад которого составлял девяносто рублей, с премией в месяц получалось сто семнадцать, до моей прежней зарплаты слесаря четвёртого разряда было ещё далековато. Людмила как кормящая мать сидела дома с нашим маленьким, так что денежек у нас было только на поесть-попить, помощи ждать было неоткуда. Мать моя – медсестра, у Милки отец – запойный пьяница, сестре тринадцать лет, мать кладовщицей работает в Гознаке, да мы, признаться, и не ждали ни от кого помощи. Когда я поступил в институт и перевёлся техником в отдел, я сказал Люде:

– Мил, нам сейчас будет непросто, но ты поверь мне, когда я окончу институт, у нас всё будет в порядке, я тебе обещаю. Надо только подождать.

Она поверила и ждала. Бывали моменты, когда с деньгами было ну просто край, нету и всё, хоть ты тресни, но ничего, как-то выкручивались. Главное, что их отсутствие никогда не вызывало напряжения в наших отношениях.

Через несколько месяцев после родов, когда Милка уже освоилась с нашим малышом, мама предложила нам «халтуру» – работу уборщицы в её здравпункте, мы согласились, не раздумывая, убираться ходила, конечно, Людмила, мой график не очень позволял мне там появляться, но изредка, когда Людуся хворала, убирался я или мама, работёнка эта долго выручала нас, пока я не стал зарабатывать какие-то более-менее приемлемые деньги. Работы там было на час, не больше – помыть полы после окончания работы, а плати-

ли шестьдесят рублей, это был неплохой приработок по тем временам.

Была в самом начале нашего пути неприятная история: что-то вдруг стали вспоминать, какая из сторон внесла больше средств в свадебные расходы, получился какой-то отвратительный разговор, оставивший гадливый осадок в душе, и я сказал своей голубке:

– Мил! Давай впредь больше никогда не будем обсуждать эти темы так, как это получилось сейчас, иначе брак наш превратится в яму с дерьмом.

Она, видно, чувствовала то же, мы с тех пор и взяли в толк, что деньги нужны для того, чтобы жить, но живём мы не для денег. Они не суть жизни, а просто инструмент, её улучшающий, и отнюдь не самый главный. Так и живём. Всегда обсуждаем крупные покупки вместе, деньги в общем доступе, при необходимости каждый берёт, сколько нужно, и не убиваемся, если возникает их нехватка, – дела житейские.

А что до денег, нужны, конечно, нужны для достойной жизни, нужны, чтобы не думать о деньгах, это важная составляющая жизни, но, если в семье отношения любовные переплетаются с отношениями дружескими, можно и подождать. Конечно, это не должно быть тупое ожидание погоды у моря, что-то вроде того: а вдруг капнет откуда-нибудь. Не капнет, капнуть сверху может только птичье дерьмо, а для достижения финансового благополучия кто-то должен в се-

мье трудиться, по мне, так это должен быть мужик, мужчина. Я, пока учился на вечернем, не в полной мере соответствовал требованиям, предъявляемым к главе семьи в финансовом плане, но ясочка моя ни разу не упрекнула меня в этом, просто верила в меня и ждала.

Отмечали группой сдачу весенней сессии мы в Булонском лесу (Лефортовском парке), были почти все. Купили вина, водки, рыбных палочек – привычку брать их на закуску ввёл Борис Филькин, пришли на берег пруда, расположились на большой парковой скамейке, было тепло, но не жарко, как-никак, только начало июня, но Борис разделся до трусов и полез в пруд, искупался, вылез, обсох на прохладном ветре. Нам эта идея поначалу не глянулась – в сторону от нас в пруду бултыхалось полторы сотни уток, но Бориска утверждал, что вода чистая, и, выпив ещё, в воду залезли почти все парни.

Все последующие пять лет сдачу весенней сессии мы отмечали купанием в пруду Лефортовского парка.

Появилась у нас ещё она традиция. Возникла она из-за вечной проблемы с поиском стакана для распития алкогольных напитков, которыми мы, не скажу, что часто, но, бывало, снимали послеэкзаменационные стрессы, обмывали какие-то радостные события, или просто появлялось желание расслабиться. Поскольку мест в питейных заведениях в стране родной для всех не хватало, народ устремлялся для этих

целей в парки, сады, аллеи, во все места, где вероятность встречи с представителями закона уменьшалась. Так вот, однажды, загрузившись потребным количеством напитков и закуски «на горке», так все в Технилище называли магазин напротив Военно-исторического архива, мы поняли, что перед нами опять встала пресловутая проблема стакана. Лёня Райский – какая наивность, – поглядев на одутловатое, с синим отливом лицо продавца мясного отдела, смекнул, где можно раздобыть стакан, и, подойдя к прилавку мясного отдела, негромко произнёс:

– Мужик, дай стакан, через час вернём.

Мясник, ковыряясь в витрине прилавка, пробормотал что-то нечленораздельное. Леонид переспросил, мясник распрямился, он оказался изрядного роста и произнёс негромко, но отчётливо:

– Нет у меня стакана, – потом громче: – Нет у меня стакана.

Мы развернулись и пошли к выходу, а голос мясника гремел, перекрывая все шумы в зале и за витриной:

– Нет у меня стакана, по двадцать раз на дню подходят и стакан спрашивают, а у меня нет стакана, я вообще не пью, мне нельзя по болезни.

Борис Филькин, как самый мудрый, разрешил эту проблему навсегда, не дожидаясь перитонитов, – принёс складной металлический стакан на следующее занятие. Культурно-питьевая часть нашей группы, собравшись, после небурных де-

батов выбрала виночерпия – лицо, которое должно всегда носить стакан в портфеле, критерием отбора служила регулярность посещения занятий – выбрали меня. Я таскал этот стакан в портфеле пять лет, портфель мой и, соответственно, все бумаги, которые туда попадали, приобретали запахи, ароматы всех напитков, которые мы употребляли в течение всех лет обучения. По окончании каждого курса Борис забирал его у меня, гравировал на коническом колечке год обучения и даты, а затем возвращал мне, и я продолжал его таскать в портфеле. После последней сессии он взял выгравировать последние цифры, и стаканчик остался у него. А я не в претензии, конечно, мне бы было приятно хранить на полке в библиотеке столь такую раритетную для нас вещь, но Борис, пожалуй, был самым достойным кандидатом на пост хранителя предмета, который содержит в себе воспоминания о наших весёлых минутах, поскольку ему пришлось, пожалуй, труднее всех. Поступить на вечернее отделение в тридцать пять лет, проучиться шесть лет, не отстать ни на год – это не удалось и многим из молодых в нашей группе.

Когда прошла эйфория от появления в доме сына и сданных экзаменов, меня накрыли жуткая усталость и депрессуха – навыки обучения пропали, поэтому на учёбу я тратил гораздо больше усилий, чем человек подготовленный. Вот тут-то к нам заскочил Юрка Березин и предложил мне пойти с ним и его знакомыми в турпоход в Карпаты. Людмиле идти

было невозможно – кормящая мать, да и физически она ещё вряд ли была готова, после родов прошло полтора месяца, но она, – шутя, конечно, – сказала:

– А меня возьмёте? Я тоже в поход хочу.

Юра взглянул на её располневшую фигурку, усталое, измученное ночными бдениями лицо и тоже пошутил:

– Ну, тебя только если для смеха.

Шутка не получилась, а если получилась, то очень двусмысленная. Во всяком случае, Мила хотя не подала вида, но очень обиделась на него и припоминает мне эту его шутку всегда, когда я вспоминаю Юрку. А тогда мне очень хотелось сбросить с себя годичный груз моей усталости, и я спросил её:

– Мил, ну как?

И добрейшая и нежнейшая душа моя сказала:

– Иди, конечно, тебе надо отдохнуть.

Её доброта, любовь и терпение – это тот самый цемент, склеивший, казалось бы, двух абсолютно разных людей в союз, длящийся полвека.

На работе я договорился об отпуске, получил отпускные.

Юрка сообщил, что всего нас должно идти человек восемь: три пары и мы с ним, Юркина жена от участия в походе отказалась. Планировалось на поезде доехать до Львова, оттуда на электричке до Ужгорода, далее по Лесистым Карпатам – всё выглядело очень красиво.

Группа должна была встретиться в урочный день и час на

перроне Киевского вокзала у первого вагона поезда, билеты каждый должен был брать себе сам, также каждый должен был взять студенческий билет, если таковой у него был.

Недели через две я сложил в свой старенький рюкзачок своё походное барахлишко, стальной котелок, кружку и прочий нехитрый походный скарб, взял Милкин приёмник «Альпинист», гитару, расцеловал свою ненаглядную, чмокнул в румяный носик мирно посапывающего сына, распахнул дверь и увидел стоящего на пороге Кольку Пятакова – он вернулся из армии.

Я быстренько растолковал ему, что и как, и предложил пойти с нами, он отказался, по сути, вполне резонно – походов всяких ему в армии вполне хватило, но поехал проводить меня до вокзала. На перроне я с удивлением обнаружил только сидящих на рюкзаках Юрку с девушкой. Время до отхода поезда ещё было – минут тридцать, я поинтересовался у него:

– Народ-то не опоздает?

И с удивлением узнал, что больше никого не будет.

Тем не менее у нас был уже настрой, решили: им же хуже, не отменять же поездку. Юрка взял билеты и побежал к начальнику поезда, договорился разместить нас в одном купе, я простился с Коляном, и мы покатали во Львов. Ехали весело, Юрка прихватил пару бутылок водочки, у всех было чего поклевать, набрались изрядно – помнится, я декламировал «Чёрный человек» Есенина в коридоре.

Утром перед приездом во Львов, Юра, раскрыв свой рюкзак и извлекая оттуда автомобильные запчасти – узлы и детали, – деловито предложил мне:

– Давай часть к тебе в рюкзак сложим, а то мне неважко такой рюкзак тащить.

Подобрав свою челюсть с пола, я поинтересовался:

– На кой хрен ты этого ржавого железа набрал, это мы что, ноги тренировать собрались или спины?

Юрок, снисходительно глядя на меня, сообщил:

– Ну ты чайник, да у них там цена на всё это железо втрое, по сравнению с Москвой.

– Так у нас тур торговый, будем ходить по дворам, амортизаторы предлагать?

Он сбавил пафос и сказал:

– Да, понимаешь, жена упёрлась и денег на поход мне ни копейки не дала, все спрятала где-то. А у меня дядька в автомастерской, набрал у него дефицитного железа, оно не новое, но всё рабочее. Загоним – деньги появятся, ещё погуляем от пуза.

Праздник наш потускнел, но обратного хода уже не было. Мы с ним поделили его железо по весу, ему поболее, мне поменьше – Юрка был и повыше, и покрепче. По сути, это был его геморрой, но не бросать же кореша – я сложил к себе в рюкзак часть его стального хлама, забрал ещё у него палатку, пристегнул её под клапан рюкзака, и мы вышли на перрон.

Первым делом Юрка пошёл в справочную и узнал, где поблизости находится общежитие какого-нибудь технического вуза, нам дали адрес общежития, если мне не изменяет память, Львовского политехнического института. Ехать надо было на трамвае, располагалось общежитие довольно далеко, и по дороге Юрок объяснил нам свой план: денег у нас мало по его вине, и он берёт на себя организацию различных схем нашей жизни, которые позволят нам сэкономить. Так, сейчас мы едем в общежитие института, где он договорится о нашем бесплатном проживании.

Прошлая его комсомольская работа и собственные таланты развили в нём способность уболтать почти любого, так что надежда была. Приехав в общежитие, мы направились к коменданту, к счастью, она была на месте. Юраша с порога с апломбом объяснил ей, что мы собой являем группу московских студентов, которая явилась с дружеским визитом к студентам Львовским, витийствовал о массе возможных мероприятий, необыкновенной пользе для львовян, которую принесёт наш визит, ещё о чём-то. Выслушав его горячую речь, комендант – он оказался милой женщиной лет сорока пяти – пятидесяти – поинтересовалась:

– А у вас есть письмо или другой какой-нибудь документ, подтверждающий цели вашего визита?

Такой подянки от провинциальной комендантши Юрок явно не ждал. Офигеть, сидит тут, понимаешь, умничает, но не растерялся и сообщил, что письмо идёт почтой, ибо та-

кой важный документ рискованно было везти с собой. Она откинулась на спинку стула и, разглядывая нашего трибуна с явным недоверием, поинтересовалась:

– Ну, хорошо, ну хоть что-то у вас имеется?

Конечно, – у нас имелись паспорта и студенческие билеты.

Рассмотрев наши билеты, комендант сказала:

– Ну, ладно, но ведь нет никого, студенты все на каникулы разъехались.

– Как никого? А летний штаб бюро ВЛКСМ? Кто же координирует работу комсомольского оперотряда и городского строительного отряда? С кем же мы будем обмениваться опытом?

Тут Юрок явно пережал, в его голосе было столько отчаяния, что даже я – человек крайне заинтересованный в его успехе – не поверил, не поверила и комендантша, она явно нас просчитала:

– Нет у нас никого и ничего такого. Так что же вы от меня хотите?

– Вы понимаете, мы думали на время работы с вашим активом в вашем общежитии остановиться и гостиницу не заказали.

При этих словах Юрка состроил такую благодатную рожу, что меня стал разбирать дикий смех, и я, чтобы не заржать, выдохнул из себя весь воздух и закаменел, боясь пошевелиться.

Комендантша хотя и убедилась в правильности своих

предположений, но оказалась женщиной сердечной, пожалела трёх московских прохвостов.

– Давайте паспорта.

Заперев наши паспорта в здоровенный железный шкаф, она сказала:

Трое суток, не больше, ночевать все трое будете в одной палате, на этаже два туалета, всё бельё на дезинфекции – спать будете прямо на матрацах, являться в общежитие до девяти вечера, опоздаете – будете ночевать на улице, отпирать этаж будут в девять утра. Соберётесь уехать раньше – я в этом кабинете каждый день с девяти до пяти вечера. Всё, пошли, сторожу вас представляю.

Напугала – спать без белья, мы ж в турпоходе.

Два с половиной дня мы провели в этом старинном, прекрасном, настоящем западном городе, мне он очень понравился. Я впервые был во Львове – хорошо звучит, как бы в остальных городах союза я-то уж бывал частенько. Увы, нигде, кроме Крыма, до этой поездки я не был. Ходили, глядели на это удивительное смешение архитектурных стилей, разглядывая то ли барокко, то ли рококо, не очень понимая, где тут ренессанс или готика, да и не важно. Башка напитывалась совершенно другой информацией, чем та, которая вливалась в неё в течение года, усталость и депрессия мои испарялись потихонечку. Мне было наплевать на то, что спать приходится на матрасе, брошенном на дикую панцирную сетку, как-то, набродившись по городу, мы довольство-

вались на обед здоровенной паляницей и восьмисотграммовой банкой баклажанной икры: распластали хлеб на куски, намазали икру и стрескали на парковой скамейке. Впрочем, деньги тогда у нас ещё были, но было неважно, захотели так и были счастливы. Помнится, во Львове нам очень понравились двери, и не какие-нибудь музейные или двери важных учреждений – такие двери обычно красивы в любом городе, нет, все двери: жилых домов, магазинов и контор, совершенно старых развалюх и домов, явно отреставрированных, хотя таких было немного, зданий и в центре, и на окраине, все двери в городе были или новые, или отремонтированы, или отреставрированы, и всё это придавало всему городу в целом какой-то нарядный вид.

Город выглядел как немолодой человек, одетый в очень старомодную ветхую одежду, поношенную и где-то потерпевшую урон, но чистую, тщательно выглаженную, местами заштопанную, при этом так умело, что этого практически не видно. И это вызывало уважение, как вызывает уважение, когда человек следит за собой в любом возрасте. Ощущалось, что горожане любят и уважают свой город и следят за его состоянием настолько, насколько им позволяет их карман – городской бюджет.

В первый же день мы скинулись на питание и общие дорожные расходы, Юрка достал всю свою наличность, предложил нам добавить по столько же, что мы и сделали, доверив ему распоряжаться кассой.

Часть нашего времени заняли попытки загнать часть Юркиного ржавого железа, все попытки были неудачными, железо не хотело брать никак, ни за какую цену, даже в подарок. Юрок не унывал, говорил:

– Алек ты пойми, Львов – это же большой город, отъедем в глубинку – там очередь стоять будет.

Может быть, но задарма-то что ж не взять? Хотя кто их поймёт, автолюбителей.

На третий день мы вручили нашему доброму коменданту букетик цветов, воровским образом нарванных нами на какой-то запущенной лужайке, сердечно поблагодарили за гостеприимство, получили свои паспорта. Поинтересовались у неё относительно такого хорошего состояния дверей, и оказалось, что в городе, стараниями его главы была реализована программа, в соответствии с которой были приведены в порядок все двери. Очень толковое решение, понятно, что на всё денег всегда не хватает, тогда сделай то, на что хватит. Тепло попрощавшись, мы убыли в Ужгород.

Ехали ночным поездом, помнится, что места там были только сидячие, как в экспрессе «Москва – Ленинград», с той разницей, что наш поезд тащился еле-еле, как паршивый кобель, останавливался у каждого куста. Впрочем, нам было наплевать – мы заснули, едва усевшись в кресла, и проснулись в Ужгороде.

По приезду перекусив в какой-то забегаловке недалеко от вокзала, используя в качестве навигатора «язык», тот самый,

который доведёт до Киева, нашли в гаражах на окраине автомастерскую, занимающуюся ремонтом машин, и предложили свой автохлам, увы – железо наше и здесь никому не глянулось. Все автомастера дружно нас убеждали, что такой мусор никто и никогда не купит, поскольку сама работа по замене весьма дорога, и какой тогда смысл менять одно старьё на другое, если вскорости придётся менять снова – больше потеряешь на работе. Лукавый заход Юрка купить за полцены, чисто так, для налаживания партнёрских отношений, был со смехом отвергнут. Огорчённые таким невезением, мы поинтересовались у трудяг:

– Отцы, а где у вас пивка холодненького испить коробейникам можно?

Отцы оживились, дружно бросили свою вялотекущую работу и гурьбой пошли нас провожать, шутка ли, московские гости – коробейники, вдруг в следующий раз что-нибудь путного притащат, а не такое говно, выйдя за ворота гаражей, показали нам узенькую тропинку и сказали:

– Идти по ний намет з пивом. Холодного не обицяемо, але свиже точно буде.

И что ж тут не понять, на одному мовою размовляемо. Один народ, тильки трохи заблукали вони.

Путь явно вёл в никуда, впереди синели только верхушки гор, но не доверять людям, которые явно от чистого сердца показали нам маршрут, было запаadlo, и мы с полчаса пёрлись со своими стопудовыми рюкзаками. Когда появилось

желание изматерить эту долбаную жару, эту долбаную тропинку, эти рюкзаки с этим долбаным железом, Юрка, нашу спутницу и, главное, самого себя за то, что повёлся на такой дикий развод, на горизонте показалась какая-то будочка. Дотащившись до неё, мы увидели стандартную советскую пивную палаточку с заветным краником в окошке. Оказалось, что из краника можно налить чешское великолепное свежайшее пиво «Старопрамен» – тёплое как зараза, впрочем, после третьей кружки это стало неважным, а после пятой стало понятно, что неважно вообще всё, и идти никуда не нужно, а нужно расположиться табором возле этой славной палаточки, пить пиво, ни о чём не думать, засыпать и просыпаться около неё, лежать на спине, бездумно раскинув руки, глядя в голубой небосвод. Жара стала спадать, и появилась необходимость найти невдалеке уютный сортирчик или хотя бы кустики какие-то, пришло осознание – мы ж туристы, и, взгромоздив на спины наши неподъёмные рюкзаки, мы двинулись в направлении манящих нас своими зелёными макушками гор. По словам торговца чудесным пенистым напитком, следуя прямо, мы неизбежно упрёмся в берег реки под названием Уж, что вскорости и произошло.

Кстати, славный пенистый напиток, оказывается, поставлялся регулярно прямым из Чехословакии, вот же умеют устраиваться люди.

Подойдя к реке, свернули, шли какое-то время вдоль берега и нашли чудесное место для лагеря: небольшая заводь

с пологим входом в воду и небольшим пляжем, закрытая со всех сторон подлеском и густым кустарником. Разбили лагерь: поставили палатку, разожгли костерок, поставили вариться кашу с тушёнкой – однако и поужинать надо, выкопали яму для мусора и подальше в кустах яму для отправления естественных надобностей. Залезли в реку, отмылись до скрипа, поплескались, поужинали и заснули как убитые.

На следующий день после завтрака решили отдохнуть на этом месте где-то день – другой и затем приступить к цели нашей поездки, коей являлась отнюдь не продажа старого автомобильного хлама, а то, что называется турпоходом – пешеходный маршрут по увлекательным местам. Юрок извлёк из рюкзака откуда-то добытую карту Закарпатья, стали прикидывать, где мы примерно находимся и где нам надо побывать, пофантазировали и пошли купаться и загорать, а куда спешить? Впереди почти что целый месяц.

Утром следующего дня или через день наше уединение нарушили трое местных ребят: два парня и девушка примерно нашего возраста, услышали, что кто-то за кустами брэнчит на гитаре – я с утра решил взять пару аккордов из тех трёх, что я знал. Посидели, поболтали, мы угостили их чаем из своих кружек, они были вполне приветливы, а уж мы-то тем паче.

Всё то время, что мы находились в лагере, наша спутница, взявшая на себя труд приведения в порядок всех чашек и ложек после скоротечных наших застолий, мыла их в речке

прямо у нас под носом. Процедура была проста: разувалась, входила по колено в воду, брала со дна реки в руку горсть песка, стирала песком и водой остатки пищи, споласкивала в воде и бросала в траву на бережок. Делала она это всегда в одном месте, и скоро там собралась вся плотва или что-то другое мелкое, что плавает в быстрых карпатских речках, мы, признаться, на всё это внимания не обратили, да и если бы обратили, что толку – приспособы никакой для рыбной ловли, как я полагал, у нас не было.

Но этой самой ловлей увлекался один из наших гостей, он, видно, по привычке, ходил и что-то высматривал вдоль берега, потом возбуждённый примчался к нам, уселся на бревнышко, извлёк из заднего кармана завёрнутую в бумагу картонку, на которой была намотана леска с разнообразными крючками и поплавками, срезал в кустах упругий прутик, в итоге минут за двадцать этой возни соорудил себе удочку, с которой расположился на берегу, в аккурат над тем местом, где полоскалась наша посуда. Не помню, что он нанизывал на крючок и нанизывал ли что-нибудь вообще, но рыбалка у него пошла с какой-то необыкновенной скоростью. К тому моменту, когда мы собрались покидать наш лагерь, у него было рыбёшек двадцать или чуть больше размером от десяти до пятнадцати сантиметров, которых он еле успевал нанизывать на самодельный кулан из ивового прута.

В разговоре мы поинтересовались, где здесь поблизости винный магазин, неплохо было бы купить пару бутылочек

вина, выпить за наше приятное знакомство, они расхохотались и объяснили, что вино в магазинах, конечно, продадут, но кто же вино покупает в магазине? Их ход мысли нам понравился, и мы поинтересовались: «А где же вино нужно покупать?» После непродолжительной, но бурной дискуссии наши гости пришли к выводу, что вино надо покупать у Вароши, после чего поднялись и сказали:

– Пойдёмте, мы вам покажем.

Голому собраться – только подпоясаться, мы поднялись, взяли деньги, документы и отправились, надо было посмотреть и Ужгород. Это оказался славный городок, они нам что-то показали и рассказали; по дороге мы зашли к нашей гостье, и она презентовала нам пустую пятилитровую банку в авоське, объяснив, что без такого атрибута являться к Вароши бессмысленно. Мы ещё побродили по городу, а в конце нашей импровизированной экскурсии они подвели нас к калитке в высоком глухом заборе, пояснив:

– Постучите, вам откроет высокий старик, скажете, что вы от... – и они назвали какую-то фамилию, – дальше объясните, чего вы хотите.

Мило распрощавшись, мы постучали в калитку, минут через пять её открыл какой-то высокий старик, мрачно взглянув на нас, он поинтересовался:

– Чего надо?

Мы, назвав фамилию-пароль, сообщили о цели визита, старик, поочередно протягивая широченную, как лопата, ла-

доть, поздоровался, представляясь при каждом рукопожатии:

– Товарищ Вароши, – затем развернулся и, ничего не говоря, пошёл вглубь участка. Поняв это как приглашение войти, мы последовали за ним. Оглядываясь вокруг, я увидел на лужайке гору аккуратно сложенных деревянных пустых бочек ёмкостью литров по двести, удивился масштабу производства, мы переглянулись, мол, по адресу пришли. Старик молча дошёл до входа в землянку, спустился по ступенькам, открыл дверь и пропал из виду, мы стояли, не решаясь зайти без приглашения. Он выглянул из двери и махнул нам рукой, приглашая внутрь.

Землянка оказалась погребом, слева и справа от прохода на стеллажах стояли в два ряда те же самые огромные бочки, и где они заканчивались, невозможно было разглядеть, казалось, что погреб бесконечен, тусклые лампочки под потолком мало помогали в определении размеров этого хранилища. Я почувствовал какую-то неловкость – тоже покупатель, явились не запылились с пятилитровым напёрстком, но товарищ Вароши был невозмутим, указав рукой на стоящий при входе длинный стол со скамейками, скрылся в глубинах своей сокровищницы и появился вскоре с неравнобокой фанеркой, на которой стояли три разнокалиберные стеклянные посуды, наполненные белым вином. Поставив свой импровизированный поднос перед нами, он стал внимательно наблюдать за нашими действиями, мы выпили. Это было су-

хое вино, поскольку я в те годы всем алкогольным напиткам предпочитал водку и яичный ликёр, то что-то вразумительное сказать о предлагаемом не мог, но выпил с видом знатока, сидел, причмокивая, давая понять, что да – хорошее, но-де пивали-то и получше. Реакция моих друзей тоже была неопределённой, товарищ Вароши хладнокровно забрал фанерку с рюмками и опять скрылся в недрах своего хранилища – остановились в итоге на четвёртом варианте, просто стало неудобным морочить голову старику. За залитую под край пятилитровую банку с нас взяли где-то рубля три с копейками.

Покидая после столь удачной для нас сделки усадьбу товарища Вароши, мы обратили внимание на старое огромное абрикосовое дерево, усыпанное осыпающимися плодами. Юрка сунул руку в карман, выгреб оттуда оставшийся полтинник и спросил:

– У нас ещё полтинник остался, можно мы у Вас на полтинничек ещё абрикосиков возьмём?

– Конечно, берите.

– А сколько?

– Да вы кладите, я скажу, когда хватит.

Другой тары, кроме подаренной нам авоськи, у нас не было, поэтому из неё была бережно извлечена и передана мне на ответственное хранение банка с вином, а в авоську Юрка с Надей, так звали нашу спутницу, стали бережно – из-за их переспелости – складывать абрикосы, иногда поглядывая

на хозяина, но товарищ Вароши наблюдал за их действиями флегматично и равнодушно. Когда укладываемые абрикосы стали скатываться из раздувшейся бочонком сетки, он сказал:

– Хватит.

Проводил нас до калитки и так же попрощался с каждым, протягивая и бережно пожимая наши цыплячьи лапки своей огромной натруженной крестьянской рукой.

Впоследствии нам объяснили, чем вызвана некоторая нелюбезность к нам людей старшего возраста: «А не хрен по городу в трусах ходить, тоже москвичи, в Москве у себя так расхаживайте, а у нас так не принято». Но мы всё равно перемещались в шортах, справедливости ради надо сказать, что в те годы в Москве мы бы получили точно такую же отповедь от какой-нибудь старушки. В Москве прохожий в шортах в те годы был редкостью. Но мы-то в отпуске.

Мне впоследствии довелось немало поездить по нашей огромной родине, и я подметил, что к москвичам редко относятся индифферентно, как правило, отношение бывает или благожелательным, или недоброжелательным, мне чаще везло.

По дороге вспомнили, что у нас нет хлеба, стали искать булочную и нашли таковую, располагавшуюся в отдельно стоящем здании, но очередь за хлебом заканчивалась на улице. Юрка, рассчитывая на своё обаяние и непреодолимое нахальство, попытался пролезть без очереди, но ему преградил

дорогу какой-то мелкий мужичок в шляпе, явно не местный, но жёсткий. Дело чуть не дошло до драки, мужичка держала его жена, Юрку – Надька, а я стерёг железо, банку с вином и абрикосы, народец уже не тот, что-то нынче я никому уж и не верю. Но видел: Юрка петушился для понта, пытался взять на слабо, а мужик-то не прогнулся – крррасава. Поплутав потом немного по городу, мы нашли заветную тропинку и прибыли засветло в свой лагерь, поужинали абрикосами, немного выпили и легли пораньше – завтра ж в турпоход.

Утром, слегка перекусив, мы уже двигались по протопанной тропинке вдоль какого-то густо заросшего холма, вскоре тропинка исчезла, но направление нам подсказывал склон холма, который потихонечку стал подрастать. Я поначалу шёл в лёгких сандалиях, но у тропки был незаметный для глаза, но хорошо ощутимый для ног боковой уклон. Переобулся в туристические ботинки, и мы поёрли дальше, кроме наших неподъёмных рюкзаков, в руках у нас была ещё почти полная банка с вином и авоська с абрикосами, нетрудно догадаться, что у нас было на обед. Перекусив, отдохнули с полчаса и снова ломанулись вдоль склона горы, часов в семь вечера пощады запросила Надя, тропка незаметно уходила вверх, чтобы расположиться на ночлег, пришлось сползти вниз по склону. Спустились. Рухнули на траву, я лежал и глядел вверх на склон Лесистых Карпат, наслаждался их необыкновенной красотой.

Отдохнув, стали располагаться на ночлег, вода была неда-

леко, но на поляне мы не нашли ни сучка, чтобы развести костёр, чтобы поставить палатку, пришлось ползти опять в гору. Прошло полчаса, пока мы нашли подходящее деревце, казалось бы, все склоны – заросшие очень плотно, но всё попадались или деревья в обхват, или кустарник, или дерево растёт так, что понимаешь – когда оно упадёт, оно застрянет так, что придётся его целиком осучковать (очистить от веток), чтобы стащить вниз. Там, в Карпатах, я заметил: по низу больше всё дубы да бук растут, вот мы и нашли подходящий дубок – он был не шибко толстый. Юрка стал рубить, древесина у деревца была тверда, я, наблюдая за ним, обошел кругом и заметил, что крона у дерева, с одной стороны, сильнее развита и если начать подрубать с противоположной, то оно быстрее упадёт под собственным весом. Смотрю – он уже изнемогает, работает только на характере, пора сменить, но решил ещё и приколоться, говорю:

– Неправильно рубишь, дай я.

Он устал уже изрядно, топор отдал без возражений, но спрашивает:

– А что неправильно?

Начав рубить, с другой стороны, я сказал:

– Главное – станovou жилу перерубить, как жилу найдёшь, оно само рухнет.

На этих словах ствол, который был уже ослаблен его стараниями, начал падать. Юрка – парень неглупый и секрет мой разгадал, но сама теория перерубания становой жилы

пришлась ему по душе, и он частенько вспоминал этот случай.

Стащили ствол вниз, поставили палатку, разожгли костёр, пока Надька кашеварила, заснули оба у костра. Разбудила, пошамали каши с тушёнкой, выпили напиток товарища Вароши и завалились спать.

Утром, наскоро перекусив, мы отправились дальше и к полудню вышли к удивительному по красоте месту, это была небольшая лощина, окружённая с трёх сторон высоченными елями, посередине неё стекал живописный ручей, лощина спускалась по склону с небольшим уклоном. Чуть ниже середины располагалось небольшое крестьянское хозяйство – дом с постройками. Место и открывающиеся виды на долину так нам понравились, что мы решили задержаться тут на денёк – другой. Сказано – сделано, место для палатки было найти непросто, пришлось ставить её на площадке с уклоном метрах в пятидесяти от сельского подворья. Соорудили костерок, набрали чистой водички из ручья, поставили вариться вермишель с последней банкой тушёнки. Сидели у костра, увидели, что к нам от дома идёт парень лет тридцати. Подошёл, поздоровался, представился – Назар – это был сын хозяина усадьбы, осведомился, кто мы, откуда. Рассказали, что мы туристы из Москвы, остановились на денёк – другой, поинтересовались, не доставим ли мы им неудобства. Назар ответил:

– Ваша справа, живить соби, сколько хотите.

Затем посмотрел на нашу готовку и спросил:

– Воду в струмку брали?

Глянул на наши недоумевающие лица и сказал:

– В ручье?

– Да.

– Вона в принципе чиста, але ми в іншому місці, пішли покажу.

Он двинулся в лес, мы втроём двинулись вслед за ним, шагов через пятнадцать он подвёл нас к вертикальной скальной стенке, в которой была ниша метровой ширины и высоты, подойдя вплотную, увидели, что в нише имеется природная ванна, которая наполнялась водой через трещины в скале. Вода показалась нам удивительно вкусной.

За обедом, переходящим в ужин, обсудили дальнейшие планы, бизнесмену нашему стало ясно, что таскать на своём горбу никому не нужное железо по лесу – затея так себе, решили завтра отбыть в Мукачево, где попытать счастья ещё раз и в случае неудачи распроститься с ним.

Ночью пошёл дождь, который строго указал, что нарушение правил установки палатки чревато – по дну палатки вода лилась потоком. А что сделаешь? Потоки воды со склона были таковы, что хилую канавку по периметру палатки, которую я с трудом расковырял в дернине на скальном грунте, вода попросту перепрыгнула. Хорошо много натаскали много сучьев для костра, переместили их палатку, сложили в три слоя, получился относительно сухой настил, просидели

на нём в полудрёме до утра.

Утром зашёл Назар.

– Добрий дощик був, вас не змило?

И, глядя на наши усталые не выспавшиеся лица, произнёс:

– А що ж не постукали, розмистили б вас в синньому сараи.

В голосе его звучало неподдельное сочувствие.

Утро было чудесное, Назар нас заверил, что дождя не будет, мы попили чайку, разложили на солнце барахлишко для просушки, подняли дно палатки для тех же целей.

Я прилег в тени на травку, наблюдал, как Юрка ходил к дому и о чём-то беседовал с Назаром, потом они вместе глядели в ручей, потом у Юрки появилась рыболовная снасть, проснулся от громкого разговора – Юрка песочил Надьку, как я понял, он поручил ей сварить уху, а она, не зная тонкостей приготовления, выкинула головы и плавники, и теперь уха безнадёжно испорчена.

Когда я поёдал через час вполне приличный рыбный супчик, который сварганила Надежда, мне рассказали, что я проспал море интересных событий: во-первых, поскольку Надька мыла посуду по той же технологии, как и в Ужгороде, остатки нашей лапши на дне ручья спровоцировали наплыв в ручей стаи мелких рыбёшек; во-вторых, Юрка, попросив у Назара снасть, наловил треть здорового котелка этих рыбок, остальное – про то, что Надька сплеховала с ухой, – я уже слышал. Сняться с лагеря мы решили на следующее утро.

На железнодорожной станции Юрка заявил:

– Денег мало, едем до Мукачево, но билеты берём до ближайшей станции.

– Так ссадят же контролёры.

– Во-первых, контролёры не каждую электричку шмонают; во-вторых, не ссадят, я их уболтаю; а в-третьих, если ссадят, сядем на следующую и доедем.

Мы так и поступили – взяли билеты до ближайшей остановки, сели в электричку и доехали на ней до Мукачево. И в самом деле – контролёры шерстили не все электрички.

Сойдя с электрички, первым делом навели справки, где тут торгуют автозапчастями, на нашу удачу, торговали на рынке, который находился относительно недалеко. Увы, и здесь нас ждала неудача, моё предложение выкинуть весь автохлам прямо на рынке Юрка отверг, ему хотелось пафоса, и мы отправились к Латорице, речке, протекающей через город, где Юрка с озверением начал метать запчасти в водную гладь. Наверно, такое же выражение лица было у отца Фёдора из романа Ильфа и Петрова, когда он понял, что бриллиантов в стульях, за которыми он охотился по всей стране, нет. Но на жемчужину своего заглавника – генератор – рука у него не поднялась, и самом деле, такая вещь. Да там одной меди на две поллитры, и что ж, её тоже, что ли, в воду? Покрутил в руках и сунул снова к себе в рюкзак.

Вернувшись на вокзал, мы сдали рюкзаки в камеру хранения и отправились осматривать город, где, разглядывая какой-то полуразрушенный замок, столкнулись нос к носу с

тем самым мужиком, с которым у Юры возникли тёрки в очереди за хлебом в Ужгороде. Мы вежливо поздоровались, мужик ответил не менее корректно, но выражения счастья от нашей встречи я на его лице не увидел.

Набродившись, чтобы не заморачиваться с готовкой, перекусили в какой-то недорогой столовке, забрали рюкзаки, дошлёпали до полянки около Латорицы, поставили палатку и завалились спать.

Утром нас разбудил шум проезжающих машин и разговоры проходящих людей, выбравшись из палатки, мы с удивлением обнаружили, что расположились в парке в черте города недалеко от какой-то довольно оживлённой дороги.

Собрались по-скорому и, не мудрствуя лукаво, отправились на вокзал, по апробированной схеме сели в электричку и укатили, если мне не изменяет память, в Хуст.

Нам немного не повезло, ссадили нас где-то на предпоследней остановке, мы, признаться, не шибко огорчились, немного размять кости тоже неплохо, двинули пешком в направлении города. По дороге, перейдя по мосту через какую-то речонку, спросил старушку на противоположной стороне:

– Как река называется?

– Река.

– Да я понимаю, что это река, а как она называется?

Старуха мне со смехом:

– Река.

Вот, думаю, до чего же тупой народ, то ли все хохлы такие тупые, то ли это бабка от старости совсем с глузду съехала, и ржёт как сивая кобыла.

– Бабуленька, это я понимаю, вот это река, – и указал рукой на реку, – а название у неё какое? Как речка-то называется?

Бабке уже плохо стало от хохота, стоит, согнулась и опять за своё:

– Река.

Я понял, старушка не в себе, добавил ходу, чтобы своих догнать, оглянулся на бабку, жива ли, а то так ржала, а не молоденькая уже, далеко ли до греха? Глянул, а на берегу указатель с надписью: река «Ріка», шкандыбаю и размышляю: бабка, наверно, думает: до чего тупые эти русские туристы – эта самая «Ріка» по-русски звучит «река». Жизнь.

Местечко для бивака выбрали отличное – на холме, вблизи деревьев, внизу река. Поставили палатку, с костерком решили повременить, очень хотелось окунуться – с этими электричками, походами немного запсивели, решили помыться, постираться, искупаться, проветриться, отдохнуть у воды. Пошли в шортах, всё своё барахло мы всегда оставляли в палатке – кому оно нужно? Походные треники, какие-то запасные майки, рубашонки – не о чём говорить. А ходить везде с рюкзаком за плечами – это удовольствие не из приятных, и выглядеть будешь странновато. Но бумажник свой с документами и деньгами я, даже когда он был не нужен,

в палатке не оставлял – или брал с собой, или прятал где-то рядом, вот и в этот раз взял, и засунул его под палатку с противоположной стороны поглубже. Подальше положишь – поближе возьмёшь. Юрка, глядя на мои действия, произнёс, поморщившись:

– Да тут не воруют, – однако остановился, почесал кончик носа и добавил: – А хрен её знает, – и тоже сунул свой кошелёк сбоку под палатку.

Наблюдавшая за нашими действиями Надежда безапелляционно произнесла:

– А я кошелёк всегда с собой ношу, – но, поглядев на нас, пошла и приховала свой кошелёк где-то в кустах

Накупались мы на славу, недалеко местная малышня лет десяти-двенадцати каталась в Тиссе как с горы. Технология была простая: заходили на мелководье, там, где воды было примерно по колено, ложились спиной вниз и ногами вперёд в воду, подкладывая себе под зад, для страховки от удара об камни, руки ладошками вниз, – вода тащила их по камням, как с горы на санках, когда они, пролетев мелководье, попадали на глубину, то просто переворачивались, подплывали к берегу, вылезали и возвращались к исходной точке. Мы отметили для себя участок, где плавали пацаны, было очевидно, что они его хорошо изучили и шанс пораниться об острые камни был невелик, и тоже пошли кататься. Надя благо-разумно отказалась, а мы в компании, можно сказать, ровесников, если иметь в виду уровень интеллектуального разви-

тия, с дикими воплями носились по руслу Тиссы, вызывая радостный смех наших новообретённых друзей.

Вернувшись к палатке, увидели, что она распахнута, это показалось странным, мне представлялось, что мы, уходя, застегнули её на все застёжки, подошли, заглянув внутрь, я увидел, что в палатке всего два рюкзака. Быстро разобрались, что нет моего рюкзака, потом не обнаружили гитары и транзисторного приёмника, тут все как по команде метнулись за своими кошельками, слава богу, они были на месте, Надежда только в панике забыла, где спрятала свой, искали втроём – нашли.

В итоге из одежды у меня остались туристические ботинки, пара носков, рубашка с короткими рукавами – тогда такие называли теннисками, двое трусов, когда пошли купаться, взял чистые переодеться, шорты и один носовой платок. Не скажу, чтобы я сильно огорчился, жаль было гитары, с ней в походе, даже таком импровизированном, как у нас, как-то веселее, и приёмника – его Людмиле подарили родители на день рождения. Пропажа тряпья меня не расстроила, хотя понятно было, что это внесёт определённый дискомфорт в быт, котелки наши походные и кружки никому не понадобились – лежали у костра.

Было ещё светло, поэтому решили дойти до ближайшего отделения милиции и подать заявление, городок невелик, вдруг они всю свою шпану знают наперечёт.

Нас гоняли часа два по кругу, в каждом отделении утвер-

ждали, что место происшествия не их подведомственная территория, в итоге с боем в одном все согласились нас выслушать. Внимали нам трое звездоносных стража порядка, прослушав, велели составить список похищенного, точно указав размеры, цвета, фасоны, торговые марки, характерные детали и приметы всего украденного. Я пытался отбояриться, сказав «мне б только гитарку и приёмничек», но блюстители порядка замахали руками и велели писать всё, что так, мол, похитителей им будет найти проще. Пока я корпел над списком, служители закона витийствовали, первый задумчиво произнёс:

– Приёмник у нас не всплывёт, не дураки, отвезут в Ужгород или во Львов, так толкнут на рынке, тряпьё – матери, на огороде будет ковыряться, а гитара недели через две заиграет, может, и зацепимся.

Я отвлёкся от своей писанины.

– Так я через две недели в Москве буду.

– А мы на твоё отделение милиции описание вышлем или приедешь сам, опознаешь.

Идея ехать через полстраны опознавать старенькую покоцанную семирублёвую шиховскую гитару показалась мне малопродуктивной, но я спорить не стал – детективы, они-то уж понимают, что и как.

Старший по званию нервно барражировал вокруг стола, периодически нагибался, облакачивался о стол, разворачивался грудью к слушателю, которым становился то я, то Юр-

ка, и, отчаянно жестикулируя другой рукой, говорил горячо, на нерве:

– Не, ну, ты, бл..., послушай, у нас, бл..., при Гитлере чемодан, бл..., две недели стоял на вокзале, бл..., и не одна бл... его не трогала. А теперь, бл..., что коммунизм, бл..., строим, да бл..., а всё прут как подорванные.

Мне, признаться, было не до дискуссий о том, как строят коммунизм в Закарпатье, так как по ходу беседы становилось всё яснее, что все наши хлопоты бесполезны. Выяснив, что с нами девушка, третий мент, поглядев в окно, задумчиво произнес:

– Девушка, одна в горах... – и покрутил головой.

Мы глянули с Юркой тоже – за окном уже стемнело. Нашу просьбу подкинуть на коляске или газике до места происшествия отмели, сославшись на отсутствие транспорта, водителя, бензина и необходимости – да чего с ней будет, с девушкой, а вам прогулки вечерние только на пользу, а то сидите там в своей Москве, будь она неладна. В итоге Юрка, как более ушлый в общении, остался дожидать ментов, а я отправился спасать Надьку.

Начав по приходу расстёгивать палатку, я услышал испуганный писк:

– Кто там?

Забравшись в палатку, увидел Надюшу, вооружённую топором, рассказал ей о наших злоключениях и завалился спать, часа через два появился злой как чёрт Юрка. Волки

позорные отказались заводить дело, старший заявил:

– Вам, бл..., вещи нужны украденные или, бл..., бумаги?

С утра, попив чайку, Юрка объявил, что, поскольку у него осталось денег только на билет до дома, то он собирается отваливать домой, а мы, буде у нас желание, можем продолжить путешествие вдвоём. Рюкзак со своим барахлишком он оставляет мне, чтобы у меня появилась какая-то сменка. Компания разваливалась. Отчасти предложение было даже заманчивым, как-никак, в рюкзаке у него был особо ценный генератор, а уж с генератором-то я мог развернуться, но принять такой дар я не смог себе позволить и мы поддержали его идею досрочного прекращения нашей одиссеи. Появился повод хорошо оттянуться напоследок в Хусте, и поскольку решение было принято, мы в предвкушении скорой встречи с близкими и от этого в отличном настроении двинули в Хуст. Надежда припрятала часть своего барахлишка под палатку, Юрка картинно махнул рукой и, подобно хустовскому менту – поклоннику гитлеровской дисциплины, – заявил:

– Пусть, бл..., подавятся, – оставил всё своё барахлишко на разграбление.

Побродили по городу, полазили по каким-то развалинам, зашли в католический костёл – там шла служба. Присели поглазеть, было интересно посмотреть на незнакомые обряды, верующие регулярно подпевали, мы помалкивали, в какой-то момент все встали, а мы затупили и остались сидеть, стоящий сзади старикан долбанул нам с Юркой костяшками

пальцев по башке, мы вскочили, а когда все снова сели, потихоньку смылились.

Под вечер захотелось перекусить, нашли на окраине открытую уютную чистенькую забегаловку, сели, заказали суп, гуляш, обжаренные кабачки и баклажаны, бутылочку красного вина, было всё нам по карману, то есть очень недорого и очень вкусно. Проголодались, лопали, не поднимая головы, и вдруг услышали над головой:

– Мир действительно тесен. Нин ты посмотри на этих жизнерадостных нахалов, третий раз уже их встречаем.

Мы подняли головы и обомлели. Перед нами стоял тот самый мужик с женой из очереди за хлебом в Ужгороде. Глядя на нас, он произнёс:

– Мир тесен, но не настолько же – это знак, нашу встречу надо отметить.

С нашей стороны возражений не было, они присели за наш стол, размер которого позволил бы разместить ещё пару таких компаний, выпили за встречу, разговорились, что да как. Мы рассказали, что мы студенты, отправились в поход, в который из девяти собиравшихся пришли на вокзал только трое, что у нас попортили вещи. Мужик оказался питерцем, который учился в Москве, знает её и любит. Поржал над нашим рассказом, удивился нашему оптимизму и заявил:

– Ребята, за стол платим мы, да, Нинуль? – супруга горячо поддержала мужа, мы протестовали, но очень негромко и недолго. Засиделись допоздна, они травили свои старые сту-

денческие байки, мы – свои, прощались как родственники перед долгой разлукой.

В полдень следующего дня мы уже толкались в толпе желающих приобрести билет на Москву у железнодорожных касс города Хуст, где, к нашему изумлению, узнали, что в связи с эпидемией холеры поступило указание билеты до Москвы не продавать. Половина толпы недоумевала: какая холера, где холера? Другая половина удивлялась: вы что, с луны свалились? Весь юг в холере. А мы где? Начальство железнодорожное хранило железобетонное молчание, в кассах твердили: билетов нет и всё. Но билетов не было до Москвы, а до Киева – пожалуйста. Промаявшись полдня на вокзале, мы решили рвануть в Киев, логика наша была такова: всё ж таки полдороги до дома уже проедем, а там авось что-нибудь придумаем, взяли билеты на ночной в общий вагон, продремали в нём полусидя-полулёжа и утром усталые, не выспавшиеся, никакие плелись по Крещатику в толпе вполне себе счастливых прохожих, а чего им грустить, они дома. Поболтавшись немного по городу, так, исключительно чтоб отметить, только что не написали на какой-нибудь стене Крещатика: «Здесь были Юся, Надюся и Алькуся», – вернулись на вокзал и стали искать пути решения задачи достижения рідного берега, уткнулись в стену – билеты были только в Одессу. Всё встало на свои места, о чём, собственно, думать? Поступили так, как поступил бы любой вменяемый человек в схожей ситуации. Скажем, человеку нужно в Москву, что

он будет делать? Да любому ясно: берёт билет и едет в Одессу, мы так и поступили. Очевидно же, что процесс важнее результата. Большим подспорьем было то, что Одесса, как оказалось потом, была одним из центров распространения холеры, народ-то не проведёшь, и желающих ехать туда было немного. Была ещё пустяковая причина, возможно, повлиявшая на наше решение направить стопы к городу у моря – какой-то сумасшедший клялся и божился в толпе, что у него дальняя родственница из Одессы сказала ему по секрету в телефонном разговоре, что у них из Одессы поезда в Москву идут без задержки, многие верили.

Грустно только то, что даже в эти трудные минуты не весь народ готов был сплотиться, не было настоящего единения, и эти подлючие контролёры ссадили нас на полдороге, вишь ты, билеты у нас только до первой станции, и что? Как же так, нам же в Одессу надо, там, говорят, на Привозе автомобильные генераторы в дефиците, а мне на Мальцевский рынок надо, Даниил рассказывал, что там одному слепому подарили вязаную шаль – надо ж глянуть.

Сидели на станции, смотрим: тормозит скорый «Киев – Одесса», стоянка – одна минута, билеты взять мы не успевали, да, собственно, денег на билеты не было, подошли к проводнице, предложили ей трёху и говорим:

– Пустите до ближайшей станции.

А она, добрая душа, отвечает:

– Да езжайте хоть до Одессы, контролёры уже прошли.

В день прибытия мы первым делом отправились на Привоз, где Юрка ждало глубокое разочарование – генератор его не был нужен и здесь, судьба его была решена – он был торжественно затоплен у причальной стенки одесского морского порта. Привоз поразил обилием колоритных персонажей, запомнился один, продававший женские сапоги, явно найденные им где-то на помойке. Он ходил, держа в каждой руке по сапогу, громко выкрикивая:

– Аляска, Аляска.

Когда он в очередной проходил мимо нас, я сказал ему:

– Чего ты с ними маешься?

– А что же мне с ними делать?

– Выкини их на х...

– Выкинуть?

– Конечно.

Мужик взмахнул руками, сапоги, описав высокую дугу, прилетели кому куда, раздались возмущённые возгласы, а мужик, не обращая ни на кого внимания, проследовал к выходу, громко размышляя вслух:

– Ну что за люди, я хожу два часа, предлагаю товар, никто не скажет, что товар не нужен. Хорошо нашёлся человек, объяснил.

В Одессе мы пробыли несколько дней, сначала побродили по городу, выпили по кружке пива в знаменитом «Гамбринусе», оказавшемся заурядной пивной с незаурядными ценами, прошлись по Дерибасовской, посмотрели Дюка с лю-

ка, спустились по Потёмкинской лестнице, в целом выполнили стандартную туристическую программу. Жили на окраине, сторговались с какой-то бабкой, Юрка уболтал старушку за сущие копейки, хотя и копеек у нас оставалось маловато. По завершении изучения города стали пытаться разобраться, как вернуться к родным и близким. Главной проблемой было отсутствие ясной информации: что происходит и что надо предпринять для возвращения.

Таких горемык собиралось на вокзале несколько сотен, у кого-то заканчивался отпуск, кому-то надо готовить детей к школе, кто-то возвращался из командировки, народ разбивался на кучки, в каждой был вожак – настоящий буйный, который-то уж точно знал обстановку и что делать. Мы разъединились – каждый стал собирать информацию отдельно, собранные и проанализированные сведения были неутешительны: поезда продолжали курсировать, но для того, чтобы купить билет, нужно было предъявить справку о том, что ты здоров и не являешься носителем холерного вибриона. Справку можно было получить только в нескольких больницах города, специально перепрофилированных на время карантина, который собираются ввести в городе в ближайшее время. Попастъ в больницу сразу по обращению невозможно – ввиду большого количества людей, стремящихся покинуть город, больницы переполнены и там существует предварительная запись. Во избежание инфицирования прошедших цикл исследования и получивших справки их группа-

ми отправляли на вокзал, где они ожидали отправления без права покидать зал ожидания. Услышав всё перечисленное, мы решили перебраться в Кишинёв, где, по рассказам, всё было попроще, билеты туда ещё продавались, и вечером мы укатили. Радость наша была недолгой – поезд остановили в Бендерах, сообщив, что дальше он не пойдёт, что мы должны оставаться в вагоне до утра, а затем нас то ли поместят в карантин, то ли просто заставят дожидаться окончания всей этой канители, то ли утопят в пруду.

Не став дожидаться ни того, ни другого, мы покинули вагон, никаких препятствий нам никто не чинил, прошли пешком сквозь город, нашли какую-то полянку, на которой стояла туристическая палатка, недалеко поставили свою и завалялись спать.

Утром стали разбираться, где мы, пошли за консультацией в соседнюю палатку, там жили туристы из Москвы, семейная пара и парень, их друг. Они растолковали нам, что мы находимся рядом с молодёжным лагерем, то ли международным, то ли всесоюзным. По этой причине костров разводить нельзя, но можно питаться в ресторане лагеря, который располагался в стандартной советской шайбе – здании из профилированного ПВХ цилиндрической формы, находящемся метрах в тридцати от нас, можно пользоваться туалетом ресторана, можно ходить в лагерь на волейбольную площадку и на танцы. За небольшую плату можно посещать лагерьный душ, в целом переждать смутное время вполне возможно, что они

и делают, поскольку попали в такую же ситуацию, как и мы.

Всё было прекрасно, за исключением того, что утренняя ревизия наших средств засвидетельствовала практически полное их отсутствие, денег было рубля три, не больше. Теоретически можно было отбить телеграмму, и, конечно, Людмила, наверно, заняв у родителей, прислала бы мне нужную сумму, но я об этом даже думать не хотел, при моей теперешней зарплате тянуть ещё деньги из нашего тощего бюджета я не мог себе позволить. А Юрке жена ещё по отъезду заявила:

– Деньги кончатся – даже не думай звонить, добирайся, как хочешь.

Но голод не тётка, пошли позавтракать в ресторан, взяли чаю, хлеба, по две порции сливочного масла и по две порции манной каши, по ходу трапезы поинтересовались у официантки, не знает ли она какой-нибудь стройки в Бендерах, где могли бы пригодиться наши мозолистые руки. Она ответила:

– Так у нас для лагеря новые корпуса строятся, площадка километрах в трёх отсюда, попытайтесь там поговорить.

Мы разузнали, как добраться до лагеря, дождались автобуса, проехали остановок пять и вышли на остановке «Лагерь».

Водитель автобуса рассказал, где находится лагерь, хотя ошибиться было сложно – ворота его располагались метрах в пятнадцати от остановки. Нам повезло – войдя в ворота, мы увидели группу людей, сидящих на корточках вокруг черте-

жа, выяснилось, что среди них был прораб. Подошли, объяснили ситуацию, что в турпоходе в Закарпатье у нас украли деньги, одежду, а тут ещё холера, мотаемся по стране, денег просить на обратную дорогу не у кого, у обоих в семьях маленькие дети и жёны не работают. В принципе если и приврали, то совсем чуть-чуть.

Прораб выслушал нас, не перебивая, внимательно разглядывая, поинтересовался:

– А остановились-то где?

– На поляне рядом с рестораном.

– Так это ваша вторая палатка, которая сегодня появилась?

– Наша.

Прораб разогнулся, спросил:

– А что можете?

– Всё: плоское катать, круглое таскать, бетон месить, немного по плотницкой части, немного по слесарной.

– Работа, говорите, нужна... Хорошо, видите машину с байдаком? – прораб, указал на бортовой грузовик с удлинённым кузовом, стоящий посередине площадки. – Разгружайте.

Мы с Юркой направились к грузовику, сняли рубашки, остались в шортах.

– А рукавицы дадите?

– Ребята, дайте им рукавицы.

Забрались в кузов, он был под завязку забит берёзовой

толстой необрезной доской шестиметровой длины. Юрка, как более крепкий, встал у заднего борта, там было сложнее, я у кабины. Лесины были каждая килограммов по двадцать-тридцать, работать поначалу было неудобно, приходилось, стоя на куче, вытаскивать из неё доски и скидывать вниз, когда кузов чуть подгрузился, стало поудобнее, ну а когда смогли открыть боковые борта, работа полетела.

Остановились отдохнуть через полчаса, разгрузив половину, прораб, вскочив на подножку, заглянул в кузов, одобрительно кивнул и сказал, обращаясь к своим рабочим:

– Ну что, мужики, поможем москвичам, а то останутся у нас насовсем, всех девок наших перепортят, вишь какие шустрые.

– Подходящие парни, – ответил за всех бригадир. – Полгода подсобников нет.

Прораб спросил:

– Документы с собой?

Мы достали паспорта, прораб быстро пролистал их и сунул в карман.

– Оформлю сегодня в конторе, вечером занесу к вам в палатку.

После отъезда прораба с объекта закончили разгрузку машины, затем штабелировали доски в указанном месте, после чего бригадир сказал нам:

– Отдохните пока, понадобитесь – скажу.

Не понадобились до вечера, отправились домой, не дожи-

даясь автобуса.

Часов в шесть вечера мы были в лагере, заплатив по десять копеек, помылись душе, подойдя к палатке, увидели прораба, беседующего с Надей.

– А что ж вы не рассказали, что с вами такая красавица? Мы б ей тоже работу подыскали.

Но у нас были другие планы на Надежду. Распрощавшись с прорабом, отправились в ресторан, первым делом зашли в кабинет к директору. Попросили выслушать нас, директриса – приятная интеллигентного вида женщина лет пятидесяти, внешность которой и манера ведения беседы в другой ситуации никогда бы не натолкнули меня на предположение, что я беседую с директором заштатного ресторана на окраине г. Бендеры, – согласилась нас послушать. Мы рассказали свою горькую историю, включая то, что уже устроились работать на стройке их лагеря, и попросили кормить нас в кредит до первой получки. Выслушав нас, директриса попросила наши паспорта, внимательно изучила их, сказала:

– Хорошо, я вам помогу с условием: ваши паспорта будут храниться у меня в сейфе до полной расплаты.

Мы, собственно, на это и рассчитывали. Договорившись о главном, мы поинтересовались: возможно сделать так, чтобы обеды нам отпускали в каких-нибудь кастрюльках, чтобы наша спутница могла приносить нам обеды на стройку? Оказалось, что ресторан для желающих отпускает обеды в судках, так что проблем никаких с нашим дневным питани-

ем не будет.

Забрав наши паспорта, директриса положила их в сейф, достала оттуда детскую ученическую тетрадь в двенадцать листов, написала что-то на обложке, вызвала старшую по смене официантку и сказала:

– Зой, мы будем кормить двух этих молодых ребят и девушку в кредит. Ты эту тетрадку в буфет положи, а девушкам передай, чтобы они, когда кто-нибудь из них будет что-то заказывать, записывали в тетрадь, что заказали, дату, стоимость заказа, и чтобы кто-то из них обязательно расписывался, поняла?

Зоя кинула головой.

– И ещё. Эти хитрецы, будут вас просить, чтобы вы записали цыплёнка табака, а им вместо цыплёнка бутылочку Рошу де Пуркаръ, ни в коем случае на это не поддавайтесь, узнаю, что не послушались, – накажу.

Глядя на наши вытянувшиеся от огорчения физиономии, Зоя прыснула от смеха и упорхнула в зал. Мы поблагодарили директрису и пошли ужинать, хотелось не есть, а жрать, причём хотелось дико. Однако жизнь начала налаживаться.

До нашей стройки мы ходили пешком, дорога к стройке лежала через помидорные плантации, проходя через поле, мы набирали себе помидоров на завтрак. Я их собирал так: подходил к кусту, выбирал помидор посимпатичней, подставлял снизу кисть и чуть приподнимал её, и если помидор падал мне в руку, то я его брал, если нет, то выглядывал дру-

гой. Все помидоры были перезревшие и обычно падали. Помидоры эти никто не убирал, мы как-то поинтересовались у прораба:

– А почему помидоры не убирают?

– Некому убирать.

– А зачем сажали?

– План.

– И чего, всегда так?

– Да нет, бывает, студентов присылают, тогда убирают.

Это-то, на мой взгляд, и послужило причиной развала Советского Союза – тупое бездарное хозяйствование, примеров таких за время своей работы в СССР я видел превеликое множество.

На объекте мы появлялись где-то за полчаса, завтракали припасённым хлебом с помидорами, затем приступали к работе, хотя нагружали нас мало, бригадиру как-то было фиолетово, кто чем занимается. Работа на стройке была организована из рук вон плохо, часть бригады, включая бригадира, по полдня играла в карты на деньги, кто-то вяло ковырялся, ошкуривая кругляк, кто-то ходил красть баклажаны для зимних заготовок или на продажу. Это было дело серьёзное – баклажаны охраняли.

Пару раз в день на стройку заезжал прораб, он ездил на мотоцикле, характерное постукивание двигателя «Урала» знал любой мужик в Союзе – на «Уралах» ездили менты, но работяги не обращали внимания на ожидаемое прибытие на-

чальства, да и как, когда на кону рублей десять, – да пошёл он. Прораб начинал материть работяг, ещё не доходя до ворот, но они начинали вяло подниматься на ноги только тогда, когда он стоял уже над ними.

Мы с Юркой поступали иначе: заслышав стук движка, брали какое-нибудь бревно и тащили его на другой конец стройплощадки или начинали нагружать тачку песком, в общем, находили себе какое-то занятие. Видя нашу тягу к труду и усердие, прораб сокрушался:

– Вот где б мне таких десятков найти на постоянку? Я б всё Приднестровье застроил.

Со второго дня нашего присутствия нас прозвали декабристами, причиной того была наша система питания в рабочее время. Кто-то из наших коллег приносил себе на обед домашнюю готовку или молочко, хлеб, колбаску, часть разъезжалась по домам, а нам ввиду отсутствия наличных денег Надюша каждый день приносила из ресторана горячий, или, точнее, тёплый, обед в судках. Двенадцатичасового автобуса из города не было, она шла пешком, издалека сначала появлялась голова в платочке, потом вся фигурка, неспешно шествующая по пыльной дороге с судками в руках. Работяги, ожидавшие автобуса в город и наблюдавшие эту картину, говорили:

– О, жена декабристов идёт, – так мы и стали декабристами.

С работы мы возвращались около полшестого вечера,

принимали душ, потом шли ужинать в ресторан. Так как алкоголь под запись в ресторане нам не продавали, ни под каким видом мы нашли возможность зарабатывать понемногу налички себе на винишко.

Помогло нам то, что Юрка был то ли кандидатом в мастера, то ли перворазрядником по волейболу. Протестировав мои скромные навыки в этой игре, он заявил:

– Сгодишься, главное, чтобы тебя на площадке поменьше было, не суетись, – и мы начали каждый вечер ходить играть в волейбол.

Играли всегда двое на двое или двое против трёх, изредка брали третьего – одного из наших палаточных соседей, тогда играли трое на трое или трое против четырёх, паренёк играл почти в силу Юрки. Схема была простая: играли первую партию с незнакомыми парнями, приглядывались, обычно приходили любители, примерно моего класса, если Юрка видел, что выигрыш возможен, то после первой партии он предлагал сыграть по полтиннику с носа, первую партию мы всегда проигрывали. Проиграв, делали вид, что мы завелись, и предлагали сыграть вторую по рублику, как правило, вторую выигрывали с минимальным перевесом, и в большинстве случаев сыграть третью партию предлагали оппоненты, тут Юрка максимально поднимал ставки и играл в полную силу. Моё дело было принять мяч после подачи соперника, как правило, старались подавать на меня, как на более слабого игрока, и затем подать свечку Юрке, неважно куда – на

середину площадки или под сетку, – он успевал везде, выпрыгивал и гасил любой мяч. Заработав рублей пять-шесть, шли в ресторан, брали пару бутылок сухого вина, что вызывало поначалу оторопь у официанток – откуда деньги, потом они разузнали про наши левые доходы.

Однажды, отметив в ресторане победу после очередной игры, пошли прогуляться с нашими палаточными соседями по территории молодёжного лагеря, на границе которого мы притулились. В центре лагеря была танцевальная веранда, и соседи наши пошли туда подвигать бёдрами, Юрка с Надей и женой одного из танцоров продолжили прогулку по парку, а я остановился поболтать – встретил паренька со стройки, он бюллетенил, повредил ногу в первые дни нашей работы на стройке. Вспомнил, что он говорил, будто у него жена кассиром работает на железнодорожном вокзале в Бендерах, стояли, беседовали, он сказал, что через день из Бендер уйдёт первый состав на Москву, билеты продают только при наличии справки, но так как у него жена кассир, то три билета выцепить, наверное, удастся, вдруг услышали шум драки на площадке. Через пару минут клубок дерущихся выкатился на площадку перед танцверандой, впрочем, уже не дрались, дружинники крутили руки нашим соседям, я влез, пытаюсь разобраться, что произошло, до кучи, видно, на всякий случай, закрутили руки и мне. Милиция появилась практически сразу, всей толпой повели нас в вагончик опорного милицейского поста, находящийся метрах в двадцати. Соседи наши

были явно в неадеквате, матерились, пытались вырваться из рук, угрожали страшными карами. Пацан со стройки знал всех дружинников, стал объяснять, что я в драке не участвовал, но ему посоветовали не мешаться и повели меня в вагончик со всеми.

В опорном пункте было два стола, сидевший за одним из столов милиционер стал допытываться у парней, кто они и откуда, но они, как партизаны на допросе в гестапо, не сдавались, жёстко матеря бендеровскую милицию, дружинников и всех проживающих в славном городе Бендеры, утверждая, что все они фашисты, ибо являются прямыми потомками гитлеровского прихвостня Бандеры, что было в корне неверно, поскольку Стёпа Бандера, как известно, родом с Западной Украины, из Галиции, где и отличился. Надо сказать, народ местный очень не любил, когда название их чудесного городка, пусть даже по незнанию, сплетали с именем западенского ублюдка. Я стоял в толпе дружинников у второго стола, за которым сидел начальник местных дружинников, размышляя, чем может закончиться для нас вся эта история – просто надают по соплям или посадят суток на десять в холодную. Смотрю, в дверь заходит паренёк со стройки, с которым я только что беседовал у танцверанды, поздоровался с командиром дружины, перекинулся с ним парой ничего не значащих фраз, потом со мной, как будто только что меня увидел, мы постояли немного, потом он взял меня под руку и повёл к выходу, сказав дружинникам:

– Поссать попросился, я присмотрю.

Мы прошли мимо командира дружины, который не обратил на нас внимания, вышли из вагончика, обошли его кругом, там он мне шепнул:

– Прямиком через кусты к своим палаткам выйдешь.

– Спасибо. С билетами поможешь?

– Подходите завтра к вокзалу к восьми вечера.

– Давай, до завтра.

– Пока.

Подойдя к палаткам, увидел беседующих Юрку, Надежду и встревоженную соседку.

– А где ребята?

– Замели, взяли на первом же скачке.

– Ну ладно, серьёзно, где они?

– Вестимо, где, там, где фулиганов держат, – в милиции.

– Вот Витька гад, как сто граммов выпьет, обязательно найдёт к кому придраться, и мой туда же за ним. А как думаешь, серьёзно?

– Завтра узнаем.

Назавтра в милиции ей сообщили, что пацанам впяяли по пятнадцать суток.

А мы с утра по холодку бодро шлёпали на работу, пошёл наш десятый трудовой день. Последние дней пять мы выходили на полтора часа раньше, прораб попросил за дополнительную плату выходить на растворно-бетонный узел и готовить бетон – пошла заливка фундамента. Работа неслож-

ная, но физически трудная, замешивание бетона, слава богу, происходило без нашего участия, но загрузка цемента и песка осуществлялась вручную, так что к началу рабочего дня мы уже были в мыле.

Днём мы попросили заехавшего на стройплощадку прораба рассчитать нас к вечеру, посокрушался, но вечером привез нам деньги и отвёз в Бендеры к лагерю на своём мотоцикле. Мы пригласили его, бригадира и ещё пару мужиков отметить наш отъезд, договорились встретиться у вокзала. Зашли в ресторан, рассчитались, очень благодарили директрису за доброе отношение, пытались предложить ей денег – не взяла, взяли паспорта, собрали палатку, отправились в город.

Встретились у вокзала с нашим знакомым, выручившим меня из ментухи, взяв у нас паспорта – билеты продавали только по паспортам с московской пропиской, – деньги, ушёл, появился через пятнадцать минут с тремя плацкартными билетами. Деньги за помощь в покупке билетов брать отказался, но посидеть с нами согласился. Подъехали на мотоциклах прораб и бригадир, подошли мужики, стали обсуждать, где лучше посидеть, решили в каком-то заведении за городом, мы запаниковали – как бы не загулять так, чтобы не опоздать на поезд. Успокоили, мол, не Москва, из любого места до вокзала за полчаса дойдёте. Посадили нас и парня, который помогал с билетами, на два мотоцикла и поехали в заведение под названием «Колыба», ребята, пошедшие

пешком, подошли через полчаса. Чудесно отдохнули, работы наши поначалу были слегка зажаты, выпили – расслабились, прораб напился в хлам, всё порывался нас куда-то везти и что-то показать, еле отбились. Поезд наш уходил часов в шесть утра, поэтому в двенадцать решили сворачиваться, бригадир сказал, что разместит нас у себя, попрощались и покатили. Я ехал на мотоцикле с прорабом, посреди маршрута он остановился, слез с мотоцикла и, ничего не говоря, ушёл в темноту. Остановились, ждали, потом искали, кричали – всё без толку, Надюша наша стала психовать:

– Ребята, нам же к шести на поезд.

Бригадир, матерясь, сказал:

– Самогон пошёл искать, вечно с ним так, как выжрет, – сплюнул, сказал мне: – Садись сзади Юрки.

Я уселся третьим, Надежда с двумя рюкзаками сидела в коляске, так и укатили. Когда мы разгружались у дома, подъехал прораб, слез с мотоцикла и, не выключая двигателя, подошёл, покачиваясь, к нам.

– Я вам скажу, хотя вы и москвичи, и девушка с вами, бл... ди вы. Своего товарища в поле бросили, – повернулся, ушёл. Бригадир переставил мотоцикл прораба поближе к дому, заглушил двигатель, сунул ключ в карман, поглядел на нас и сказал:

– Да не парьтесь вы, он, если сможет проспаться, утром прибежит на вокзал извиняться. Всегда чудит, если переберёт.

Наверно, не смог проспаться или в самом деле обиделся, если бы не отъезд, не бросили бы в поле одного. До сих пор не могу определиться, правильно поступили или нет. Да, оставили на обочине ночной дороги его мотоцикл, но ведь не авария же, сам бросил, пошёл в деревушку за самогоном.

А мужик он, по сути, был хороший и заплатил нам хорошо, хватило на всё: расплатились в ресторане, хватило на билеты и на питание в вагоне-ресторане по дороге, перед Москвой поделили остаток на троих – ещё рублей по пятнадцать каждому получилось. Через полутора суток, когда поезд уже подкатывался к перрону Киевского вокзала, ехавший с нами в одном плацкартном купе парень встал, кивнул на огромную сетку, набитую молдавскими грушами, и, направляясь к выходу из вагона, сказал:

– Забирайте себе, если хотите.

Надя, глядя ему вслед, произнесла:

– Ты что, с ума сошёл? Такие груши хорошие.

На что парень гордо ответил:

– Ну, вот ещё, буду я по Москве с грушами валандаться.

Не нужны – оставьте, кто-нибудь подберёт.

Мы шустренько поделили грушки, и из южной поездки я появился с изрядной сеточкой груш. Всё как положено.

Дома я был часов в семь вечера, позвонил в дверь, услышал голос мамы:

– Кто там?

– Мам, это я.

На какое-то время воцарилась тишина, и затем каким-то напуганным голосом мама спросила:

– А ты где был? В тех районах, где сейчас холера?

– Да, мам, ну открывай скорее.

– Нет, Алек, я тебя пустить не могу, ты всех перезаражаешь.

– Мам, ты что, с ума сошла? Кого я перезаражаю, я здоров, ну давай открывай уже, что ты меня у дверей держишь?

– У тебя сын маленький, ты о нём подумал?

– Слушай, это невозможно, Милу позови.

– Она с Мишей у мамы своей, у Лидии Ивановны, иди туда.

– Ты ж боялась, что я сына заражу. Так ты за кого беспокоишься? Мам, мне что, на лестнице ночевать? Что ты творишь-то?

– Ты езжай на Казанский вокзал, там есть санпропускник, пусть они тебя обработают, потом анализы сдашь, чтобы знать, есть ли в тебе холерный вибрион.

– Мам, меня уже обработали везде, где только можно, мне что, милицию вызывать, чтобы домой к себе попасть?

После двухминутной паузы щёлкнул замок входной двери, войдя в квартиру, я услышал из-за двери её комнаты:

– Я тебе в ванной полотенце повесила, помойся тщательно, на кухне на плите сосиски варятся, гречневая каша ещё тёплая.

Отмывшись, первым делом позвонил тётке, трубку взяли

не сразу, после нескольких гудков услышал усталый и бесконечно любимый голос:

– Алё.

Я почувствовал, как меня заполняет тихая радость ощущения – дома.

– Мил, привет, я дома, сейчас за вами зайду.

– Да поздно уже.

Я слышал, что она пытается говорить сдержанным тоном, но в интонации второй фразы, произнесённой вслед за сухим равнодушным отчуждённым приветствием, слышалось столько тепла, доброты и желания видеть меня, быть рядом.

– Не выдумывай, начало девятого, через десять минут буду.

Через полчаса мы шли втроём домой, я нёс сына и что-то говорил ему, Мишка не спал, разглядывал меня с явным удивлением, забыл, видно, папку.

Странно, казалось бы, что после такой дурацкой поездки, в которой всё шло наперекосяк, не отдохнёшь, а согласишься на больничный, но, проснувшись утром, я чувствовал себя абсолютно отдохнувшим, голова была свежа, ощущал в себе прилив энергии.

С понедельника вышел на работу, через пару недель началась учёба. В середине сентября начальник отдела собрал всю молодёжь и сообщил пренеприятнейшее известие:

– Ребята, от нас один человек должен на месяц ехать в колхоз. Может быть, кто-то изъявит желание отдохнуть на

природе?

Желающих не нашлось, и Евгений Моисеевич начал по порядку опрашивать каждого из присутствующих, почему он не хочет весело и с пользой для здоровья провести время на воздухе. Всего нас было человек двенадцать, преимущественно парни, все, за исключением двух подружек – Сони и Инны, были студентами-вечерниками. Офисных крутящихся стульев тогда и в помине не было, а Евгений Моисеевич был мужик грузный, разговаривая, он всегда поворачивался вместе со стулом, чтобы глядеть прямо в глаза собеседнику, повернувшись, он с теплотой в голосе спрашивал:

– Ну а ты почему не хочешь скататься, отдохнуть на природе?

Ответы наши были как под копирку: «да я бы всей душой, но я же на вечернем, боюсь, отстану». Евгений Моисеевич, надо сказать, к студентам-вечерникам относился хорошо, всегда входил в положение. С другой стороны, и закон был на нашей стороне – нельзя. Таким образом, перебрав практически всех, Невский дошёл до наших подружек.

– Ну что, Сонь, придётся тебе.

Соня наша, девушка лет двадцати трёх, весёлого нрава, при этом страдающая каким-то неисчислимым количеством болезней, о которых она постоянно рассказывала всем и везде, услышав такое ужасное для её слабого здоровья предложение, тут же высыпала на голову несчастному Моисеичу кучу своих диагнозов. Начальник повернулся к Инне, ничего

не говоря, развёл руками, все своим видом говоря: «Ах, попалась, птичка, стой!» Инна вспыхнула:

– Почему опять я, каждый год езжу, да что я, проклятая?!

Тут она была права, ребята мне рассказывали, что её отправляли в колхоз из года в год. Евгений Моисеевич так мягко, как он только мог:

– Инночка, ну, ты же знаешь, ребята все учатся. Если бы даже хотел кого-нибудь отправить – не могу. Закон.

– А Сонька?

– Ну, ты же заешь, какая Сонечка больная.

А надо сказать, что как раз этим утром Соня похвасталась ей, что вчера она познакомилась с горячим кавказским парнем. Они погуляли, сходили в кино, посидели в кафе, а потом он увлёк её на стройку, где она отдалась ему на куче щебёнки, поскольку это было единственное сухое место. Кавказец поступил как настоящий рыцарь, подстелив свой итальянский плащ болонью, но, увы, плащ болонья не пружинный диван, и спина, и зад Сонечки покрылись изрядным количеством синячков, которые она всё пыталась предъявить подруге в качестве доказательства исключительно весело проведённого вечера. Вспомнив эту пикантную историю нашей тяжело больной Сонечки, Инна выпалила:

– Как на щебёнке еб...ся – здоровье есть, а как в колхоз ехать, так нет?

Наш безудержный, оглушительный, неудержимый хохот был таков, что весь отдел в полном составе сбежался понять

его причину, не обошлось без потерь: одна девчушка умчалась в панике – смеялась так, что чутка приписалась, и Женька свалился со стула.

Начальник, вскочив со стула, начал плавно махать сверху вниз двумя руками, пытаясь нас успокоить, и заявил:

– Всё, расходимся, расходимся. Решим в рабочем порядке.

Решили. Поехала Инна, но уезжала в хорошем настроении, наверно, Моисеич нашёл возможность деньжонок подкинуть.

Как-то ночью меня разбудила мама, постучалась к нам в комнату, не дождавшись ответа, приоткрыла дверь и сказала испуганным голосом:

– Алек, ты слышишь? Кто-то пилит.

Я спросонья никак не мог понять, что она от меня хочет.

– Мам! Кто пилит, о чём ты?

– Да ты прислушайся.

Я прислушался – действительно кто-то что-то пилил.

– Мам, ну не нашу же дверь пилят, пусть себе пилят, давай спать.

Мама ушла к себе в комнату, я заснул. Выходя утром из квартиры, понял, кто пилил – в соседской двери на уровне головы было выпилено небольшое квадратное окошко. Выпилено было весьма аккуратно, и выпиленная часть была вставлена в окошко.

В этой квартире жили соседка – девица лет двадцати пяти и мой ровесник Славка, мы с ним учились в одной школе в параллельных классах, с матерью. Ну, соседка вряд ли стала бы что-то пилить, вдобавок ночью, а Славка мог. Он последние годы пил в чёрную. Я вообще-то решил, что он окошко выпилил, чтобы использовать выпиленное отверстие в качестве дверного глазка – почему нет? Даже оригинально, но почему ночью? Я ошибался.

Вечером, придя из института, узнал, что Славку забрали в дурку по причине белой горячки, а окошко он выпилил для того, чтобы выкидывать из квартиры каких-то мелких существ, допекающих его, судя по всему, чертей, очень уж вёрткие были. Он их веником выметет за дверь, только соберётся дверь закрыть – а они опять в квартире. Решил выпилить окошко – ловить и выбрасывать их по одному, чем и занимался всю ночь.

Он чудил уже давно. У него собирались весёлые компании, гуляли сутками напролёт, нас выручало только качество домов «сталинской постройки» – звукоизоляция у них была на высоте и, как следствие, звукопроницаемость тоже. А вот соседка его регулярно обращалась к нам за помощью, а чем мы могли ей помочь, если там и милиция была бессильна?

Однажды среди ночи раздались женские крики о помощи. Оделся, сунулся в соседскую дверь – дверь закрыта, позвонил – никто не открывает, пока стучал и звонил в дверь, спу-

стился сосед сверху – стали ломиться вдвоём, минут через десять дверь открыла соседка. Я спросил:

– Это Вы кричали?

Она отрицательно покрутила головой, махнула рукой в сторону Славкиной комнаты и ушла к себе.

Квартира была трёхкомнатная, две комнаты в ней занимали Славка с матерью. Мать постоянно болела и на Славку никакого влияния не имела.

Мы зашли в его комнату, в комнате был только он, надо полагать, что гости Славкины слиняли, почувствовав жареное. Комната его поразила аскетизмом – мебели в общепринятом понимании в ней не было никакой. Тем не менее всё, что необходимо для проживания, в ней было: слева от входа был обеденный стол, представляющий из себя столешницу, которая явно была отсоединена от обеденного стола, кем-то выброшенного ввиду полной непригодности, поставленную на три деревянных ящика для бутылок, поставленных на попа; по периметру вокруг столешницы стояли шесть «стульев» – в смысле шесть деревянных ящиков для бутылок; напротив входа на полу лежали два пружинных матраса; справа в углу были сложены в колонну пять или шесть пустых таких же ящиков, очевидно, для неожиданных гостей или каких-то внезапных нужд. Никакой одежды, занавесок, белья и прочего тряпья в комнате не было. Меня удивило, что в комнате было довольно чисто.

Славка, сидевший у стола, заставленного пустыми бутыл-

ками, стаканами и закуской, лежащей на газетах, с удивлением поглядел на нас, узнал меня и спросил:

– Алька, ты чего здесь?

Сосед сверху стал, не дожидаясь моего ответа, материть Славика, обещая намять ему глаз, посадить в тюрьму, выселить к чёртовой матери, закопать во дворе в снегу и прочие кары. Славка слушал его с изумлением, затем опять поглядел на меня и произнёс:

– Это кто? Он с тобой?

– Это сосед твой сверху.

– А чего он ругается?

Тут сосед наш, понявший, что пугать Славку бесполезно, сказал спокойно:

– Слушай, ну, спать невозможно, каждый вечер у тебя гомон, ор, скандалы, бабы визжат.

Лицо Славика погрустнело, он развёл руками, опять повернулся ко мне и печально произнёс:

– Гости у меня.

Не зная, что возразить против такого очевидного факта, сосед замолчал, было понятно, что разъяснить ему в его счастливом состоянии что-то невозможно, выручил нас прибывший наряд милиции, который бесцеремонно взял его под белы руки и поволок на выход.

Когда умерла его мать и гроб с её телом выносили из квартиры, Славка, как обычно, был пьян, но с выражением скорби на испитой физиономии пытался принимать деятельное

участие в выносе тела, которое ограничилось пожеланием:
– Вы там не уроните её.

После того как гроб снесли на один лестничный пролет, Славик повернулся и ушёл в квартиру. На кладбище он не поехал. Впрочем, пережил он её не на много – года на три.

В институте в нашей группе появилось несколько новых ребят: семейная пара Агеевы Борька и Ириша, завели ребёнка – дочку, отстали на год от своей группы, попали к нам, Володька Павлов, тоже отставший от своей, правда, вечерней, группы, рослый спортивный парень, постарше меня на пару лет. Вовка работал учебным мастером в нашем вузе, знал всех преподавателей и учебных мастеров нашей профильной кафедры, с его лёгкой руки пошла у нас привычка называть наш краснознамённый вуз Технилицем.

Технилице – это сокращение от технического училища, ведь мы учились в высшем техническом училище.

В середине октября гуляли на свадьбе Димки Мурзина и Татьяны Улицкой, Димка не поленился, простоял ночь в очереди, прокатились на «Чайке». Молодые, оба удивительно красивые, помнится, вошли в подъезд, а лифт занят, все пошли пешком по лестнице, Димка, увидев, что Танюшка чуть запыхалась, взял её на руки под наш одобрительный рёв и понёс на руках до шестого этажа, красавца. Нам посидеть, как положено, не удалось, дома, как-никак, маленький ждал.

На работе у нас сменился начальник отдела. Павел Иванович – так звали нового начальника – молодой мужчина лет

сорока пяти, числился в нашем отделе, был освобождённым парторгом института, вернувшись в отдел уже в качестве начальника, затеял, как полагается новой метле, перестановку. Один из наших гипов-старожилов, понаблюдав за происходящей перестановкой, решил принять в ней участие и, подойдя к новому руководителю, предложил:

– Паш, ты эти столы переставь сюда, а те... – но Пал Иванович не дал ему закончить, произнеся голосом, в котором звучал металл:

– Идите на свое рабочее место.

Все поняли: либерализму Евгения Моисеевича пришёл конец, Паша решил навести порядок. Железной рукой.

После перестановки столов и кульманов, которая, по моему разумению, пользы не принесла, Паша взялся за экономиста отдела – чернявую женщину лет сорока с небольшим по фамилии Ашкенази, появившуюся в отделе практически одновременно со мной. Причиной его пристального внимания стали странные факты, происходившие с ней и с нами за время работы её у нас в отделе.

Дама эта была весьма деятельна, поначалу она копалась в каких-то бумагах, была незаметна, как какая-то маленькая чёрная мышка в горе бумажного хлама. Довольно быстро подружилась со всеми дамами отдела и через полгода стала подменять нашего кассира – женщину, выдающую зарплату в отделе. Дело в том, что бухгалтерия и касса института располагались в основном здании, находящемся в двадца-

ти минутах хода от места нашего расположения, и отправлять туда сотрудников два раза в месяц за зарплатой и авансом было бы обременительно сотрудникам. А ведь, кроме нашего отдела, на заводской территории были и другие отделы и лаборатории, все они теряли бы примерно один рабочий день в месяц, для того чтобы избежать таких потерь, в отделах, не знаю, на каких условиях, один из сотрудников, как правило, это был кто-нибудь из женщин, получал деньги за своё подразделение в кассе института и выдавал зарплату. Через полгода, после того как наш приткий экономист утвердилась в роли кассира, в день получения зарплаты, вернувшись на рабочие места после обеденного перерыва, мы застали её рыдавшей за своим столом. Сбежавшиеся сердобольные наши тётки выяснили, что из её письменного стола пропала вся зарплата нашего отдела, которую она опрометчиво забыла там, на несколько секунд отлучившись в туалет. Пара из этих активисток стала активно продвигать мысль о том, что каждому из нас придётся добровольно отказаться от своей зарплаты в этом месяце, но, увы, бессердечные свиньи, коими являлось абсолютное большинство работников отдела, и я в том числе, эту идею жёстко забаллотировали. Экономистка наша ревела как белуга, работа стояла, призывы Невского заняться делом игнорировали, не знаю, каким путём, но руководство решило проблему и деньги нам выдали. Ашкенази поревела ещё пару дней, успокоилась и продолжила выдавать деньги сотрудникам. А то, что никто из

начальства не решил обратиться в милицию, никого не удивило, теория не вынесения сора из избы жила, живёт и побеждает.

Каково же было наше удивление, когда через полгода, когда, также вернувшись из столовой в отдел, мы застали нашу неунывающую экономистку в слезах, рыдающую по поводу чего бы вы подумали? Бинго, угадали опять пропала наша зарплата. Снова у нашей простушки попятели наши деньги, и снова на рабочем месте. Но не из стола и не когда она отходила, а совсем, совсем иначе, как-то вроде бы нагнулась, отвернулась – и тут гоп-стоп-хлоп – денег нет. Что тут началось, какие-то крамольники – есть же такая сволочь на свете, предложили просто-напросто вызвать ментов, вот же волки позорные, неужто нельзя разобраться, как поступают интеллигентные люди? Заплакать, простить, забыть и разойтись миром, так нет же, давайте беспокоить милицию, отрывать её от важных дел – руки пьяным крутить. Обошлось, слава богу, не побеспокоили, но так напугали этих жуликов-подлецов, что они часть денег вроде бы подбросили, не помню кому, в письменный стол. Зарплату нам опять с опозданием, но выплатили. Нашу вновь обретенную кассиршу отстранили от функций раздачи денег, сократив её ипостась до единственной роли – экономиста. Ушёл, а может, ушли – из-за таких катаклизмов кого угодно уйдут – обходительный Евгений Моисеевич Невский и пришёл деятельный и твёрдый как шанкр Пал Иванович, решивший узнать, чем занималась

наша непотопляемая экономистка, чем должна заниматься, в чём были её функции и каковы результаты её деятельности. Поскольку, как я рассказывал, стол мой был через проход, не подумайте ничего плохого, прямо напротив её стола, мне было очень интересно наблюдать за их беседами. Они сидели с Пал Иванычем за её столом, начальник наш требовал показать ему какие-то материалы, которые она должна была в соответствии со служебными инструкциями к её должности регулярно продуцировать. Экономистка наша с возмущением извлекала из стола какие-то огромные фолианты, швыряла их перед Пал Иванычем, оба пропадали к клубам пыли, но когда пыль оседала, возникал Пал Иваныч, который методично, неспешно и неумолимо разрушал все аргументы своей подчинённой о том, что сея труды созданы ею и что они вообще необходимы для функционирования отдела. Доказав, что это просто лексически доработанная инструкция по обслуживанию доильного аппарата, Пал Иваныч требовал более весомых подтверждений плодотворности её труда на должности экономиста отдела и, не получив таковых, потребовал принести диплом экономического вуза, который закончила его визави. Оказалось, что диплом был утерян во время жизненных перипетий, но есть его машинописная копия, заверенная печатью пункта приёма стеклотары или какой-то сходной конторы. Ну а требование подлинника трудовой книжки ввергло нашу Ашкенази в такую депрессию, что на следующий день она на работу не вышла. Куда она

запропала и что с ней стало, не известно, говорили, что она уволилась по собственному, что её уволили по статье, что её ищет милиция, кто знает, может, уже нашли.

В октябре мне пришла повестка из военкомата, я-то, признаться, решил, что про меня совсем забыли, оказалось, нет, надо идти. В военкомате разрешилось всё просто – вручили направление на обследование меня на пригодность к военной службе в аттестованной московской клинике.

Вот тут я завибрировал: то, что три года назад не вызывало у меня никаких тревожных волнений, сегодня серьёзно обеспокоило. Ещё бы, я был не тот развесёлый шлепок, готовый ввязаться в любой базар, кроме голодовки, – был, увы, уже женат, у меня рос сын, наконец, я учился на втором курсе одного из лучших вузов страны. Что будет, если оторвать меня на пару лет от семьи и учёбы, – потери по всем пунктам. Смогу ли я учиться дальше, сохраню ли семью – одни вопросы, вопросы без ответов, но главное – я просто не представлял себе, как я оставлю Людмилу с сыном одних, что она будет делать одна, кто ей поможет. Я понимал, что и моя мать, и тёща как-то посильно будут помогать, но... Но деваться некуда, надо было ложиться в больницу, и я, запихнув в сумку тренировочный костюм Георгия красного цвета, который был мне безмерно велик, заявился в клинику.

Поскольку больница была переполнена, меня положили в коридоре, и старшая сестра, пробежавшая мимо по коридору

вечером первого дня моего там пребывания, вдруг остановилась и спросила меня:

– А ты с каким диагнозом лежишь?

– Да пока без какого-нибудь – я на обследовании, положен я от военкомата, чтобы у меня нашли какую-нибудь болезнь, которая ослобонит меня от непосильной мне в силу хилости солдатской службы.

– От армии косишь.

– Типун Вам на язык, женщина, я, может, последние денёчки коротаю.

– А я и думаю, от чего ты тут лежишь в спортивном костюме не по росту.

– Костюм выдали мне в секции физкультурников-дистрофиков, он один на всех, потому и такого большого размера и выдаётся по необходимости любому: кому на свадьбу, кому на первое свидание с девушкой, мне выдали, чтобы я в больнице не позорил родной туберкулёзный диспансер.

– Пошли со мной.

По дороге она растолковала, что у них на отделение только один санитар, есть санитарки, которым неважно таскать тяжёлые грузы, и если у меня есть мать, или сестра, или жена, или совесть и доброта, то раз или пару раз в день она меня будет привлекать в помощь их санитару за дополнительную порцию компота.

Я поинтересовался:

– А то, чего таскать-то, оно хоть чистое?

– Это будь уверен, всё промыто в лучшем виде.

Мы поднялись на лифте на несколько этажей, подошли к палате, возле которой стояли каталка и долговязый сорокалетний мужик в несвежем больничном халате, подойдя к которому, она сказала:

– Парень военкоматский на втором этаже лежит, обещает помочь, – развернулась и ушла.

Санитар взялся за ручки каталки и буркнул мне:

– Дверь поддержи.

Я открыл дверь, санитар вкатил каталку в палату, проследовал за ним. Санитар подкатил каталку к одной из кроватей, я подошёл: на кровати лежал труп мужчины неопределённого возраста, стало понятно, какие промытые грузы нужно было помогать таскать. Что поделаться, дело житейское, видно, гены матери – фронтовой медсестры – сработали, я не ощущал никаких отрицательных эмоций, работа есть работа, почему не помочь? Закинули труп на каталку, отвезли в морг. В морге санитар поднял ногу трупа под девяносто градусов вверх и резко повернул её вбок, труп слетел с каталки, как будто сам спрыгнул. Мне не однажды пришлось помогать этому санитару, и на второй день я ему сказал:

– Слушай, давай их как-то по-людски складывать.

– А на кой х...

– Мне как-то не по сердцу просто сбрасывать их на пол, а вдруг башка расколется.

– Двадцать лет скидываю, что-то ни одна не раскололась.

В итоге мы пришли к компромиссу: приподнимали тело над носилками и кидали плашмя на пол, он – за ноги, я – за предплечья, а дальше не его забота. А я уже у пола подхватывал голову и аккуратно клал её на пол. Какой-нибудь внятной мотивации своим действиям я привести не мог, да и сейчас её сложно подыскать и, наверное, не нужно. А санитару явно нравилось всё это моё действие, оно его развлекало, вносило какое-то разнообразие в его монотонный труд.

После прохождения всех необходимых процедур и сдачи анализов заведующая отделения вызвала меня к себе в кабинет и завела со мной туманный разговор:

– Вы знаете, в целом предварительная картина такова, что если у Вас и была бронхоэктатическая болезнь, то сейчас её скорее нет, видите ли, человеческий организм обладает способностью к регенерации. Но дело даже не в этом, у нас в клинике одна врач пишет кандидатскую диссертацию по бронхоэктатической болезни, ей необходимы развёрнутые рентгенограммы бронхов, нужно чуть побольше снимочков, чем в Вашем случае, если вы согласитесь на более развёрнутое обследование, то Вам от этого будет только польза, бронхи заполняются контрастным материалом, он содержит лекарства, помогающие при болезни. А вещество это безвредное – что-то вроде мела, Вы его через неделю откашляете, и всё пройдёт.

– Так Вы же утверждаете, что я здоров, а какая же польза здоровому человеку в таком случае?

– Да ничего страшного с Вами не произойдёт, покашляете три дня – вот контраст и отойдёт вместе с мокротой.

– Ну, как скажете, я-то не возражаю против обследования, но боюсь, что в том варианте, который Вы предлагаете оно мне пользы не принесёт однозначно.

Заведующая откинулась на стуле и несколько минут внимательно изучала мою простецкую физиономию, я пытался соорудить значительное выражение на роже, что-то вроде того: «меня на козе не объедешь», – после чего она сказала:

– Я думаю, что исследования пойдут на пользу и Вам, и нашей сотруднице.

Не очень понимая, какую пользу принесут мне эксперименты над моим организмом, но тем не менее полагая, что мне не резон портить отношения с заведующей отделения, которая будет решать, где проведу ближайшие пару лет, я развернулся и пошёл на своё дежурное место в коридоре – меня ещё ожидали увлекательные упражнения по переносу тяжестей. Признаться, я и не шибко заморочился, как я понял, предстоящая процедура будет пустячной.

На следующий день в рентген-кабинете в меня, не помню как, влили какой-то густой, как сметана, жидкости, потом привязали ремнями к столу и стали делать снимки стоя, сидя, лежа, сбоку, под углом и бог знает как ещё. Молодая врачиха, производящая все эти экзекуции, мячиком скакала вокруг меня, приговаривая:

– Ой, какие снимки чудесные, бронхи прям как ёлочки

новогодние.

По окончании стол рентген-аппарата привели в горизонтальное положение, меня отстегнули, и врачиха сказала:

– Вы пока на лавочке посидите, мы снимки допроявим, вдруг что-то надо будет переснять.

Я с трудом опустился на скамейку у аппарата, потом поднялся, добрёл до лавочки, стоящей у стены при входе, сел и стал пытаться натянуть на себя треники, но рентген-аппарат, пол, стены, потолок поплыли куда-то влево.

Очнулся я полусидящим в своей постели в коридоре, вокруг меня суетились врачиха с лицом цвета той дряни, что вливала мне в ноздри, заведующая, слушающая с растерянным видом, что ей вляивал прямо в ухо здоровенный красномордый мужик в белом халате, медсестра и пара врачей, стоящих поодаль. Меня о чём-то расспрашивали, но я то ли не слышал, то ли не мог сосредоточиться – никак не мог вникнуть, что они от меня хотели. Решил просто отдохнуть, откинулся на подушки, но заснуть не мог – мне катастрофически не хватало воздуха, поэтому дышал так, будто я бегу как угорелый, сидя на кровати. Горло пересыхало, хотелось пить, хорошо, что рядом со мной оставили дежурить нянечку, которая, после того как я осушил третий или четвёртый стакан, наполнять который она каждый раз бегала в сортир, просто принесла мне графин из кабинета заведующей. Непростым оказалось и посещение мест общего пользования, я задыхался на каждом шагу, ноги тряслись, шёл,

опираясь о стенку, проблемой были дверные проёмы палат – не на что опереться. Заснул к утру.

Утром врачаха излучала оптимизм:

– Ну вот, совсем другое дело, а то вчера смотреть не хотелось. Как откашливание, всё нормально отходит?

– Нет у меня кашля, ничего не отходит.

– Как ничего не отходит? Этого не может быть.

– Дышать не могу, шаг без опоры сделать не могу, слабость дикая, а кашля нет.

Оптимизм соискателя степени кандидата медицинских наук пропал, она куда-то смылилась, появилась минут через пять с заведующей, слушали меня, щупали, нимфоманки хреновы, хотели тащить снова на рентген, я отказался, заявив, что я и так ночью коридор освещаю, решили поить отхаркивающими препаратами. Пил, кашлял, но ничего не откашливалось.

Вечером зашёл пьяный санитар, повеселил, сказал:

– Вот же суки, из здоровых людей инвалидов делают, экспериментаторы хреновы. Хочешь, я им аппарат рентгеновский расхерачу?

Отговорил, посмеялись.

Проканителювшись ещё дня три, решили выписать меня от греха – кто знает, что со мной дальше будет, дам дуба – и что тогда делать? Кто труп-то потащит в морг? Врачиха сообщила, что я здоров, а всё со мной произошедшее – это так, мелкие пустяки. Мне её оптимизм как-то пришёлся не

по душе, помнится, она так же щебетала, когда заливала в меня этот бетон, который не давал мне дышать нормально, но что сделаешь, и я пошёл собираться домой, подошла завотделением, сообщила:

– Контраст, который у Вас бронхах, должен рассосаться, выйти, но Вы в ближайшее время постарайтесь физически поменьше нагружаться. Если хотите, у нас койка в двухместной палате освободилась, можем Вас оставить на недельку, витаминчики поколем.

– Слуга покорный, как-нибудь в другой раз.

По приезду домой понял, что работать я не в силах, пошёл в поликлинику и оформил больничный, в институт на учёбу стал ходить через неделю.

Мама подробно расспросила меня о произошедшем.

Что написали мне в заключении, не знаю, но через месяц – полтора после моего возвращения из больницы меня вызвали в военкомат, где выдали военный билет, в котором было указано, что я в мирное время не пригоден к строевой службе. Забавно, но в возрасте лет тридцати мне военкоматская комиссия без всяких обследований поменяла категорию на «годен» и призвали на военные сборы, но это уже другая история.

Много лет спустя моя мама рассказала мне, что на следующий день после моего возвращения она взяла в поликлинике мою историю болезни, поехала в больницу и беседовала с заведующей отделения, где меня исследовали на предмет

моей службы в армии. У них состоялся такой разговор:

– Здравствуйте, я мать Рейн Алека, который у Вас проходил обследование, я медицинский работник.

– Здравствуйте, как Ваш сын? Контраст отходит с мокротой?

– Да ничего не отходит, он в таком состоянии явился после обследования – хоть снова на лечение отправляй, его полгода Гриншпунь лечила от бронхоэктатической болезни, вот его история болезни, а сейчас он ещё хуже. Что с ним произошло?

Заведующая полистала мою историю болезни.

– Так ему Вера Григорьевна диагноз поставила, она у нас в первом меде читала курс по лёгочным заболеваниям. А сын Ваш прошёл стандартное обследование, которое мы производим при подозрении на бронхоэктатическое заболевание, мы с таким диагнозом всем такое обследование делаем.

– И что, у вас обычно после исследований люди падают без сознания, задыхаются, пройдя три шага?

– Да тут такая история произошла, бронхографию проводила аспирантка, она недавно у нас, видно, переборщила с количеством контраста и, как я понимаю, немного напутала с процедурой проведения – моя вина, я недоглядела. Вы не волнуйтесь, неделя, ну, две – всё выйдет и будет в норме.

– Ну как не волноваться, до начала обследования он был более-менее здоров, а в результате Ваших процедур – уже нет. Вы понимаете, что, если с ним что-нибудь случится, от-

ветственность будет лежать на враче вашего отделения, который проводил исследования, и на Вас? А ему служить придётся, и как он, по-вашему, сможет это делать?

Заведующая встала из-за стола и произнесла:

– Ваш сын к службе в армии, по моему мнению, в настоящий момент непригоден. Давайте не будем искать виновного. Заключение подписываю я. Контраст, который у него в бронхах, со временем уйдёт, но Вы, если у Вас есть такая возможность, следите за тем, чтобы в ближайшее время он избегал быстрой ходьбы и физических нагрузок. Извините, что так произошло.

Вот так я и не попал в советскую армию.

Из-за этого грёбаного контраста я лет десять начинал задыхаться и кашлять, попав в любое запылённое или задымлённое пространство, первые два года я и ходить-то быстрым шагом не мог.

Появившись на работе, я стал в свободное время активно делать домашнее задание по математике – отстал немного в институте, расположился прямо на рабочем месте, решал какие-то задачки. Поскольку мимо моего стола Паша – так мы заглазно звали нашего начальника – шастал постоянно, то не узреть мою наглетуру было невозможно. Остановившись, он с недоумением поинтересовался:

– А чем это ты занимаешься?

– Домашнее задание по матанализу, отстал немного из-за проверки военкоматской.

– А работу твою кто будет делать?

– А я всё сделал.

Норма выработки конструктора рассчитывалась исходя из типа штампа, сложности, габаритов и так далее, но упрощённо, на глаз прикидывали так – около семи листов машиностроительной графики в месяц. При условии выполнения плана с минимальным перевыполнением полагалась премия к зарплате в размере тридцати процентов, план выполняли все и всегда, но никто и никогда особенно не высовывался со своим перевыполнением, и я бы не гоношился, просто ДЗ надо было срочно сделать.

– Сегодня семнадцатое, а ты всё сделал.

– Да, всё сделал.

Не удовлетворившись моим ответом, начальник отправился к Борису Петровичу за выяснением того, как это я умудрился к середине месяца план смастырить.

Борис Петрович всё подтвердил, и действительно, через год, освоившись более-менее в профессии, я выдавал в месяц десять-двенадцать листов машиностроительной графики. Конечно, и ошибок хватало, и Борис Петрович помогал в правильном выборе технологии штамповки – как правило, технологический процесс, за редким исключением, разрабатывал конструктор оснастки, но, когда все технологические нюансы были ясны, я клепал чертежи как автомат. Где-то через год Борис Петрович загрипповал и в группе был завал с планом, я пять дней выдавал по четыре листа в день. Штам-

пы были однотипные и простые как башмак, тем не менее публика визжала.

А в тот день Пал Иваныч, разузнав, что план я уже закончил, подошёл ко мне и сказал:

– Ну, всё равно, нельзя же так сидеть и у всех на глазах своими делами заниматься.

– Пал Иваныч, что ж мне, сидеть и в стенку глядеть? Я ж с ума сойду.

Пал Иваныч вздохнул.

– Ладно, но ты давай как-то незаметненько, не привлекая внимания.

На том и порешили.

Михрютка наш нас узнавал, агукал, смеялся, прудонил и какался, как положено, всё шло своим чередом. Памперсов в те годы не было, обходились марлевыми подгузниками, кои надо было менять в сутки раз тридцать, стирать, кипятить, сушить. Денег у нас на стиральную машину не было, Людмила стирала всё на стиральной доске, во многих семьях было тогда такое устройство, представляющее собой стальной гофрированный оцинкованный лист в деревянной раме, которое под наклоном устанавливали в тазу, наполненном горячей мыльной водой, и тёрли бельё поперёк гофр – то ещё удовольствие. Крупное бельё кипятили в огромных баках. Уставала она так, что когда ложилась в постель, то засыпала на лету, ещё до того, как голова её касалась подушки. Един-

ственное, что она не могла делать, – это вытряхивать Мишкины какашки из подгузников и стирать их, её элементарно рвало, и эту обязанность я взял на себя. Вечером, приходя после занятий, ужинал, потом брал таз с подгузниками, шёл в уборную, вытряхивал продукты его жизнедеятельности в унитаз, в ванной под сильной струёй воды споласкивал их, потом стирал и полоскал два раза с мылом, после чего они отправлялись на кипячение. Всё это занимало у меня полчаса, увы, моя помощь была чрезвычайно мала. Где-то до полугода решили отдать сердечко наше в ясли, нашли таковые не очень близко от нас, но недалеко от тёщи, Людмила решила, что, поскольку директриса – женщина, идти надо мне. Пошёл, поговорили, договорились за пять минут – руководитель яслей-сада сообщила, что они создают свою библиотеку для сотрудников, и если мы готовы пожертвовать в неё пару приличных книжек, то наш малыш тут же будет принят. Warum nicht, Маргарита Павловна, я приволок толстенный том Новикова-Прибоя и вторую, не помню автора, но тоже толстую и в хорошем состоянии – как я понял, заведующую интересовал прежде всего внешний вид книги, и Мишаньку приняли в ясли.

Катка с Георгием и дочкой прилетели в отпуск из Японии, жизнь вшестером было некомфортно, Мишка по ночам беспокоил всех, и мы перебрались к тёще с тестем, им как раз с полгода назад отдали комнату соседей. Тёща, подавая заявление на увеличение жилплощади, предоставила справ-

ку о том, что старшая её дочь беременна, что являлось серьёзным аргументом для жилищной комиссии райисполкома, которая принимала решение, дать или не дать освобождённое жильё в те годы.

Людмила устроилась на новую работу с приличным окладом, казалось, что жизнь наша стала налаживаться. Но казалось так не всем, первым забастовал Миха, он категорически не понимал, почему его каждый день извлекают из тёплых любящих рук и отдают каким-то бездушным тёткам. Однажды у меня появилась возможность занести его в ясли, когда я передавал его няньке, он закричал так, что у меня появилось ощущение, что сердце оборвётся. А уж когда Милкина сестра, которая пару раз заносила Миньку в ясли перед школой, заявила, что больше не пойдёт туда никогда, потому что если у нас нет сердца, то пусть мы сами и мучаемся, что племяш её любимый начинает рыдать, только почувствовав ненавистное ему здание, давая ей понять, что он понимает, что его предадут все близкие из его окружения, а она не хочет, чтобы, когда он вырастет, он считал её такой же предательницей, какими являемся все мы.

На работе я поделился насчёт нашей беды с Сашкой Ефановым, у него была та же проблема, Санёк сказал:

– Ты понимаешь, главное в том, что не объяснишь ему ничего – совсем маленький, мы решили с женой – хрен с ними, с деньгами, здоровье сына дороже, до трёх лет потерпим, года в три с ним можно будет уже говорить, вот тогда и побе-

седуем – он, я думаю, поймёт.

Мы с Милой сели, поразмышляли и тоже решили – хрен с ними, с деньгами. Людмила уволилась с работы, забрали Мишку из яслей, дождалась, когда моя сестра с мужем и племянницей отбудут в Японию, переехали опять в «Огонёк» и зажили прежним порядком.

В Японию они уезжали раздельно, сначала уехал Георгий, затем Катерина с Ольгой. Стояла страшная жара, собираясь провожать Жору, Милка зачем-то нацепила мохеровую кофту, которую ей подарила Катька по приезду. Я понимал, что ей хочется просто развеяться, прокатиться, покрасоваться в обновке, что кофта очень красивая, но на улице было почти плюс тридцать. Отвергнув все мои доводы, Милка надела кофту, взяла женскую сумочку, мы сели в такси и отправились в Шереметьево. Проводили Жору, всё чин чинном, вернулись назад, и уже дома Люда спохватилась: а где же кофта и сумочка? Вспомнила, что из-за жары она сняла в такси кофту и положила её рядом с собой. Чтобы не расстраивать её ещё больше, я молчал, боясь поднять на неё глаза, но Людмила, выцепив меня глазами среди расстроенных лиц, вдруг произнесла:

– Это ты во всём виноват.

– Господи, да я-то при чём?

– Это ты сказал, чтобы я не надевала кофту. Вот и сглазил меня.

Это было так неожиданно и нелогично, что я расхохотался

и ничего не мог с собою поделывать.

Спасибо сестре, видя, как Милка расстроилась, она подарила ей точно такую же, только другого цвета.

С деньгами у нас был хронический напряг, но хотелось встречаться с друзьями, и мы встречались, гуляли, бывало, приглашали к себе и не особо заморачивались отсутствием денег. Как-то пригласили к себе Танюшку и Димку, теперь Мурзиных, надо было как-то принять, угостить. Приняли и угостили: купили пива бутылок пять, буханку свежего чёрного хлеба, я порезал его брусочками сечением сантиметр на сантиметр, обвалял в крупной соли, высушил на подносе в духовке газовой печи и подал к столу. Чудесно посидели – пиво пили, грызли сухарики. В жизни мне пришлось принять участие во многих застольях, были и такие, воспоминания о которых до сих пор вызывают стойкие рвотные позывы, хотя в отношении блюд никаких претензий не было, а о том застолье более чем через полвека я вспоминаю с теплотой.

С годами понимаешь, что качество застолья определяется прежде всего качеством сидящих за столом людей, а не качеством стоящих на нём блюд.

В обеденный перерыв на работе играли в настольный теннис, чемпионов у нас было двое – Сашка Ефанов и ещё один парень, пяток сильных игроков, к которым принадлежал и я, и с десяток изредка играющих. Играли на вылет, если народа

набегало много, то парами, при малом количестве играющих – поодиночке. Меня это занятие так увлекло, что весь обед я, как правило, проводил за игрой, потом появлялся в отделе, сидел с полчаса за кульманом, а затем линиял в столовую. Думал: а чего мне? План-то делаю, но Пал Иваныч думал иначе и, как-то перехватив нас с Сашкой в коридоре, когда мы в неурочное время благодушно шествовали из столовой, негромко, но со значением произнёс:

– План планом, но дисциплину никто не отменял.

Намёк был понят, пришлось немного ужаться в спортивных играх.

Решили пойти другим путём: организовали с Сашкой командный турнир по пинг-понгу между отделами, к проведению которого привлекли нашу комсомольскую организацию, её участие в организации турнира придавало ему солидность.

Между собой договорились, что проигравшие в финале проставляются – каждый из них покупает в железнодорожной столовой хачапури по-аджарски и бутылку пива, которые предназначаются победителю. Отделов у нас, на 3-й Мытищинской, было всего четыре, играли навывлет, от каждого отдела по четыре человека, каждый играл одиночку с противником, победители играли друг с другом и одну парную игру. Играли азартно, привлекая внимание, скоро все знали, что идёт турнир, появились свои и чужие болельщики.

Теннисный стол был всего один, турнир затянулся, по-

что все были вечерниками, могли играть только в обед, если задержаться после работы, то минут на сорок, не больше. В финал вышел наш отдел кузнечно-штамповочного производства (ОКШП) и отдел литейного производства, и турнирный процесс затормозился – захворал кто-то из литейки. Мы с Санькой решили немного их подстегнуть, написали ноту в стихах, которая заканчивалась такими строчками: «Литейщики, пора к барьеру, в нахальстве тоже знайте меру, вы проиграете с почётом ОКШП с разгромным счётом», – заявили в отдел и торжественно вручили вызов. Текст моментально разошёлся по институту, и на финал явилось человек тридцать болельщиков, мы и в самом деле выиграли с перевесом в два очка.

На следующий день в обед все завалились в ж/д столовую, парни проставились – всё как договаривались: хачапури, пиво, какой-то провокатор предложил закрепиться водочкой, но большинством голосов отвергли эти инсинуации. Какая водка? Вечером же на занятия.

Подошёл Новый год, отмечали дома: наличие малышей ограничивает мобильность, даже неплохо – осталось больше времени на подготовку к экзаменам. Экзамены сдал легко, тремор лёгкий был, как без него, но это даже помогает.

После сессии у нас с Сашкой созрела новая инициатива – выдвинуть лозунг «Пятилетка в три месяца» или что-то вроде того, под этот лозунг мы хотели взять на себя обязатель-

ства перевыполнять месячную норму в два-три раза, а нашу зарплату увеличивают на семьдесят пять или сто процентов. Чтобы всё выглядело солидно, мы после распития перцово́й в качестве тарана нашей идеи привлекли нашего комсомольского вожака, классного парня, не строящего из себя Данко на производстве. К нашему удивлению, или благодаря тому, что инициативу нашу педалировал наш комсомольский вожак, предложение стали серьёзно рассматривать в дирекции и через какое-то время дали нам ответ: администрация готова поддержать наш почин, но на условиях поднятия зарплаты на пятьдесят процентов, а не на семьдесят пять. Вот же жлобье́, в отделах не хватало конструкторов – найдут, наберут, ещё дороже же станет, а платить нормально – фигу с маслом. Помозговав, мы решили отказаться от их предложения – это ж беззастенчивая эксплуатация подневольных конструкторов, грабеж, одним словом.

Идею нашу не удалось протащить, но любое деяние приводит к какому-нибудь результату – поскольку в число инициативщиков после переговоров вошли несколько ребят из других отделов, мы стали теснее общаться и выяснилось, что среди них были походники (туристы), которые предложили нам пойти с ними летом в поход в Карелию, из нашего отдела решили идти я, Серёга Иванов и Женька. Всё это оформлялось через райком ВЛКСМ с помощью нашего комсомольского вожака как поход по местам боевой и трудовой славы. Мы должны были подобрать какое-нибудь реально вое-

вавшее в этих местах воинское подразделение и пройти или по его маршруту, или побывать в местах боёв, расспросить местных жителей, потом всё это сопоставить с материалами из военно-исторического архива и доложить осенью на традиционном слёте участников походов по местам и так далее. А за это нам, не помню точно, но вроде бы райком комсомола или администрация института по письму из райкома оплачивали аренду туристического инвентаря и половину дороги. Это ж халява, надо было соглашаться. Половинка моя не возражала и отпустила меня с богом.

Весной, как раз во время весенней сессии, позвонил Колька Писькин, пригласил на свадьбу, помозговали с Милкой и решили отказаться, сессия опять же, а тут дня на два как минимум вылетишь из графика, но главной причиной было абсолютное отсутствие денег. Подарок, цветы – минимум десятка нужна, а у нас ни шиша в карманах. Позвонил Колян, соврал что-то, сообщил, что край как не могу, про деньги не стал говорить, понимал, что скажет: «Да плюнь ты на них, мне друг нужен, а не чирик в конверте», – но не смог я себя переломить. Колян вида не показал, но обиделся, как-никак, до его ухода в армию были лучшими друзьями. Вечером в день свадьбы сидели грустные дома с Милкой, все друзья на свадьбе, отбили телеграмму по телефону.

На следующий день, возвращаясь, не помню, то ли после экзамена, то ли после консультации из Технилица, решил

ехать не на метро, а на трамваях, был такой маршрутик, сначала на пятидесятом до круга на Каланчёвке, а там на семёрочке до дома. По времени дольше, но приятней, особенно по выходным, без толкотни – трамваи полупустые, можно сидеть, глядеть в окошко, отдыхать. Стоял на круге, на Каланчёвке, ждал, вдруг за спиной слышу Колькин голос:

– Алек.

Обернулся, гляжу – в такси сидит Колька Пятаков и машет мне рукой, я подошёл.

– Садись, нам на проспект, вместе подскочим.

В машине сидела Ленка – Колькина подруга, теперь уже жена, ещё кто-то. Сидели молча с какими-то мрачными лицами, я подумал: может быть, на меня дуются, и начал изда- лека оправдываться, но Николай, сидящий впереди, замахал рукой и, не поворачиваясь, сказал:

– Не говори ничего, не надо, потом.

Ехали молча, через какое-то время он сказал:

– У нас на свадьбе парня убили.

– Кого?!

– Не из наших, с Ленкиной стороны.

Лена вдруг схватилась за горло, таксист резко вырулил к бровке тротуара и остановился, Колька крикнул мне:

– Вылезай быстрее, её рвёт!

Я выскочил из машины, протянул Лене руку, она, держа наготове платок, выбралась из машины, подошла к дереву, её тошнило. Пока добрались до 89-го дома, останавливались

ещё пару раз.

Через неделю пересёкся с нашими ребятами, бывшими на свадьбе. Рассказали: свадьбу гуляли в квартире где-то на окраине, в Выхино или что-то вроде того. Первый день прошёл как обычно, почти вся молодёжь осталась ночевать там же. На второй день все решили выйти на улицу подышать свежим воздухом, метрах в тридцати под окнами был сквер или лесополоса, стали собираться, как всегда, кто-то предложил выпить на ход ноги. Парень с девушкой не захотели пить, вышли на улицу, дошли до деревьев, стояли в тени, разговаривали. Подошло пять-шесть подонков, начали вязаться к девушке, пацан вступился, стали его бить вшестером, девчонка вырвалась, прибежала на свадьбу, все под хмельком – компания слегка замешкалась, когда первые прибежали на место, парень был убит, а шпана эта поганая слиняла. Наших на свадьбе было много, рванули искать по району, перешерстили все дворы, опрашивали шпану во дворах, кто был недоволен – вломили, но тех самых не нашли.

Вот и погуляли на свадьбе. Не знаю, чем дело кончилось, нашли мерзавцев или нет.

В те времена у каждого работающего в отделе должна была быть какая-то общественная работа, молодёжь обычно записывали в народную дружину, и меня припахали вместе с Серёгой Смирновым. В деятельности этой спасало одно – демократические нравы в родном пятьдесят восьмом отделе-

нии милиции, оно, кстати, переехало из здания на проспекте Мира куда-то ближе к Рижскому вокзалу, если мне не изменяет память, на Трифоновскую улицу. В означенный день после работы мы заходили в отделение, регистрировали у дежурного наш выход на смену, брали повязки, гордо повязывали их на левую руку и шли ловить подлых расхитителей социалистической собственности и прочих негодяев, мешающих строить светлое коммунистическое завтра. Шли, строго поглядывая на прохожих, вдруг враг прячется под благообразной личиной какого-нибудь щуплого очкарика, шли уверенно, слава богу, маршрут к месту скопления этих проходимцев нам был хорошо известен. На площади Рижского вокзала мы садились на трамвай семёрочку, переезжали Крестовский мост, снимали повязки и шли в шайбу – пивную на Мурманском проезде напротив восемьдесят первого дома.

А как же, надо ж кому-то и там за порядком приглядывать. Дальше вечер мог сложиться по-разному, но в урочное время мы твёрдыми шагами возвращались в родное пятьдесят восьмое отделение милиции, сдавали дежурному повязки, сообщали об окончании дежурства, он фиксировал этот факт в журнал, и мы с честными глазами и чистой совестью, усталые, но довольные разбегались по домам. Всё тип-топ.

Правда, однажды чуть не произошёл сбой, который мог поставить крест на нашей карьере дружинников. Дождило, и мы решили не покидать пределов пивной, выпихнули нас

аккурат вместе с последними алконавтами. Глянул я на Серёгу, а Серёга совсем не хорош – не твёрд в поступках, в том смысле, что ступает по родной земле нетвёрдо, мотает его. Я-то понимаю, что Серёгиной вины в этом нет, виновато кориолисово ускорение, так ить разве ментам втолкуешь, они и Кориолису руки закрутят, если найдут – а они найдут. Решил идти до милого сердцу отделения милиции пешком – пока дойдём, Серёга, глядишь, и посвежеет. А чего, дождь прекратился, но на улице свежо, хорошо, и пошли через Крестовский путепровод. По приходу Серёга мой уже совсем молодцом был, но в отделение я его с собой брать не стал, шёл-то он уже вполне себе, но речь пока была ещё не очень. Прислонил его недалеко от входа к стеночке, а сам бегом вверх по ступенькам. Сдаю повязки дежурному, он спрашивает:

– А где напарник? Чего задержались-то?

– Да погода хорошая, решили прогуляться. А-то всё работа, учёба, семьи – на улице не бываем. Напарник во дворе ждёт.

– Это точно, ну, давайте, привет.

Выхожу, с сознанием выполненного долга гляжу, а Серёгу моего два мента навстречу мне волокут, он упирается, пытается им сказать что-то, но не получается у него, должно, волнуется. На нерве мужчина, а им, ментам, только дай возможность – давай руки сразу крутить человеку. Я, доставая из широких штанин удостоверение дружинника, заявил:

– Вы чего, мужики? Мы народные дружинники, только с

дежурства.

– Да напарник твой в говно пьяный.

– Да чего он пьяный? Как скала стоит. Отпустите его.

Менты совсем сопливые были – лимита, взяли и Серёгу отпустили. Серёга зафиксировался как соляной столп, стоял, глядя с недоумением на сморкачей.

– Так он слова выговорить не может.

– Так у него неврозоподобная резидуальная органическая патология возникает, когда ему ни за что руки начинают крутить, артикуляция нарушается. Мы весь вечер вдвоём, так я что, тоже пьян, по вашему мнению, слова выговорить не могу?

Менты посмотрели на меня, повернулись и пошли в отделение, а мы с Серёгой двинулись к метро Рижская, шли потихоньку, нас под вечер, кроме артикуляции, ещё и координация стала подводить. Что ни говори, тяжёл крест народного дружинника.

У завода «Металлист» была немаленькая территория, там были и сквер, и волейбольная площадка, туда-то мы и наладились летом ходить играть в волейбол в обеденный перерыв. В основном приходили играть сотрудники института, но приходили играть и заводчане, по большому счёту и те, и другие трудились в ВПТИ Тяжмаш, резались не по-детски, азартно, бывало, забывали про работу спохватывались, когда проходил не один час.

Ясно, что руководству это не нравилось. Однажды, прибежав в отдел после игры, застал сидящего на моём рабочем месте Бориса Петровича, я встал рядом, Борис Петрович провёл пальцем, густо испачканном в карандашном грифеле, по ватману рядом с записью в таблице спецификации, которую раньше вручную расчерчивали и заполняли прямо на общем виде, оставив на чертеже широкую полосу.

– Вчера.

Затем провёл пальцем по ватману у верхнего края таблицы, показывая мне, что за два дня я заполнил только две позиции спецификации, что, конечно, было чрезвычайно мало.

– Сегодня, – Борис Петрович поднял голову и посмотрел на меня.

Ответить-то мне было нечего, что тут скажешь, и я сбрехнул первое, что пришло мне на ум:

– Я думаю.

Борис Петрович покрутил головой, тяжело поднялся и, уходя, обронил:

– Не надо думать, надо делать.

Пришлось задержаться, закончить штамп, была пятница, а в понедельник я ведь уходил в отпуск.

В понедельник утром наша группа в составе одиннадцати человек была на Ленинградском вокзале, семь парней и четыре девушки, были две семейные пары, а двух девиц нам в порядке нагрузки запихнул райком, захотелось девчонкам Карелию посмотреть и запросились вместе с нами. Маршрут

планировали два наших, вптишных, парня.

Сфоткались на вокзале, загрузились в три плацкартных купе – и тю-тю – goodbyе, my love, goodbyе, выгрузились уже в Медвежьегорске. Вышли на привокзальную площадь, нашли остановку нужного нам автобуса, его номер, маршрут и место прибытия знал руководитель нашей экспедиции. Собственно, руководителем его никто не назначал, но он был самым деятельным организатором поездки, активно общался с райкомом комсомола, забашлявшим нам энную сумму на поездку в виде оплаты аренды туристического инвентаря и компенсации части дорожных расходов, и вроде бы бывал уже в Карелии. Кроме того, он имел охотничье ружьё, охотбилет, да и вообще был классным компанейским парнем, и поэтому его лидерство никем не оспаривалось.

Впрочем, мне кажется, что девяносто процентов людей откажутся от собственных инициатив и, соответственно, ответственности, если есть возможность переложить это на чьи-нибудь чужие плечи.

Ну, не суть, подошёл нужный автобус, и мы попытались загрузиться в него, полагая, что билеты купим по дороге, оказалось, что это не так: билеты нужно было заранее приобрести в привокзальной кассе. Наш вожак шепнул что-то на ушко своей жене, и она помчалась в кассу, через пять минут билеты были вручены водителю, часть нашей группы зашла через переднюю дверь, для другой части открыли заднюю, через кою вошли Серёга со мной, Женька, парень из наше-

го отдела и ещё кто-то из ребят – примерно половина нашего отряда. Задняя дверь закрылась, водитель вошёл в салон, осмотрелся, после чего наклонился к нашему лидеру, и они стали что-то обсуждать. После переговоров водитель проследовал к себе в кабину, сел, открыл все двери и стал чего-то ждать, простояв так полчаса, он закрыл двери, и автобус, набирая скорость, тронулся в путь – поход начался. Минут через десять автобус выехал на небольшую площадь, описав на ней полукруг, резко затормозил у какого-то небольшого двухэтажного строения и остановился, двери автобуса открылись. Мы сидели с пацанами, обсуждая странности манеры вождения рейсового транспорта Медвежьегорска, когда к открытой двери подошёл милиционер и вежливо попросил всех выйти. Первоначально мы не поняли, к кому конкретно он обращает свой призыв, но потом стало ясно – именно к нам. Как только мы выгрузились, двери автобуса захлопнулись, и он, сорвавшись с места, исчез в клубах пыли. Асфальт в городе присутствовал, как я заметил, исключительно на главной площади, в остальных можно было наблюдать только информацию о том, что асфальт там когда-то был – он присутствовал в виде каких-то кусков или полосок по краям проезжей части.

Когда пыль окончательно осела, оказалось, что мы находимся рядом с отделением милиции города Медвежьегорска, в том месте, где была вторая дверь автобуса, стояла кучка пассажиров, в которых явственно угадывалась вторая часть

нашей туристической группы, за исключением нашего вожака. Стало ясно – волки позорные повязали нашего командира по ложному доносу, надо идти выручать, и мы всей когдой попытались ввалиться в горотдел милиции, что вызвало невнятные протесты у дежурного, вставшего на нашем пути и утверждающего, что столь больших делегаций у них не бывает даже на их профессиональный праздник – день милиции. В итоге он согласился пропустить делегацию в составе: жена и трое парней, в число которых втиснулся и я, – и пропустил нас к нашему узнику совести. Надо сказать, главным побудительным мотивом для нас было желание понять, что, собственно, произошло, по какой причине нас выкинули из автобуса. В небольшом кабинете, на который нам указал опричник, дежуривший у входа, сидел с понурым видом наш вожачок и мужик в штатском лет сорока, что-то негромко втолковывающий ему, когда мы ввалились в кабинет, мужик явно повеселел, видно, разговор ему изрядно поднадоел. Первоначально в бой, как и полагается, – всё ж таки мужа из казематов выручает – ринулась жена:

– На каком основании Вы его здесь держите?

– Извиняюсь, а Вы кто?

– Жена.

– Отлично, а кто это с Вами?

– Это друзья наши, мы все участники похода по местам боевой и трудовой славы советского народа.

– Просто превосходно. Скажите, это, как я понимаю, Вы

за билетами ходили?

– Да, я, а какое это имеет отношение к задержанию?

– Сейчас объясню. Сколько Вы билетов взяли?

Подруга боевая нашего лидера вдруг стушевалась, начала как-то мяться, явно запамятовала.

– Смотрю, Вы с трудом вспоминаете, я Вам напомним – пять.

Тут удивились мы, не помню, кто из нас произнёс:

– Как пять, нас же одиннадцать.

Мы с удивлением уставились на Витьку – так звали нашего командира, – он повернулся к нам и стал, энергично жестикулируя, объяснять:

– Да мы в том году всегда так ездили, возьмём на четверых два билета, а рубль водителю – и нормалёк, – видно было, что не врал, говорил убеждённо.

Следователь, устало поглядев на нас, произнёс:

– Ну, ведь уже взрослые люди, что ж вы как дети-то себя ведёте, соображать-то надо. Билеты недешёвые, за шестерых зайцев шофёр и на статью можно наскрести, а потом, вы ж на отдых приехали, почти тыща километров, первый только день, не поверю, что денег у вас нет. И что с вами теперь делать прикажете? Кстати, следующий автобус до места, куда вы собираетесь, будет только завтра.

Перспективка вырисовывалась не очень, а меня стал разбирать смех, что-то это всё мне очень напоминало. Следак наш оказался классным мужиком, всё обошлось недолгими

наставлениями, затем он стал пытаться устроить нас на ночлег, что оказалось невозможным ввиду начала охоты по перу, в смысле открытия через пару дней охотничьего сезона на боровую, полевую, болотно-луговую и водоплавающую дичь.

Днём мы походили, посмотрели город, пообедали в какой-то столовой, вечером девок наших стараниями следака куда-то удалось приткнуть, а для парней свои двери гостеприимно распахнули камеры городского отделения полиции, не на улице же нас оставлять – благо они пустовали. На следующий день, мы, как полагается, взяли одиннадцать билетов, за чем следак проследил лично, и отбыли из города Медвежьегорска.

Дорога, по которой мы ехали, дорогой не являлась, это скорее была полоса препятствий. Разумней было бы, конечно, двигаться в нужном направлении просто рядом по земле, но этому мешали леса, плотно обступающие то, по чему мы двигались к цели. Скорость нашего транспортного средства вряд ли превышала скорость пешехода, автобус петлял по дороге, объезжая колдобины, иногда останавливался, пропуская встречный транспорт. Наверно, в каких-нибудь документах то, по чему мы перемещались из точки А в точку Б, числилось однополосной автомобильной дорогой, но в жизни всё не так, как на бумаге, местами она сужалась до одной полосы, а местами расширялась до четырёх, но ни в одном из этих мест признаков, что мы движемся по дороге с твёрдым покрытием, не было. Пишу и думаю: может быть, она

по документам была грунтовой, но тогда, где щебёнка или, на худой конец, гравий? Где кюветы, в конце концов? Впрочем, о чём я – гравий – тоже вещь необходимая в домашнем хозяйстве.

По прибытии наш Витёк снова взял деловой тон, и мы бодро двинули в одном, лишь ему известном, направлении. Всё это вызвало уважение, похоже, что он действительно бывал здесь и места знает, двигались мы, правда, только вдоль каких-то дорог, или даже скорее направлений, на которых тем не менее угадывались следы когда-то проезжавших по ним то ли машин, то ли сходных с машинами транспортных средств. В итоге прошли рядом с какой-то деревенькой и, двигаясь таким образом, уже в сумерках наткнулись на одиноко стоящий дом.

В подворье явно никто постоянно не жил: у крыльца, колодца, вокруг строения трава была не затоптана так, как это бывает в обитаемых жилищах, в то же время он не производил впечатления заброшенной берлоги, везде чувствовалась рука хозяина, вдобавок недалеко от крыльца стоял вполне себе ухоженный мопед. Витек поднялся по ступенькам, пошарил по карманам ветровки, достал ключ, отпер дверь и зашёл в дом. Через некоторое время появился в дверном проёме и, глядя на наши изумлённые физиономии, с показным удивлением в голосе поинтересовался:

– Вы чего не заходите?

Мы, толпясь у двери, ломанулись в дом – пора было отдох-

нуть. Усадьба предлагала для этого все возможности: электричества не было, но на кухне были дровяная плита и печь, большой стол, лавки, табуретки и несколько стульев. Висело несколько керосиновых ламп, был изрядный запас свечей, в буфете хватало посуды. В доме было несколько комнат, чуланы, огромная подклеть¹. Живи не хочу. Мы разделились на несколько группок: я с Серёгой и Женькой нашли топор, на рубили дров, растопили плиту, девчата начали гоношить чего-то на плите, остальные накрывали стол, расставляли лавки и стулья, минут через сорок сели ужинать.

Во время нашей прогулки по Медвежьегорску мы изрядно запаслись горячительным, преимущественно водкой, и не преминули отметить ею начало нашего турпохода. Поели, выпили, стали выяснять, чей это дом. Витёк пытался врать что-то, но неубедительно – врать убедительно – это ж искусство, нужно много тренироваться, и в результате раскололся: рассказал, что ключ от дома ему вручил следователь, мол, чего вы по лесам шастать будете, живите себе в доме, как люди нормальные живут. Вообще-то турпоход – это и есть именно шастание по лесу или по пересечённой местности, но тогда вечером нам было не до этих тонкостей.

Потом я немного побренчал на гитарке. Девушки требовали ещё, но не игралось, дело в том, что я, как большинство гитаристов, получивших музыкальное образование во дворах в шестидесятых годах, начинал играть на семиструн-

¹ Подклеть – цоколь.

ной гитаре, а время этого инструмента в семидесятых безвозвратно ушло, все перешли на шестиструнки. Год назад мою семиструнку спёрли в турпоходе, и я купил себе шестиструнную гитару, полагая, что быстренько её освою и буду лабать не хуже, но увы. Всё моё время занимали работа, учёба, семья – на гитару у меня времени не оставалось. Я подобрал пару-тройку сходных аккордов и с их помощью пытался играть всё, что играл на семиструнке, но результат резал уши, и не только мне.

С утра стали разбираться, какие, собственно, у нас планы, и выяснилось, что наши семейные пары не очень склонны отправляться дальше и в ближайшей перспективе планируют заняться охотой и рыбалкой, а нам предложили заняться грибной охотой или обзором ближайших окрестностей.

Места для своих строений жители Карелии выбирали с умом, утром оказалось, что дом, в котором мы расположились, тыльной стороной смотрел на пологий склон, скатывающийся к протекавшей внизу речке, за которой синел вековой лес, – красотища необыкновенная. Поговорив с местными жителями, разузнали, где наилучшая грибная охота, пошли группой человек в пять, грибов было столько, что просто не во что было складывать, а взять с собой попросту рюкзак никто не догадался. Купили в деревне картошки, вечером у нас на ужин была жареная картошечка с белыми грибами и подосиновиками, а у добытчиков наших невод пришёл с морской травой.

На следующий день с утра пораньше отправились смотреть какое-то очень красивое, по описаниям местных жителей, озеро, пошли втроём: мы с Серёгой и одна из райкомовских девчонок, – остальные отказались вставать в такую рань – отпуск же. А идти было не близко, в одну сторону часа три-четыре, не меньше.

В Карелии я был впервые, край необыкновенный, красота нетронутой природы, всё необычайно мне понравилось, даже особенности северной погоды – моментальный, быстро проходящий дождь и тут же солнце.

Нам детально объяснили, как добраться, но когда мы дошли до точно указанного места, от которого начиналась тропинка, то долго не могли найти её, пока не поняли, что тропинки, которые существуют в нашем понимании этого термина, там отсутствуют, но если приглядеться, можно понять, что трава местами как-то неуловимо отличается от травы вокруг, только надо смотреть не прямо себе под ноги, а как-то слегка вдаль над травой на расстояние метров двадцати-тридцати, и тогда начинаешь понимать – вот она, тропинка-то. Следуя по ней, пришли к выводу, который, если не задуматься, покажется странным: непосредственно на тропинке грибов, в основном белых, мы обнаружили больше, чем вокруг. Поразмыслив, пришёл к выводу, что ничего странного в этом нет – местные грибники собирают в основном грибы ценных видов, домой несут в корзинах, возвращаясь, идут по тропинке, при ходьбе грибы трясутся, трутся в кор-

зинах, мицелий сыпется на тропинку – вот и результат.

Часа за два с половиной дошли до озера, по объяснению, надо было перебраться на противоположный берег, что тоже удивляло меня в Карелии, на каждом озерце, водоёме, если к этому месту выходила тропинка, обязательно была одна или пара долблёных лодок и несколько шестов, сели в долблёнку, перебрались. Другая сторона представляла собой полную противоположность той, с которой мы приплыли, – скалистый берег, от которого шла мшистая тропинка, выводящая на небольшую полянку, в центре которой стояла бревенчатая охотничья или рыбацкая избушка. Полянку со всех сторон окружали уходящие вверх нагромождения валунов и скал, поросших елями, соснами, на стыках валунов росли какие-то цепкие кустики, везде, где можно было зацепиться, были лишайники, мох. День был солнечный, у меня было какое-то ощущение радости созерцания мрачной силы и красоты безжизненного камня и хваткой, проникающей в мельчайшие трещинки и щели, живущей там и развивающейся жизни растений и всякой мелкой живности. Впрочем, забравшись на один из гольцов, мы обнаружили там свежий помёт какого-то явно не очень мелкого животного, медвежий, как впоследствии растолковали нам деревенские жители, и мы решили, что нам пора домой. И впрямь было пора, в сумерках тропинку мы бы могли и не различить, а ночи северные прохладные.

На ужин была картошка с грибами – добытки наши

опять пришли ни с чем.

На следующий день было начало охоты – пальба началась часов в пять утра, а Витёк проснулся вместе с нами, позавтракал и стал собираться на охоту: напихал патронов в патронташ, натянул болотные сапоги, куртку, прицепил ягдташ, надел большую шляпу с накомарником, взял в руки двустволку – чок-получок и отправился за добычей, все пацаны выкатились вслед за ним, надо было опробовать ружьишко. Охота ж.

Дошли до ближайшей поляны, метрах в тридцати на кустах прикрепили лист бумаги размера А4 и начали по очереди палить по нему. Охотник наш в тройку лучших стрелков не попал, но не огорчился, сказал задумчиво:

– На охоте это не главное, – и отправился к берегу озёрца, где он с вечера припрятал в кустах долблёнку.

А мы втроём пошли в деревню, так как, поскольку из-за неэффективности деятельности наших промысловиков нам был доступен только один вид добычи – грибы, надо было пополнить наши продуктовые запасы и, главное, взять чего-нибудь горячительного – на выходных обещал нас навестить самый гуманный милиционер страны, он же владелец дома.

Оказалось, что магазина в деревне нет и до него надо или идти пять километров напрямки через лес и болото в соседнее село, или ждать автобус, который будет через пару часов. Решили идти напрямую, тем более что тропинка, по за-

верению местных жителей, натоптана хорошо и заблудиться невозможно. Пошли пешком, оказалось, что на другой стороне деревня граничит с небольшим озерцом, проходя мимо которого, увидели, как местная жительница, спустившись к воде, сядила в двухвёсельную лодку.

Тропинка и в самом деле была довольно натоптана, где-то через полтора часа подошли к болоту, которое скорее напоминало идеально ровную поляну, о том, что это, возможно, болото, мы догадались по тому, что к этой поляне вёл пологий спуск, а у дерева, росшего у самого начала тропики через болото, стояло штук шесть шестов – толстенных трёхметровых жердин. После небольшой дискуссии, нужны ли нам шесты, решили всё же идти с шестами, местным жителям виднее, раз они ими пользуются, значит, есть определённый риск в ходьбе через эту странную поляну без шеста, взяли их, кто положил на плечо, кто-то тащил по траве, держа одной рукой, так и шлёпали по болоту. У края ощущения, что ты идёшь по болоту, не было, шли, разговаривали, но чем дальше мы продвигались к середине поляны, тем податливей и пружинистей становилась поверхность, по которой мы следовали. Подсобрались, взяли шесты двумя руками попереёк туловища впереди, чуть ниже пояса на тот случай, если провалишься, чтобы не уйти глубоко в болото и, опираясь на шест, выбраться на поверхность. На середине болота поверхность пружинила как большой батут, откликаясь на каждый шаг расходящимися концентрическими кольцами, который,

отражаясь от берегов, возвращались, но уже искажёнными, в итоге скоро вся поверхность плясала как в пляске святого Вита, что реально стало мешать перемещению настолько, что мы иногда останавливались, ожидая затихания этой вибрации. Тем не менее до противоположной стороны добрались без приключений. Отдохнув минут пятнадцать, встали на тропу и через полчаса были в сельмаге. Пока затаривались, узнали, что через полчаса пойдёт автобус, который заезжает и в нашу деревеньку, решили возвращаться на автобусе.

На деревенской остановке, кроме нас, было ещё два пассажира – местный мужичок и женщина лет сорока пяти, как потом выяснилось, из Питера. Мы решили что-то выяснить у мужика, и он охотно стал нас вводить в курс местной жизни, рассказывал, явно стараясь нас ознакомить с реалиями местной жизни, говорил спокойно, обстоятельно, с уважением, но матерился так, что на вновь покрашенном заборе стала облезать краска. Женщина стояла, не реагируя, но на её лице периодически подёргивались какие-то жилки, и я негромко сказал мужику:

– Слушай, ну что ж ты так материшься, ведь женщина рядом стоит.

Мужик остановился, посмотрел растерянно на меня, на лице его появилось какое-то детское выражение удивления от совершенно неожиданной просьбы, и он сказал:

– Я же не на неё.

И было понятно, что он никого не хотел обидеть, просто так говорит всегда, не может, не умеет иначе.

На въезде в деревню автобус, въезжая на пригорок, затормозил, увидели в окно женщину на двухвёсельной лодке, которую мы видели утром, отправляясь в магазин. Лодка её уже была вытащена в полкорпуса на берег, всё дно лодки было засыпано серебристыми тушками рыбок, и женщина складывала её в ведро. Поскольку никакой снасти ни у неё в руках, ни в лодке не было, мы, поразмыслив, пришли к выводу, что она ловила рыбу исподним.

На ужин была картошка с грибами плюс какие-то консервы, которые мы купили в магазине, а добытки наши опять пришли ни с чем. Мы стали втолковывать им, где и чем надо ловить рыбу, но они высокомерно отвергли наши предложения.

На следующий день наш главный рыболов, выслушав ещё раз наш рассказ про удачливую рыбачку, понял, что за дело надо браться серьёзно, достал из рюкзака бредень, решив перегородить речушку, которая текла рядом. Так как желающих влезать с ним в холодную воду не было, стал злодей заманивать нас «губастым» – бессмертным изобретением Веры Игнатьевны Мухиной, что-де по окончании рыбалки он его наполнит живительной влагой типа водки из личных запасов, тут уж желающих сразу набралось. Поставили бредень поперёк речушки, через час половину бредня с противоположной стороны завернули к нашей и всё это вытащи-

ли на берег – пришёл невод с травую речною, было весело, опять же награда ждала героев.

Вечером приехал наш следователь-гуманист, прошёлся, посмотрел, какой урон мы причинили его хозяйству, в целом остался доволен, похихикал над тем, что мы пытались завести мопед, но не смогли, объяснил, что он с него снимает какую-то детальку. Посидели, крепко выпили, помнится, я о чём-то спорил с ним, что-то пытаюсь доказать, он молча слушал, когда я на секунду остановился перевести дыхание, он спокойно сказал:

– Да, я с тобой согласен.

– А чего ж молчал-то, а я тут распинаюсь.

– Так ты слово вставить не даёшь, всё сыпешь и сыпешь.

В общем, хорошо посидели. На следующий день наши промысловики разбрелись кто на рыбалку, кто на охоту, а мы, оставшиеся, сели обсуждать, чем нам заняться, и пришли к выводу, что нам надо отправляться дальше, как-никак, мы вообще-то собирались в турпоход, хотели что-то посмотреть, а не сидеть в избе. Потом никого из нас не прельщали ни рыбная ловля, ни охота, и стало ясно мы: на следующий день отправимся дальше, раскопали карту Карелии, которая была у Витька, посмотрели и решили пешком дойти до урочища Фоймогуба, а там уже разобраться, что будем делать дальше.

Часов в семь вечера появился Витька, прошёл усталой походкой, дошёл до кухни, швырнув на стол крупного селезня,

сказал:

– Потрошите.

Это вызвало оживление, наконец-то наши добытчики стали оправдывать своё гордое имя и принесли добычу, правда, у рыбака нашего успехов пока не было.

За ужином, состоящим из жареной утки, картошки с грибами, местной зелени и горячительного русского напитка, мы сообщили, что оставляем их одних, решение наше не вызвало отторжения и обид.

Рано утром, позавтракав традиционной манной кашей, мы встали на маршрут.

На маршруте выяснилось, что четверо из семи человек не были готовы не только к пешеходному маршруту по пересечённой местности, но и вообще к каким-либо физическим нагрузкам, но худо-бедно, где лесом, где пешком по дорожке, а где и на автобусе мы в планируемый срок были в Фоймогубе.

Зашли пообедать в столовку, за завтраком узнали, что из посёлка в Кижы ходит «Комета»², тут и пришло понимание, как нам надо закончить поход: доехать на Комете до Кижей, там провести дня два, затем на Комете до Петрозаводска, потом на поезд – и домой. Оставив, по договорённости, свои мешки в углу столовой, пошли прогуляться по посёлку. Гуляя, местами обнаружили на домах и столбах дощечки с изображением стрелки с надписью «Аэропорт», стало

² «Комета» – речной корабль на подводных крыльях.

интересно, что это за аэропорт в таком маленьком посёлке, пошли по указателям и минут через десять вышли на берег озера. Недалеко от берега стояла дощатая будочка, по виду и размерам напоминающая дачный сортир, но с окошком, над которым была вывеска с надписью масляной краской от руки «Касса аэропорта», напротив был небольшой пирс с причаленной деревянной лодкой вместимостью до десяти-двенадцати человек.

На берегу стояла небольшая группа людей, не больше восьми-девяти человек, некоторые с чемоданами и сумками, стало понятно, что аэропорт существует, люди, стоящие на берегу, – это пассажиры, но где был аэродром, мы понять не могли, тупили. Но было интересно, и мы решили подождать, вряд ли пассажиры пришли за три часа, очевидно, что ситуация скоро должна проясниться.

Минут через пятнадцать из рупорного громкоговорителя, закреплённого на крыше будки-кассы, послышалась:

– Пассажиров просим приготовиться к посадке в самолёт, – после чего все ожидающие самолёт неспешно прошли на пирс, помогая друг другу, спустились в лодку и расселись по лавочкам. Заурчал подвесной моторчик, и лодка направилась к большому плоту, заякоренному метрах в пятидесяти от берега. Дул свежий ветерок, плот и лодка изрядно колебались в воде, выбраться на плот было бы наверняка непросто, да и находиться там, на качающемся плоту, наверное, было нелегко. Тем не менее после того, как лодка пришвартова-

лась, люди, помогая друг другу, выбрались на плот и застыли тесной группкой по середине.

Через несколько минут послышался звук двигателя и из-за леса показался быстро снижающийся гидросамолёт, который произвёл посадку на воду метрах в ста от плота, описал плавную дугу по заливу, аккуратненько, не поднимая волны, подплыл к плоту и остановился. Из самолёта спустились на плот человек десять и сразу стали грузиться в лодку, стоящие на плоту забрались в самолёт, двигатели его прибавили оборотов, и он начал потихоньку отдаляться от плота.

Лодка направилась к берегу, самолёт взлетел, кино кончилось, а мы стали разбираться, как нам добраться до Кижей. Поговорив с местными, узнали, что из села Великая Губа, которое находится на расстоянии порядка тридцати километров, в Кизи ходит «Комета», отправились в Великую Губу. Переход совместно с ночёвкой составил пару суток, и ранним утром третьего дня часть нашей команды дремала в креслах, остальные прятались от ветра на открытой палубе бешено рвущей воду Онежского озера Кометы.

Оставив в зале ожидания пирса рюкзаки и весь наш походный скарб, отправились осматривать достопримечательности острова. Серёга Петров ещё в Москве, полазив по буклетам и справочникам, наметил то, что надо посмотреть обязательно: церковь Преображения Господня, ветряную мельницу, дом какого-то зажиточного крестьянина, что-то ещё. Всё посмотрели. Восприятие церкви ухудшал стальной каркас,

державший её изнутри. Как-то он был спроектирован просто-вато, не было попытки замаскировать его, отсюда пропадало ощущение древности сооружения. А дом крестьянина мне понравился, вызывал уважение к своему соотечественнику – молодец мужик, наладил хозяйство, поставил дом себе, своей семье и своим потомкам. Большевики наверняка потом раскулачили, но это уже другой разговор.

Находившись и насмотревшись, решили пообедать в ресторане рядом с причалом, но получили отлуп – зал был забронирован на два часа турфирмой – обедали туристы-иностранцы. Сквозь огромные в пол стёкла был виден пустующий человек на сто зал и небольшая группка, обедающая в центре.

Тихо поматерившись про себя, стали подыскивать местечко для палатки и костра, но при первой же попытке развести огонь нам растолковали, что с недавних пор, после того как пьяные туристы спалили какое-то старинное строение, ночёвки туристов на острове запрещены, как запрещено и разведение костров. Уезжать в Петрозаводск нам показалось рановато, и мы решили заночевать на каком-нибудь из близлежащих островов, что оказалось несложным. Подойдя к группе лодочников на берегу, мы договорились о трансферте нас на остров за вполне приемлемую сумму в семь рублей – по рублю с носа.

Сказано – сделано, минут через десять мы были на чудесном островке на расстоянии полукилометра от Кижей. Ост-

ровочек был малюсенький, обойти его по периметру можно было за полчаса, сильно заросший деревьями и кустарником, но нашли небольшую полянку, с которой открывался чудесный вид на Кижы, поставили палатки, соорудили костровище, разожгли костерок, приготовили ужин, он же обед, перекусили, немного выпили – у нас было, посидели у костра, что-то спели, поговорили, легли спать. Утром проснулись пораньше, надо было собраться, сложить палатки, прибрать за собой поляну, к двенадцати обещал прибыть лодочник.

В оговорённый срок все сидели на бережке – лодочник не приплыл. Вяло покричали, отклика со стороны Кижей не было, разошлись, в течение дня подходили к берегу, высматривали лодки в акватории вокруг острова, кричали и свистели – никто не отреагировал. Разожгли опять костёр, приготовили ужин, легли спать. Харчи были на исходе.

Весь следующий день провели на берегу, высматривали лодки, кричали, пытаясь привлечь внимание. Подъели всё, что было, остался чай, немного сахара и хлеба. Легли спать в надежде на завтра.

Проснувшись, попили чаю с хлебом, собрались, стали думать, что будем делать, выход был один – плыть на Кижы. Обсудили, кто как плавает, выяснилось, что полкилометра из всех сидящих, если не брать в расчёт девушек, могли проплыть только я и ещё один парень. В целом расстояние для меня пустяшное, но был один нюансик – чертовски холодная вода. Как поведёт себя тело в таких условиях, ни он, ни я не

представляли, но другого варианта не было. Решили плыть, толкая бревно, чтобы было за что уцепиться, если от холода начнутся судороги. Нашли подходящий ствол, ошкурили его и осучковали, оставив с двух сторон два толстых метровых сучка у комля, чтобы удобней толкать бревно в воде, перенесли бревно на сторону, «глядящую» на Кижы. Разделись, встали у кромки воды, компания наша стояла рядом, кто-то из девчонок сказал:

– Ребята, ну, давайте ещё раз на удачу покричим.

Начали кричать, мы со вторым пловцом орали громче всех, в холодную воду, ясное дело, лезть не шибко хотелось, навопились, насвистелись, но никакой внятной реакции не было, во всяком случае, нам так показалось. Что ж делать. Ёжась, зашли в воду, стали принаравливать к бревну, когда зашли по пояс и поплыли, одна из девчонок закричала:

– Стойте, кто-то плывёт.

Вернулись к берегу, поглядели в сторону Кижей, на тёмном фоне берега движение было незаметно, но звук работающего мотора хорошо был слышен над водой. Моментально выскочили из воды, одеваться не стали, только отжали плавки в кустах, вернулись на берег, для согрева прыгали на месте, смотрели на воду. Минут через пять силуэт приближающейся лодки стал отчётливо виден, быстро оделись. Когда лодка ткнулась носом в берег, слегка втащили её на берег. Лодочник, глядя на нашу тусовку, спросил:

– Что у вас случилось-то?

– Да мы с Колей договорились, что он нас заберёт с острова, а он не приехал.

– А когда договаривались?

– Четыре дня назад договаривались, а три дня назад должен был приплыть.

– Так он три дня назад в отпуск ушёл.

– Отвезёте нас на берег?

– Конечно, отвезу, не зимовать же вам тут.

– Сколько?

– Десяточки хватит.

– А Колька за семь довёз.

– Так что, Кольку ждать будете?

– Не будем, согласны за чирик.

Забросали свои мешки в лодку, посадили девчонок, парни по старой традиции пописали на угли костра, часть села в лодку, последний спихнул её в воду, запрыгнул сам, всё, поход окончен.

Через полтора часа уже летели в «Комете». В Петрозаводске доехали до вокзала, взяли билеты на вечерний поезд, купили поесть, выпить, часов в двенадцать следующего дня были в Москве.

Через пару недель по приезду главный наш походный организатор сообщил, что мы все должны участвовать в слёте походников по местам боевой и трудовой славы советского народа, отмазаться было нельзя – райком профинансировал

прокат и частично дорогу. Происходило это действие в районном спортлагере «Дзержинец» и включало уйму каких-то соревнований: пилили в овраге деревья и вытаскивали их наверх, ставили палатки, носили «раненых», стреляли из духовушек по воздушным шарам, играли в баскетбол, волейбол и футбол, ходили по канату над ручьём и бегали кросс. Мы по результатам были где-то в середине, но не печалились, как известно, главное – участие. Потом нам не повезло с жеребьёвкой, нам по жребью выпал самый глубокий участок оврага, из которого мы вытаскивали спиленное дерево, на этом этапе практически безнадёжно отстали. Со стрельбой тоже не покатило: стреляем, а шары частично лопаются, частично нет, оспорили свои непопадания. И в самом деле, оказалось, что часть шаров, простреленных насквозь, не лопались, а медленно сдувались. Снятые баллы нам вернули, но пока разбирались, время ушло. Не суть – побегали на свежем воздухе, порезвились, когда ещё так придётся?

На третий день с утра каждая группа рассказывала, как они шли по следам героев-красноармейцев, и представляла стенды с фотографиями мест героических событий, мы тоже наврали что-то, и стенд наш был не хуже, в Петрозаводске нащёлкались много на фоне дотов, дзотов, блиндажей и укреплений.

Единственное, где не участвовали, – это в концерте – я подвёл, не позволяла моя техника игры на гитаре перед широкой аудиторией, не хотелось позориться, тем более что там

были парни с такой техникой игры – мама не горюй. А не беда, за дружеским ужином нам тоже сладкий пирог достался. Ну и выпили, конечно.

В целом хорошо расслабились.

До начала учёбы оставалась неделя, а мне уже хотелось нырнуть в эту среду, третий курс – это уже почти студент. В Технилице существовала такая традиция: студентов первого курса называли козерогами, студент второго курса получал звание унтеркозерога, третьего – оберкозерога и лишь на четвёртом студента в своём кругу именовали студентом. Как бы дедовщина присутствовала, но так как каких-либо жёстких форм она не принимала, студенчество в эту игру играло с удовольствием. Запомнилась мне такая сценка, которую я увидел однажды на перемене: в кипящей толпе розовощёких пацанов и девчонок явно первого курса, которые бестолково мечутся по коридору, не разобравшись ещё в сложной системе переходов института, протискиваются два парня постарше, явно недовольные всей этой суетой, один из них говорит: – Не успеем, народ в буфет набежит, давай дави козерогов, – и подталкивает приятеля чуть вперёд, тот наталкивается на идущего впереди студента явно старшего курса. Не поворачиваясь, он густым баском говорит:

– Оборзел, козерожина, на дипломника прёшь.

Нас, вечерников, вся эта веселуха не касалась, но мне было интересно всё, что касалось вуза, – традиции, байки.

Семья моей сестры опять прилетела в отпуск из Японии, мы с Милкой и Мишкой перебралась снова к теще с тестем. Однажды, недели через три нашего проживания, произошёл у меня с тещей конфликт.

Произошло это, как часто бывает, на почве разных взглядов на воспитание детей. Мишаня наш, не желавший вечером укладываться спать, бузил: стоял в детской кроватке, ухватившись двумя руками за вертикальные планки, тряс и раскачивал кровать и орал басом. Кричал без слёз, явно пробивая нас на слабо, мы же, наслушавшись всяких теоретиков и начитавшись брошюр по воспитанию детей, сидели с Милкой рядом и с интересом наблюдали, выдержит ли кровать его мощный напор. Сидели молча, иногда шептались, но вдруг дверь открылась, в комнату влетела теща и заорала:

– Прекратите нервы ребёнку портить, возьмите его на руки и успокойте.

Время было не позднее, было ясно, что спать ещё никто ни собирается, и я ответил:

– Лидия Ивановна! У Вас было время воспитать своих детей, дайте нам тоже возможность воспитать своего сына, как мы полагаем нужным.

Но теща не готова была вступать со мной ни в какие дискуссии и заявила:

– А ты, милый мой, вообще рот закрой, пока у меня живёшь.

Тут сказать мне было нечего, и действительно, я жил у тётщи, что ж оставалось делать – молчать, раз велели молчать. Поэтому я молча встал, взял тётшу за руку в районе предплечья и плавно выдвинул её из комнаты, после чего закрыл дверь. Надо сказать, что тётша моя была женщиной рослой и физически весьма крепкой и пыталась, как потом выяснилось, сопротивляться, но, находясь в раже, я, признаться, этого не заметил. В момент, когда дверь вошла в дверной проём, раздался пугающий вопль, какой, наверно, бывает, когда человека переезжает трамвай, и затем тётша истошно закричала:

– Витя, Витя! Твою жену изуродовали, а ты сидишь.

Я, признаться, похолодел, стою и думаю: неужели придётся с тестем драться? Не пришлось, тесть на счастье был трезв, впрочем, хотя он и пил в те годы запойно, был мужик весьма неглупый, я услышал, как он глухо произнёс:

– Я тебе говорил: не лезь к ним, – вот и получила.

Тётша что-то громко кричала из-за двери мне или нам, не помню, потом ушла в свою комнату и что-то доказывала деду. Миха, видно, увидев всю эту историю, счёл за благо завалиться спать, я предложил Милке завтра же съехать к нам в «Огонёк», разместимся как-нибудь, она меня еле отговорила.

Возвращаясь после работы, чувствовал себя не в своей тарелке, думал – только бы Милка дверь открыла – не свезло, отнюдь. Дверь открыла тётша и стала, мелко суется, помогать

мне раздеться, принесла тапочки, от всего этого я испытывал ещё большую неловкость, было не вмоготу, просто не знал, куда мне деться. Переоделся в домашнее, вышел из ванной комнаты – глядь, тёща ждала меня на пороге и приглашает ужинать, пытался увильнуть, но не тут-то было, меня чуть не под руки спровадили на кухню и кормили только что не с рук.

Поблагодарив за заботу, я уполз к нам в комнату, не очень понимая, что произошло. Тёща по характеру своему любила поскандалить, и никогда я не замечал, чтобы после ссоры она как-то менялась или переживала о случившемся. Тем более что я был накануне не очень корректен, и к такому обращению в своей семье она вряд ли была готова.

Через пару дней мы зашли проведать, как там зять с семьёй проводят свой московский отпуск, и моя сестра рассказала, что на следующий день после ссоры тёща пришла к ней жаловаться на меня. Предъявила плечо правой руки, на которой тёмно-синим цветом отпечаталась моя кисть и синие ногти на пальцах той же руки. Оказывается, что, когда я выдвинул её из комнаты, она, пытаясь вернуться обратно, ухватилась правой рукой за выступ дверного косяка, а левой упиралась в дверь, не давая её закрыть. Но я не видел этого, какое-то сопротивление я ощущал, но не придал этому значения и закрыл дверь. Вот в тот момент, когда дверь должна была упереться в выступ дверного косяка, она первоначально упёрлась в тётчины пальчики. Выступ-то невелик,

где-то миллиметров пять, и дверь зажимал плавно, преодолевая тётчино сопротивление, так что ногти посинели только наполовину и всего на трёх пальцах, но посинели всё же таки. Катька, внимательно её выслушав, и, рассмотрев все её раны, сказала:

– Какая же Вы счастливая, Лидия Ивановна.

Тёща опешила.

– Меня чуть инвалидкой не сделали, и я ещё счастливая?

– Ну, конечно же. Живы же, слава богу, и не покалечены.

Я ведь Люде рассказывала, какой он сумасшедший, ой, если б Вы знали, как я от него страдала, как он бил меня. Ему вообще человека покалечить или, может, даже убить ничего не стоит, – о чём-то она рассказывала ещё, живописуя, какого монстра они впустили к себе в дом. Тут, видно, тёща вспомнила, что дочь рассказывала ей, что сестра жениха отговаривала её выходить за него замуж, ссылаясь на его дурной характер и неадекватность. Пазл сложился – надо было идти кормить зверя, пока он не сожрал кого-нибудь живьём.

Не знаю точно, какие побудительные мотивы были у моей тёщи, но как-то с тех пор она на меня голос ни разу не повысила. Спорили частенько, мы с ней редко сходились во мнениях, но в целом, за редкими исключениями, общались вполне цивилизованно, кроме, пожалуй, ещё одного случая, произошедшего, через несколько лет, на даче.

Осенью тёща радостно сообщила нам, что ей на работе выделили садовый участок в шесть соток и что мы, если хотим,

можем в ближайшие выходные съездить его посмотреть. Решили составить теще с тестем компанию – интересно же.

Добираться надо было на перекладных: на электричке до Крюково, оттуда на автобусе до деревни Соколово и около километра пешочком до участка. Все выделенные участки располагались на бывших торфяных разработках, это было, по сути, обычное болото: топь, ряска, бочаги, реденькие кочки, на которых местами торчали чахлые берёзки. Я не представлял, как это можно освоить, привести в порядок. Власть советская была безмерно щедра к своим гражданам, отдала им то, что осваивать самой было нерентабельно или просто невозможно из-за абсолютной безнадёжности этого мероприятия. Когда я разглядывал доставшийся теще участок, было одно желание – плюнуть в рожу какому-нибудь чиновнику, да где его найдёшь в такой затрапезе? А теща была счастлива безмерно, скакала с кочки на кочку, рассказывая, где и что она построит.

Впрочем, польза от приобретения участка была – дед стал меньше пить, ковырялся на даче, привезёт машину грунта и таскает его до ближайших бочагов.

Начался учебный год, ходил в Технилице, учёба уже не вызывала у меня затруднений, когда трудишься на лекциях, семинарах, материал хотя бы частично оседает, копится там, где ему положено, ты не тупишь по ходу его накопления. Каждое следующее приобретённое знание опирается

на предыдущее, ты видишь логические, сущностные связи, у тебя возникает устойчивый интерес к познаваемому материалу, а на семинарах, решая задачи или проводя лабораторные работы, ты понимаешь, для чего тебе были нужны полученные теоретические знания.

Было одно препятствие моей тяге к знаниям, как, впрочем, и тяге домой – вороны. Да, эти грёбаные вороны в осенне-весенний период сидели на деревьях вдоль здания военно-исторического архива и забора Технилица в таком количестве, что пройти под деревьями, не отмеченным их вниманием, в смысле экскрементами, было невозможно. Идти по мостовой тоже было не очень, бывший Коровий брод не самая широкая улица в Москве, и водители зверели от массовых демонстраций студентов, избегающих идти по тротуару, опасаясь прицельного вороньего бомбометания – вот так все и маялись.

На работе мы с Сашкой решили, что нам надо искать новое место – нас явно недооценивали. Сегодня я думаю: дело было не только в этом, было понятно, что работа, которую мы выполняем, будет всегда примерно одна и та же, зарплату нам будут повышать, но в соответствии с какими-то формальными признаками: получение дипломов, стаж работы и прочее, стало скучно. И опять же хотелось денежек хоть немного побольше.

Стали искать сначала где-нибудь поблизости и нашли –

в проектный институт Министерства торговли требовались конструкторы, договорились о встрече. Встретились, побеседовали с начальником конструкторского и начальником отдела кадров, разговор получился весёлым. Мы рассказали, чем занимаемся на работе, на каких должностях, где учимся, начальник конструкторского отдела сказал:

– Работники нам нужны, основная сфера нашей деятельности – это проектирование автоматов для торговли на предприятиях общепита, монетоприёмники и прочее подобное оборудование. Кстати, на нас работал специалист вашего профиля – обработка металлов давлением, спроектировал автомат для уличной торговли, могу сказать, с точки зрения прочности, он сомнений не вызывал. И кем бы вы хотели у нас работать?

– Инженерами.

– Прекрасно, зачислим вас инженерами.

Лёгкость, с какой нас предложили принять на работу в качестве инженеров, породила в нас некоторое нахальство, и мы поинтересовались:

– А на должности старших инженеров мы могли бы претендовать?

– Конечно, можем зачислить вас и старшими инженерами.

Предваряя наши дальнейшие расспросы, он продолжил:

– Я вас могу зачислить ведущими инженерами, главными инженерами проекта, – тут он повернулся в сторону начальника отдела кадров, – да, Виктор Сергеевич? – начальник

отдела кадров утвердительно кивнул. – У меня штатное расписание в деньгах верстается, а не в должностях. Что захотите, то и впишем вам в трудовые при оформлении. А вот зарплату вам больше девяноста рублей не смогу дать.

Мы попрощались и продолжили свои поиски. Не найдя ничего подходящего поблизости, решили поискать где-нибудь рядом с Технилищем. Посетив несколько близлежащих предприятий, нашли искомое – в технологический отдел Московского электромеханического завода «Новь» требовались конструкторы и нас готовы были принять на должности инженеров-конструкторов с окладом в сто десять рублей, при этом наш ежемесячный заработок с учётом квартальной премии должен был составлять сто сорок три рубля. Двадцать шесть рублей – это была весомая по тем временам прибавка к зарплате, я стал бы пополнять наш семейный бюджет больше на двадцать два процента. Меня ещё как-то грело то, что в трудовой книжке у тебя появится запись «инженер-конструктор», при потенциальной возможности перехода в другое место позиция, на которую ты претендовал, была ясна – инженер. Потом, мне было очень приятно ощущать себя инженером.

Ясочка моя тогда, если находилась у ней свободная минутка от домашних хлопот или работы на здравпункте, вязала зимние женские шапочки. Заказчиц находила тёща, она работала в Гознаке, дамы покупали пятьдесят граммов мохера – тогда он был в большой моде, – называли свой размер,

платили поначалу пять, а впоследствии десять рублей и получали чудесную зимнюю шапочку с тёплой подкладкой из ватина.

Людочка, надо сказать, если увлекалась каким-нибудь занятием, достигала в этом деле хороших результатов. Как-то она решила освоить индивидуальный пошив, чему-то обучилась сама, что-то узнала на курсах, которые проводила на дому какая-то очень известная портниха, но научилась и раскроить по своей фигуре ткань, и сшить из неё платье или костюм так, что не специалист с трудом мог понять, самошрок это или фирменная вещь. Как-то раз мы стояли в очереди, за чем, не помню, в те годы стояние в очередях было делом непреложным – тотальный дефицит, на ней был очень красивый летний костюм, который она сшила из белой плотной ткани, причём сшит так, как шьют джинсовые вещи, – двойным параллельным швом. Стоящая за нами пара потихоньку обсуждала, фирменный это костюм или нет, муж утверждал, что вещь фабричная:

– Видишь, как швы идут параллельно, нигде не разбегаются, вручную так не сошьёшь.

Жена долго искала подвох и нашла:

– Нет, на фабрике шью на специальных машинах, там стежки совпадают правый с левым, а здесь в разбежку идут, но как классно пошито, с полуметра уже ни отличишь.

Вот такая у меня жена мастерица.

Не скажу, что у нас с моей Марьей-искусницей всегда бы-

ла в отношениях сплошная тишь да гладь, отнюдь, до сих пор бывают такие грозы и бури – только берегись.

Первая наша серьёзная ссора произошла, когда Михе было с полгода, из-за чего – кто помнит? Устали и разругались вдрызг, Людмиле стало понятно – дальнейшая совместная жизнь невозможна. Собрала свои вещички в маленький чемоданчик, взяла Миньку и пошла к родителям, я как порядочный человек проводил её до трамвая. Нести сына или чемодан не помогал, как-то получилось бы, что я выпроваживаю жену с сыном и на радости несущего чемодан. Проводил, позвонил Мишке Смирнову, он тогда ещё был не женат, встретились и загудели так, что чертям, наверное, было тошно. Днём трудился, вечером пил, и так два дня. На учёбу забил, а в субботу пошёл навестить сына, а как же, сын ведь у меня. Дрызги наши – это наши разборки, но у меня, извиняйте, сын, и что бы ни произошло, я всегда буду рядом с ним. Так вот, взяв пакет апельсинов, я заявился к теще. Дверь открыла Людмила, выслушав цель визита, провела меня на кухню, принесла Мишутку. Я потетёшкался с ним, когда пришло время его кормить, она подошла ко мне его забрать, а я, вдруг почувствовав непреодолимое желание обнять её, обнял и посадил на колени. Милка сделала вид, что хочет вырваться, но вырывалась не очень энергично, чтобы я в самом деле её не отпустил. Поцеловались, она собрала свой чемоданчик, я взял его, посадил на другую руку сына, и мы пошли домой.

Через полгода история повторилась под копирку. Помнится, когда мы вышли из арки нашего дома, какой-то мелкий кавказец, увидев молодую женщину, весь облик которой выражает неизбывное горе, прущую в одной руке ребёнка, а в другой – чемодан, и шаркающего рядом мордатого охламона с кислой рожей, произнёс:

– А Вы не джентльмен.

Услышав в этот трагический момент, когда рушилась моя семья, когда я прощался навсегда с женщиной, которая была мне очень дорога, когда мой единственный сын отдаляется от меня, эту муть, я первым делом захотел зарядить ему в глаз, но сдержался, поскольку понял, что испугается сын, что этим я разрушу весь высокий пафос разлуки, и проследовал мимо этого горного козла, высоко неся голову и физиономию с трагичной, а никак не кислой миной.

Далее всё повторилось, хотя за это время Мишка Смирнов успел жениться, но не поддержать друга в драматичные моменты его жизни он не мог, в общем, пробухали с ним пару дней.

В субботу всё как положено – апельсины, встреча с сыном, поцелуи на тещиной кухне, а потом возвращение домой с сыном на одной руке и чемоданом в другой.

В третий раз после нашей ссоры Людмила в очередной раз решила покинуть мужа-подлеца и приступила к сбору вещей и складыванию их в чемодан, я стоял рядом, печально наблюдая, как моя семья снова сползает в пропасть, а в моз-

гах прокручивалась картинка, как она несёт сына и чемодан, как я весело провожу время с Мишкой, как прихожу навещать сына, как мы идём назад, уже несущую свою кровиночку и прю этот клятый чемодан. И, задумавшись без мыслительно-го участия, мой организм произнёс:

– Мил! Ну ты хоть чемодан с собой не бери, чего его-то туда-сюда таскать-то?

Тут эта зараза расхохоталась, отшвырнула в сторону свои тряпки и полезла ко мне целоваться. Мало того, последние пятьдесят лет никуда не уходит, а уж как только ни ссорились. Нет, ну нормальный человек? Ну, хотя бы дня на три, я ж с Мишкой сто лет не виделся, так нет – и не собирается.

На работе заявления на увольнение мы подали в один день, Пал Иваныч долго увещевал, что из нас в отделе сделали вполне приличных конструкторов, а мы, неблагодарные, бросаем его в самые напряжённые минуты, как-никак, конец года. С первой частью мы соглашались, особенно я, действительно, два года работы в отделе изменили наши мозги и вложили в них начальные знания о технологии листовой штамповки, конструкциях штамповой оснастки, средствах механизации и прочее, но мы полагали, что какая-то и наша заслуга была в этом, и хотелось бы, чтобы она была отмечена не только словесно. Но на увеличение, даже самое небольшое, нашего содержания начальник не соглашался, ссылаясь на нашу ещё не достаточную квалификацию, отсутствие ста-

вок, отсутствие финансов и отсутствие совести у нас. В ходе беседы Пал Иваныч поинтересовался:

– Ну и какую зарплату вам предложили?

– Сто десять рублей и премия как у нас.

– Ну, премия то ли будет, то ли нет.

– Так и у нас так же.

– Ну, мы-то всегда платим, есть план – есть премия.

– Так и у них есть план – есть премия, а когда плана нет,

меняют руководство.

Разговор на тему смены руководства явно Пал Иванычу не понравился, и он переменял тему:

– Ну и чего вы из-за двадцатки место будете менять? Да хлопот больше, чем денег.

Такой разговор не понравился уже Саньке, он насупился, исподлобья поглядел на нашего молодого начальника и произнёс:

– А скостерить с Вас двадцатку – поди, не обрадуетесь.

Меня стал разбирать смех, я понял, что, если сейчас наша беседа не прекратится, начну ржать как жеребец, но Пал Иванычу такой оборот не понравился, он подмахнул наши заявления, заставив отработать положенный по закону месяц.

Куда деваться – отработали, а попрощались нормально, мужик он был хороший и как начальник мне нравился. Через тринадцать лет, когда я стал начальником аналогичного отдела, он был директором ВПТИ Тяжмаш и выручил меня,

помог спасти план в моём отделе, который завалил предыдущий его начальник.

В начале последней декады декабря семьдесят первого года я приступил к работе в техотделе завода «Новь». Завод являлся структурным подразделением большого научно-производственного объединения, преимущественно занимавшегося оборонной тематикой.

Отработали неделю, а тут и новый 1972 год подкатил, через неделю я принёс справку на экзаменационный отпуск и убыл на сдачу экзаменов.

За время учёбы в институте я сменил три места работы, справки эти, как правило, радости у моих руководителей не вызывали, но и ни разу не было никаких проблем – *dura lex sed lex*.

В отделе работало человек шестьдесят, из них примерно двадцать конструкторов, технологи-литейщики, технологи-сварщики, технологи по переработке пластмасс и по бог знает чему, ну и, конечно, нормировщики и три-четыре металлодевки, так в промышленности называли металлосварщиков – как правило, металлосварщицами были женщины.

Были небольшие отличия в организации самого процесса проектирования: в ВПТИ мы чертили на ватмане, с ватмана в отделе копирования делали копии на кальке, с которых затем печатали чертежи. На заводе мы чертили на прозрачной кальке, с которой сразу делали чертежи. Не знаю, из каких соображений, может быть, из экономии, не нужен был про-

межуточный этап калькирования, но для конструктора это не подарок, работать на ватмане лучше и для глаз, и тактильно.

Преимущественно проектировали штампы для изготовления элементов электрических контактов приборов и соединений. У оснастки этой была своя специфика – малые размеры, но в целом больших проблем при проектировании это не вызывало. Проблемы возникли месяца через три, когда штампы мои пошли в изготовление.

В Тяжмаше всё, что мы проектировали, проходило жёсткий контроль, контролёр проверял за нами каждый размер, каждый допуск, пересчитывал технологию, смотрел правильность выбора материала отдельных деталей, чистоту их обработки, назначенную твёрдость поверхностей, и если огрехов было много, вызывал нас и возил мордой по чертежам, чтобы у нас в мозгах что-нибудь откладывалось, а если огрехов было немного и они не имели принципиальный характер, не запариваясь, исправлял сам, даже не сообщая нам об этом. В итоге мы были озабочены тем, чтобы не делать ошибки, но... сказать по совести, не очень заморачивались, знали, что тыл надёжно прикрыт.

Но на заводе контролёров этих не было вообще. Когда меня вызвали первый раз в цех, я шёл с лёгкой душой: что там могли предъявить эти чахлые слесаришки такому большому конструктору? В цехе меня ждала приятная неожиданность: я увидел своего одноклассника Борю Илькина, стоящего в

группе поджидающих меня слесарей. Улыбаясь, он протянул мне руку:

– Здорово, а я смотрю на чертежах – А. Рейн, думаю, неужто ты? Точно ты. Давно ты к нам в техотдел устроился?

– Да месяца три уже.

– Ну, хорошо. Знакомьтесь, мужики, однокашник мой, в институте учимся вместе.

Познакомились, стали разбираться с причиной вызова, глянув, я охренел, если не сказать хуже, – накосячил я дико. Верхняя и нижняя плиты штампа, в котором надо было штамповать деталь, изображённую на чертеже, были изготовлены, но отштамповать её в этом штампе было невозможно. Как я такое нарисовал, я сам понять не мог. Деталь была довольно габаритной относительно тех, на какие мне приходилось проектировать оснастку в последнее время, при штамповке её заготовку надо было несколько раз переместить в штампе, каждый раз позиционируя на упоры, да вот только плиту я по привычке взял очень маленькую и разместить их было на ней негде. Немного покумекав, я понял, что положение, в которое я угодил благодаря собственному наплевательскому отношению, не критично, всё можно было исправить малыми силами: надо прикрепить к плите штампа кронштейн, по которому можно будет перемещать заготовку, и при этом на нём же разместить необходимые упоры. Сообразив это, я сказал:

– Да ерунда, сейчас всё исправлю, – и объяснил, что я

предполагаю сделать.

Но всё оказалось сложнее, чем я предполагал, и один из мужиков это растолковал:

– Да, это ты толково придумал, только быстро не выйдет и не так просто.

– А почему?

– Да порядок у нас такой. Штамп уже практически готов, чтобы внести исправления, надо его частично разобрать, это, по сути, пустяки, но по действующему порядку техотдел должен отозвать чертежи, чтобы внести исправления, а это значит, что в чертежах ошибка. Дело не только в тебе, так-то с тебя резанули бы квартальную, может быть, даже не целиком, но чертежи-то отдел пропустил, оснастка ушла в изготовление с ошибкой, а это уже весь отдел накажут, у нас же соцсоревнование между подразделениями, тебе житья в отделе полгода не будет, бабы ваши тебя разжуют и выплюнут.

Вот тут-то я понял, что игрушки кончились, большому советскому конструктору скоро ввалит ума через задние ворота – поделом вору и мука, но то, что я подставляю отдел, только начав работать, прибило меня напрочь. В разговор включился Борька:

– Ладно, мужики, это всё ж кореш мой, давайте сделаем так: я с мастером договарюсь – штамп себе возьму в работу. Ты, Алек, дуй в отдел, быстренько нарисуй всё, что надо изготовить и доработать, по-тихому, никому не сообщая, доработаем и сдадим. Сверять-то кто его будет? – повернувшись

ко мне, он произнёс: – Ну что стоишь? Мухой в отдел.

Я метнулся в отдел, нарисовал все детали кронштейна, которые надо было изготовить дополнительно, и необходимые доработки в изготовленном штампе и на следующий день отнёс всё Борису. Борька глянул и сказал:

– Слушай, фрезеровщику надо будет пузырь поставить, если б не спешить, я б и так договорился, но за скорость, и чтобы лишних вопросов не задавал, сам понимаешь, придётся подкинуть.

– Борь о чём speech, держи трояк и с мужиками переговори, скажи: хочу проставиться.

– Да это ни к чему, я ж вчера обо всём с ними договорился.

– Так не только в этом дело, в отделе одни бабы – начал работать, а проставляться некому. Это ж непорядок, нарушение традиций.

– А, ты в этом смысле, ну, тогда мужики поддержат. Но это где-то через месяцок, не раньше, я тебе скажу, когда надо будет.

Через пару дней штамп был приведён в работоспособное состояние, а я с того дня стал тщательно по окончании проектирования проверять то, что я напроектировал. Ошибки всё равно проскальзывали, но таких чудовищных ляпов больше не было.

Начальником отдела был мужик спокойный, немногословный, голокаменного вида с фамилией то ли Булатов, то ли Сталев, с которым за недолгое время работы я говорил

раз пять, из них два раза при приёме и при увольнении.

Руководитель конструкторской группы, наш непосредственный начальник, была женщиной лет пятидесяти, она немного разбиралась в конструкторской работе – ей явно довелось постоять за кульманом, но было это давно, поначалу она приглядывала за нами, давала какие-то советы, они были вполне разумны и полезны. Касались они, как правило, каких-нибудь внутризаводских требований при изготовлении оснастки. На заводе были завышенные требования по точности изготовления инструмента, иногда в этом не было смысла, поскольку это существенно удорожало стоимость изготовления, но заводчане стояли горой – а как же, мы ж почтовый ящик. Мы быстро привыкли к этому, да не вопрос – любой каприз за ваши деньги. Начальница наша когда-то окончила высшую профсоюзную школу и была крупным профсоюзным боссом, но, может, возраст вышел или запал пропал – заканчивала карьеру на заводе. Так вот, она откуда-то узнала, что у меня был ляп в чертежах и я смог по-тихому, без шума, не привлекая ни внимания руководства, ни само руководство, всё уладить, подозвала меня к себе и шепнула:

– Алек, какой Вы, оказывается, молодец – так суметь закрыть вопрос, быстро, конкретно, без шума. Как Вам это удалось?

– Так я пять лет слесарем проработал, мне в цехе общий язык найти несложно.

– Ах, да, я же знакомилась с Вашей анкетой, а Вы поопыт-

нее, чем выглядите, мы с Вами сработаемся.

Человек она была не зловредный и к нам относилась хорошо. Нам с Сашкой она тоже была симпатична, хихикали иногда между собой, когда она пыталась что-нибудь растолковать нам о технологии штамповки, но беззлобно.

Поскольку лиц мужского пола в отделе было девять человек, а женщин было более пятидесяти, празднование 8-го Марта на производстве было для нас проблемой, суть которой заключалась в следующем: как умудриться подарить каждой женщине какой-нибудь малюсенький сувенирчик и не остаться при этом без штанов? Штаб возглавил лично начальник отдела, который принял мудрое решение: Алек и Алексей – был такой конструктор у нас в группе – подготовят предложения и доложат. Лимит – максимум по трём на нос, не больше. Мы помозговали и предложили подарить каждой по микроскопическому сувениру: кому-то подушечку для булавок, кому-то точилку для карандашей, кому-то просто карандаш Koh-i-Noor, для конструктора в те годы это был хороший подарок, в бюджет, конечно, не уложились, но начальник концепцию одобрил, поскольку ему понравилось то, что каждая женщина получит индивидуальный подарок, а небольшой дефицит он договорился покрыть из профсоюзной кассы. На цветы мы даже не замахивались – бюджет трещал по швам – и подарили один букет на всех. Всё получилось, дамы наши в большинстве были довольны, ожились, разглядывая свои сувениры, хвастались друг перед

другом, но женщины есть женщины – были и недовольные. Недовольные как раз нашей концепцией – каждой женщине индивидуальный подарок, в чужих руках, как известно, всегда хрен толще – кое-кому показалось, что подарки у товаров лучше, чем у неё, а одна технолог рыдала, уткнувшись лицом в бумаги. Мы с Лёхой осторожно разузнали у нашей начальницы:

– Что произошло, почему она рыдает?

Начальница наша, с трудом сдерживая смех, рассказала:

– Вы же, негодяи, ей подушечку подарили для иголок.

– Так мы пятнадцать подушечек для иголок подарили, что ж остальные не ревут?

– Вы же всем разные дарили?

– Да, мы думали, так интереснее.

– Думали они. Ей же вы подарили подушечку в виде галоши, с мягкой стелькой в виде подушечки?

– Возможно, и что?

– То, что она решила, что этим вы этим намекнули ей, что в прошлом квартале она в галошу села с расчётом техпроцесса.

Вот тут-то мы поняли, что нам до понимания нюансов женской психологии идти и идти и вряд ли доберёмся.

Был у нас ещё один начальник, не наш непосредственный, но по работе нам частенько приходилось с ним взаимодействовать – главный технолог. Сухощавый, как мне тогда казалось, старик лет пятидесяти.

Дедок этот весной подошёл ко мне и поинтересовался:

– Слушай, ты не хочешь у меня на даче поработать?

Я по простоте своей решил, что меня приглашают на дачу отдохнуть, ну, как коллега коллегу, задумался: что я там буду делать? Мы практически незнакомы, у него и дети-то старше меня, о чём нам говорить-то с ним, и ответил, чтобы не обидеть:

– Нет, знаете, занят, никак не смогу.

Технолог наш отошёл, не подав вида: доволен или не доволен он моим ответом.

Через месяц один из пацанов-технологов в курилке проболтался, что он работает на даче у главного технолога по выходным. Я поинтересовался:

– Вы что, родственники, что ли?

– Да нет.

– А он что, тебе платит?

– Нет, обедом кормит.

– А сколько же ты работаешь?

– Часов восемь, бывает побольше.

– А на хрен тебе это надо?

– Ну, начальник всё же, попросил, неудобно было отказать, потом, он в возрасте.

Тут я понял, что меня приглашали не в гости, хорошо, что я немного туповат, а то бы я ответил как-то иначе, нажил врага в лице главного технолога. Впрочем, я его нажил, но чуть позже.

В начале лета Борька сказал, что они с мужиками собираются на футбол и если я хочу, то могу я могу к ним присоединиться. Это была хорошая идея, это был небольшой стадиончик – не помню адреса, было солнечно, на поле играли в футбол мальчишки лет по пятнадцать-шестнадцать, хорошо играли. Зрителями были в основном мужики, сидящие небольшими группами, наша группа была многочисленной, сели в два ряда, кто пониже, кто повыше, смотрели на игру, немного выпивали – я проставился и у мужиков с собой было, хорошо отдохнули.

На лето мы с Милкиными родителями сняли в Подмоскowie дачу – две комнаты из трёх в небольшом домике. Дом сдавался без мебели, пришлось отвезти свой диван, чтобы было где притулиться, стояла страшная жара. На работе ходили в заводской душ, стояли под ледяной водой, приняв душ, работали минут сорок и шли снова. Горели торфяники Подмоскovie, город заволокло сизой мглой, дышать было невозможно. Начальство махнуло на всё рукой, не до плана, дотянуть бы до сентябрьских дождей. Ездили купаться в бассейн «Москва», лучше не становилось – пока сидишь в воде, всё ничего, вылез из воды – и через пять минут хочется обратно.

Работать нормально начали в сентябре, тогда у меня возник первый конфликт с главным технологом. Меня вызвали в цех – на штампе, спроектированном мной, не проходила

операция, стояла куча народа, главный технолог, наблюдая, как работяги пытаются разобраться с причиной брака, витийствовал, объясняя происходящее низкой квалификацией конструктора – сиречь меня, то есть, ничтоже сумняшеся, заявил:

– Понабирают на работу всякое говно, вот они вам говна и напроектировали.

Слова его я услышал, подходя к группе, произнёс он их, меня не видя, и я сделал вид, что ничего не расслышал, не драться же со стариком. Взяв чертёж, буркнул:

– Через десять минут приду, – пошёл в отдел и убедился, что с моей стороны ошибки нет. Стал разбираться и нашёл причину: оказалось, что при проектировании технологического процесса ошиблись технологи, рассчитав неправильно параметры первого перехода штамповки. Конструктор, проектировавший штамп первого перехода, который, кстати, был в приятельских отношениях с главным технологом, не проверил правильность расчётов технологов и вдобавок ко всему ошибся сам. Собрав всю доказуху, я снова явился в цех, где к толпе обсуждающих добавились ещё и лекальщики, включая моего друга Борьку, которого недавно сделали мастером инструментального цеха, показав техпроцесс и чертёж штампа первого перехода, объяснил, откуда взялась ошибка, кто виноват и что надо предпринять. Уходя, вспомнил и процитировал поговорку:

– Не тот глуп, кто на слова скуп, а тот глуп, кто на дело

туп.

Народ заулыбался, технолог наш стиснул зубы, смекнув, что, поскольку первично виновата технологическая группа, лучше помалкивать и попытаться разрулить всё по-тихому.

Ближе к концу сентября начальник подозвал к своему столу меня с Санькой, причина была проста: нас Санькой попытались заслать в колхоз. Санька с широкой улыбкой сразу заявил, что он бы рад и даже готов, но тяжёлое состояние здоровья не позволяет отправиться, а справочку он завтра-послезавтра предоставит. Причину его радости я знал – намерении он рассказал, что у его жены появилась подруга – их районный врач-терапевт (Санёк с женой жили в Подмосковье) – и, будучи у них в гостях, она обещала им в случае надобности больничный или нужную любую справку. Сидящий рядом с начальником главный технолог радостно сказал мне:

– Олег, придётся ехать тебе, это ненадолго, всего на месяц.

– Извините, я учащийся вечернего отделения вуза, поехать не смогу.

– Ничего страшного, всего-то месяцок поработаешь, догонишь, ты парень толковый.

– Спасибо за лестную оценку, но поехать не смогу, кстати, на вполне законных основаниях.

– На каких?

– А Вы юристу заводскому позвоните, он Вам всё растолкует.

Начальник отдела сидел, молча наблюдая за нашей пики-

ровкой, настырный наш главный технолог, полистав заводскую телефонную книжку, набрал номер и поинтересовался:

– Скажите, у нас в отделе студент-вечерник отказывается на картошку ехать, мы можем его заставить?

Выслушав ответ, помрачнел и, положив телефонную трубку, произнёс:

– Говорит, нельзя.

Начальник отдела, равнодушно выслушав ответ, произнёс:

– Алек, иди работай.

Надо сказать, что проектировать нам приходилось не только штамповую оснастку, месяца через три наша руководительница вручила мне чертёж пластмассовой детали, предложила спроектировать пресс-форму для её изготовления. Выслушав мой ответ, что я ничего не понимаю ни в пластмассах, ни в технологиях их переработки, ответила:

– Научим, не сложнее штамповки.

И научили, был у нас в группе толковый специалист по этим вопросам, который растолковал нам с Сашкой, что такое термопластичная и термореактивная пластмассы, как они себя ведут при прессовании, какое применяется оборудование для прессования, нюансы технологии и технологической оснастки и так далее. Через пару недель мы уже проектировали оснастку, через три месяца ощущали себя асами в этой области.

Потом мне пришлось проектировать пресс-формы для литья под давлением, разобрался, и пресс-формы мои хвалили в цехе, но когда мне дали задание спроектировать электроразмыкатель – устройство, что-то вроде огромного электровыключателя, для токов больших величин, я попытался отползти, стал объяснять, что это край, что в электротехнике я ноль, но мне резонно возразили: ты же инженер.

Нарисовал чего-то, ходил смотреть на стенд, как работает. Впечатлило. Всё происходило за толстенным, в сантиметров десять, стеклом. Между размыкаемыми поверхностями при увеличении энергии возникала дуга, спецы каким-то образом замеряли, через сколько, при каких параметрах тока.

Для себя понял – это ну совсем уж не моё.

Площадь помещения нашего отдела была недостаточна для того количества людей, которое там работало, сидели мы тесновато. Кульманы конструкторской группы от столов технологов отделяли наши столы, прохода не было. Нам-то с Санькой было наплевать, а девушки из технологической группы страдали, посплетничать было невозможно, поэтому, когда им было невмозготу как нужно потрепаться, они умоляющими голосочками уговаривали нас:

- Ребята, вы б сходили, что ли, покурить.
- Да мы не курим.
- Господи, да как же вас спровадить-то.
- Да трещите уже, мы вас не слушаем.

– Да вам нельзя про это знать.

– Так сами выйдите.

– Ага, у вас, конструкторов, начальница – душка, а у нас Василь Горыныч – козёл, нас наказывает.

Горынычем технологи звали своего начальника – главного технолога.

Иногда шли навстречу, выходили продышаться, иногда шли в цех, вопросы при изготовлении оснастки возникали регулярно, но по большей части оставались на месте – работать надо, а не болтаться по заводу. Поэтому воленс-неволенс мы были в курсе всех сплетен и историй отдела.

Одна история меня изрядно поразила. Одна из наших молодых девиц одновременно встречалась с двумя пацанами, вся женская половина отдела и по неволе мужская, чьи кулманы стояли вдоль столов технологической, были в курсе. История довольно тривиальная, развитие её привело к тому, что ей примерно одновременно оба кавалера сделали предложение. Девица наша никак не могла определиться: кто должен стать её избранником, за кого ей выходить замуж. Один парень учился в военном училище, вот-вот должен был выпускаться офицером, второй без высшего образования, но хорошо зарабатывал, из старой московской семьи, весьма состоятельной по шаблонам того времени: квартира, дача, машина. Но надо было что-то решать, и она дала согласие обоим, два кавалера стали готовиться к свадьбе, были назначены две регистрации в двух московских загсах.

Всё женское население сошлось в жестокой схватке – за кого выходим замуж. Отдел бурлил, мы с Санькой ухахатывались, Горыныч активно включился в дебаты, плавал во всех этих сплетнях. Свадьбы должны были состояться с разницей в неделю, невеста наша решила за день до первой, которая была намечена на следующий день после получения офицерского звания одним из её кавалеров, вышла за него замуж и через пару дней улетела с ним по месту его службы. Это меня не очень удивило – всё бывает в жизни.

А удивило меня то, с каким сладострастием одна не шибко молодая из наших сотрудниц выговорила второму, разыскивающему свою вдруг пропавшую невесту, с которой ему идти через несколько дней под венец, и, увы, не состоявшемуся жениху, по телефону:

– А Юля больше у нас не работает, она вышла замуж и улетела с мужем на место его службы.

По её возбуждённому радостному лицу было видно, что это самое счастливое событие в её жизни. Интересно, что у половины женщин в отделе тоже были лица победитель. Взглянув на моё удивлённое лицо, она спросила что-то неопределённое, вроде того:

– А Вам как?

– А Вам?

– Молодец девка, так толково разобралась.

– А по мне, так парню больше повезло.

– Да уж, такую красавицу в часть повёз.

– Нет, я полагаю, что тому, с которым Вы говорили, повезло больше.

– А ему-то с чего вдруг?

– Не женился на такой суке.

К концу года я заскучал, стало понятно, что профессионально, как будущему специалисту по обработке давлением, мне здесь делать нечего – нет здесь технологических проблем для моей профессии, а специалистом можно стать, только решая их.

В это время мне попались в руки РТМ (руководящие технические материалы), выпущенные ведущим институтом автомобильной промышленности НИИТавтопром, и я задумался: автомобильная промышленность СССР в те годы была на подъёме: только, что запустили ВАЗ, строился КАМАЗ, вот уж где должны быть проблемы, там-то наверняка будет интересно поработать.

Толчком к принятию решения о переходе на работу в какую-нибудь организацию, в которой технологии, которые я должен начать изучать в вузе, широко применяются, послужила очередная небольшая стычка с Горынычем.

Я стоял за кульманом, что-то проектировал, справа от меня о чём-то шептались две металлодевки, к ним подошёл Горыныч и стал, ничтоже сумняшеся, лить грязь на Саньку, излагая какие-то свои домыслы, Сашки на работе не было – приболел. Я повернул голову и посмотрел на него, чтобы он

видел, что я слышу, что тут из него льётся. Технолог наш главный, увидев, что я внимательно внимаю его речам, вдруг обратился ко мне:

– Ну, ведь ты согласен с тем, что говорю?

– Нет, я считаю, что всё, о чём Вы говорите, присуще исключительно Вам.

Услышав, что я сказал нашему технологическому вождю, металлодевки, чтобы не попасть под замес, свинтились, оставив нас вдвоём, но Горыныч что-то вдруг потерял полемический задор и сказал:

– А от тебя я всю жизнь слышу одни грубости и оскорбления, – развернулся и утёк вслед за металловедками.

Тут он соврал: спорил я с ним частенько, поскольку он любил с апломбом порассуждать о технологии, зачастую не понимая её толком, но грубого слова не сказал ни разу ни в лицо, ни заглазно.

Надвигался новый год, а мы с Сашкой, поразмышляв, что будем предпринимать дальше, решили увольняться, опыт был интересным для обоих, но задерживаться тут надолго ни он, ни я не видели смысла, но дальше наши пути разошлись: я предполагал поискать счастья в НИИТавтопроме, а Сашка решил поискать где-нибудь поближе к дому, мотаться каждый раз из загорода было непросто, а он следующей весной уже заканчивал вуз и имело смысл искать работу поближе к дому.

Разыскав реквизиты НИИТавтопрома, я звякнул в отдел

кадров и попросил телефон конструкторского отдела холодной листовой штамповки (КОХЛШ). Позвонил в отдел, попросил непосредственно начальника отдела и сказал ему, что хочу переговорить относительно возможности работы в его отделе, он ответил: «Приезжайте, поговорим». Что я и сделал.

Начальником отдела был Скворцов Григорий Дмитриевич – известный специалист в области листовой штамповки, мужчина лет пятидесяти пяти, основательный, спокойный, вдумчивый. Усадив меня напротив, сказал:

– Рассказывайте.

Я рассказал, где работал, где учусь, о том, что, увидев РТМ, разработанные в его отделе, захотел поработать в группе, занимающейся механизацией и автоматизацией процессов штамповки. Выслушав меня, Григорий Дмитриевич сказал:

– Мы Вас возьмём инженером-конструктором 2-й категории с окладом сто тридцать рублей. Вам ведь деньги не нужны.

Всю фразу он произнёс в утвердительном наклонении, что меня чуть удивило – где найдёшь молодого человека, которому не нужны деньги? И я ответил:

– Я женат, у меня маленький ребёнок.

– Хорошо, сто сорок рублей, больше не смогу.

– Меня это устроит, я подаю заявление на увольнение?

Меня, скорее всего, заставят месяц отработать, да и самому

нужно, уходя, всё в порядок привести.

– Понимаю Вас, можете не волноваться, мы обо всём договорились, будем Вас ждать.

Я встал, Григорий Дмитриевич тоже, пожали друг другу руки.

На следующий день мы с Сашкой подали заявления об увольнении, начальник отдела поинтересовался причиной ухода, мы объяснили, как есть: Сашке нужно поближе к дому, а мне нужна работа, более тесно связанная со штамповочным производством. Начальник удовлетворился ответами, но месяц заставил отработать.

Горыныч ходил по отделу и всем рассказывал, что он нас всему обучил, а мы, неблагодарные, уходим, спасибо не сказав. А мы такие.

Новый год отмечали дома, в семейном кругу.

Практически сразу после Нового года я ушёл в отпуск, сдав экзамены, доработал положенные дни до увольнения, мы с Санькой тепло попрощались с коллегами, с нашей начальницей и начальником отдела и в семь часов утра первого понедельника февраля 1973 года уже стоял за кульманом на Бережковской набережной.

Логистически месторасположение моей новой работы было мне необычайно удобно, всё было в масть. Я добирался до работы за тридцать пять минут и так же с работы до учёбы. Рабочий день у нас начинался непривычно рано – в семь

часов утра, но он и заканчивался без пятнадцати четыре, у меня появились целых два часа времени для работы над домашними заданиями и курсовыми проектами, причём курсовые я мог выполнять на профессиональном кульмане, а не корпеть дома за чахлым пантографом и бугристой, списанной чертёжной доской.

Были минусы – дома меня видели только в субботу, воскресенье и половину среды, но что ж поделать, я возвращал долги себе за бесцельно проведённую юность, должая время у жены и сына в надежде когда-нибудь заслужить их прощение.

По субботам, если позволяли дела, Людмила позволяла мне днём подремать, а я любил забрать с собой Миньку, который использовал мой голый торс как площадку для игр, возил по мне машинки, собирал какие-то устройства из железного конструктора или, выдёргивая волосы у меня из груди, пытаясь с помощью слюны прирастить их к собственной. Он к двум годам стал крепеньким, подвижным, весёлым и озорным малышом.

Первой работой, которую мне поручили в отделе, было привести в порядок валковую подачу, ранее спроектированную в отделе, изготовленную и установленную на заводе. Валковая подача – это устройство, пошагово подающее в рабочую зону штампа металлическую ленту или длинные металлические листы. У подачи, которую поручили мне доработать, было две проблемы: первая – никак не могли настро-

ить точность шага подачи, вторая – в валковую подачу были встроены механические ножницы, отрезающие край полосы. Длина поступающей в подачу ленты или полосы, как правило, бывает не кратна шагу подачи, и последний кусок иногда застревал, упираясь в неподвижный нож механических ножниц, расположенный за подвижным, по ходу подачи заготовок. То есть на краю устройства.

Прорисовав различные варианты расположения концевой заготовки, я с ходу предложил перепроектировать и доработать конструкцию подачи, встроив в неё перед ножницами откидной лоток, чтобы просто сбрасывать последний кусок заготовки, используя в качестве датчика конечный выключатель. Начертив всё предлагаемое, я, восхитившись своим гениальным конструкторским даром, пригласил двух этих неудачников: своего непосредственного руководителя Гарри Моисеевича Минкова и нашего ГИПа³ Розена Георгия Михайловича, чтобы они поняли, какая конструкторская сила и мощь вплыла в их тихое болото.

Триумф мой длился недолго, ровно столько времени, сколько им понадобилось дойти ко мне со своих рабочих мест. Картинка моя как упражнение ума им понравилась, но работоспособность конструкции была подвергнута жёсткой критике: я не учёл, что полоса идёт с пробитыми в ней отверстиями и датчик наличия полосы, который я предлагал поставить, попадая в эти отверстия, будет каждый раз давать

³ ГИП – главный инженер проекта.

команду на срабатывание откидного лотка, вследствие чего лоток будет хлопать как дверь в метро в час пик. Кроме того, каждую последнюю деталь в полосе придётся или выбрасывать, или дорабатывать отдельно, поскольку длина её будет всегда будет отличаться от требуемой. Провозившись неделю с этой проблемой, я понял, что конструктор я никакой, всё пропало, надо заниматься тем, что мне по силам – возвращаться в слесаря, но Гарри Моисеевич, видя, что я совсем приуныл, сказал:

– Ты чего так раскис, мы-то тоже с этой подачей накосячили, и ничего. Я узнал, что в НИИСельхозмаше на сходной подаче эту проблему решили. Мы составили письмо, они в рамках оказания технической помощи всё тебе покажут, вот тебе телефон, адрес, завтра поезжай.

Утром следующего дня я беседовал с начальником отдела обработки давлением НИИСельхозмаша, как известно, всё гениальное просто – они просто поменяли ножи местами. Подвижный нож поставили за неподвижным по ходу перемещения полосы, вот и всё, как у нас никто не догадался, и я в том числе, до сих пор ума не приложу. Надо сказать, что о такой установке мы подумывали, но при ней возрастает величина отходов и мы от неё отказались сразу. Но что ж поделаешь – иногда приходится выбирать. Скопировали мне чертежи, всё растолковали, были необычайно любезны – у них был свой интерес, не во мне, конечно, – в нашей фирме. Институт наш научно-исследовательский был головным

в автомобильной промышленности и мог продвинуть любую перспективную разработку, а у них таковая была – дисковые ножницы с профилированными дисками. Такие ножницы позволяли вырезать из обыкновенного листа или широкой полосы полосу с криволинейным профилем, чем достигалась экономия металла, но увы – разработка эта наших спеццов не заинтересовала.

На следующий день я с утра перепроектировал валковую подачу, раздеталировал узлы и стал разбираться с настройкой точности хода подачи. Валковые подачи листоштамповочных прессов приводятся в действие за счёт отбора мощности у ползуна пресса или со специального вала отбора мощности, то есть при движении ползуна вверх системой рычагов или с помощью зубчатой рейки и шестерёнки валки прижимаются к перемещаемой полосе и проворачиваются, обеспечивая перемещение полосы в штампе на нужное расстояние. Шаг перемещения для каждого вида механизма определён в его паспорте и легко настраивается, разброс шага перемещения возникает за счёт инерционности валков валковой подачи, что преодолевается применением ленточных тормозов. Точная настройка этих самых тормозов и являлась главной проблемой, а ключевым было определение момента инерции системы.

Но нам в Технилице только что в курсе ТММ⁴ начитали раздел графического интегрирования, который как раз

⁴ ТММ – теория машин и механизмов.

позволял быстро и достаточно точно определять моменты инерции тел. Я на листе двадцать четвёртого формата произвёл необходимые расчёты, рассчитал необходимые натяжения для ленточного тормоза, установленного на подаче, посмотрел, какие там стояли пружины, и стал составлять таблицу настройки тормоза – на сколько миллиметров нужно затянуть пружину тормоза для определённого угла поворота валка подачи – и услышал какое-то движение за спиной. Обернувшись, увидел Георгия Михайловича и Гарри Моисеевича, которые с изумлением рассматривали графики на приколотом листе. Розен, насупившись, спросил:

– Курсовой?

– Да нет, это графическое интегрирование. Скорость вращения через скорость ползуна посчитал, графически моменты инерции высчитал, необходимый момент трения ясен. Сижу, для заводчан табличку пишу, чтобы удобней было регулировать усилие прижима ленточного тормоза.

Гарри Моисеевич опасливо поинтересовался:

– А ты откуда всё это знаешь?

– Так Вы тоже знаете, это ж ТММ, 3-й курс, графическое интегрирование.

Миньков повернулся к Розену.

– Слушай, я не помню, нам что, тоже это читали?

Розен вздохнул.

– Ну, раз говорит, наверняка читали. Ладно, заканчивай.

Вскоре я попал в переделку, которая, как я думаю, заставила задуматься Григория Дмитриевича о том, на кой хрен он взял на работу этого типа, в смысле меня.

В 1973 году 23 февраля было днём праздничным – День Советской армии, но рабочим. По окончании рабочего дня, добравшись до района, где располагалось наше Технилице, я, как обычно, перекусил в пельменной на Фридриха Энгельса, дотопал до родного вуза, шарахаясь от вороньего бомбометания подле военно-исторического архива, сбросил свою одежонку в гардеробе, стоял, трепался с пацанами перед занятиями. Подвалил однокашник наш Лёнька Райский, весь растрёпанный, явно не в себе.

– Всё, заканчиваем, сегодня на занятия не идём.

– Чего вдруг?

– Странный вопрос, вы мужики или где? Всё ж таки 23-е февраля, это, в-третьих, у меня сын родился, это, во-вторых, а в-первых, я роды у жены сам принимал, это чего-нибудь стоит, мать вашу.

Это того стоило, и Леня, Борис Илькин, Володька Павлов, Рожков и я пошли искать пристанища. Решили пойти в КЗС⁵, оно же «Три коня» (на стене столовой было мозаичное изображение тройки), весьма популярное у студенчества, сотрудников, молодых преподавателей и местных алкашей место. В заведении было три зала, на первом этаже столовая и закусочная, на втором – кафе. С точки зрения кормёжки,

⁵ КЗС – кафе, закусочная, столовая.

разницы никакой не было – кухня общая, а вот с точки зрения подачи алкоголя и обслуживания – разница была. В кафе подавали алкоголь, и официантки закрывали глаза, если кто-нибудь втихаря откроет принесённую бутылочку, в зале закуской официантов не было, еду с раздачи надо было таскать самим, был буфет, где можно было взять портвейн или коньяк, но приносить и распивать возбранялось, а в столовой не разрешалось выпить рюмку коньяка, приобретённую в буфете соседнего зала. Дисциплина. А как же власть советскую без дисциплины хотите, нет уж, извините, лопайте, как дают.

Народа было – не протолкнуться, но в закуской компания как раз покидала столик, мы подсуетились и заняли местечко. Дым стоял коромыслом, народ отмечал день Советской армии всерьёз, в компании, сидевшей через пару столов от нас, один из гуляк упился так, что свалился со стула и лежал навзничь, загораживая половину прохода к раздаточному окну кухни. Впрочем, всем было не до него.

Затариваться не пришлось, Лёнчик уже обо всём позаботился, поэтому, заняв возделенный столик, оставили его стеречь место, часть отправилась за едой, часть приконвоировала уборщицу – чтобы по-быстрому навести порядок.

Сели за стол, Ленька рассказал о том, как он принимал роды у жены – скорая опоздала, и роды прошли без участия акушеров, но он справился: принял сына, шлёпнул по попе, чтобы он закричал, завернул его в простыню и отдал жене.

Пуповину не стал перерезать – дело незнакомое, без опыта решил не браться. Когда вышел послед, растерялся и, не зная, что с ним делать, выкинул его в унитаз, но воду спускать не стал.

Появившаяся через полтора часа после родов бригада скорой помощи одобрила все Лёнькины действия. Акушер, перерезая пуповину, заявил:

– Да ты, считай, готовый акушер, тебя хоть сейчас в бригаду к нам можно брать. У нас после медтехникума приходят – ничего не могут, а ты роды принял – и молодцом. А где послед?

Лёнька отвёл бригадира в сортир, акушер покрутил головой, извлёк послед из унитаза, промыл его под струёй воды в раковине, положил в специальную сумку, взяли сына, жену и уехали в роддом.

– Тут я и понял, что у меня ноги ходуном ходят, – произнёс Леонид. – Какая учёба, опять же сын родился двадцать третьего, ну как не отметить?

И отметили: выпили за удачные роды, за сына, за жену, за его новую профессию – акушер, за День Советской армии, да ещё много за что. Но ситуацию контролировали, все пустые бутылки Леонид складывал к себе в портфель, поэтому, когда в зале появились менты с дружинниками, мы сидели, поглядывая на всё происходящее с улыбками – улык-то нет. Бригада эта начала споро выводить из зала компании целиком. Принцип, по которому милиция забирала в те го-

ды людей в участок, всегда был один – человек должен самостоятельно перемещаться, быть чистым и желательно хорошо одетым. Почему именно так, понятно: если идёт сам, то не надо напрягаться, тащить на себе, если чистый – не испачкаешься, хорошо одет – значит, что-нибудь можно будет с него похлебать самому, а не выйдет самому, то потянет государство, например, штраф какой-нибудь. Поэтому, забирая компании сидящих за столами, они и не подумали подойти к группе, у которой один из «пассажиров» уже отдыхал на полу, просто, не запариваясь, перешагивали через него. Минут через пятнадцать, когда зал опустел наполовину, они подошли к нам и потребовали:

– Так, поднимаемся и все за нами.

– Куда?

– В автобус?

– А с какой стати?

– За распитие в неподобающем месте.

– Какое распитие, мы не пили. Докажите.

Тут один из этих грёбанных бригадмилейцев протиснулся к окну, отодвинул длиннющую, в пол, занавеску – и нашим глазам открылся ряд стоящих у батареи бутылок. Наши возмущённые вопли, что это не наша посуда, не возымели никакого действия, они и сами это знали, и им было наплевать. Они не собирались ничего доказывать, важно было набить автобус под завязку, отрапортовать и отправиться отмечать, всё ж таки мужской праздник как-никак.

Привезли нас не в отделение – в штаб комсомольского оперотряда, это славное племя продолжателей дела Лаврентия Палыча, работу которых курировали два скучающих милиционера, радостно потирая руки, сообщили нам, что на работу нам всем будут отправлены письма о нашем проступке, после чего записали наши данные и отправили нас по домам. Мы на прощанье вежливо посоветовали засунуть им копии этих писем себе куда-нибудь, где потемнее, и отправились восвояси.

Промаявшись на работе весь следующий день, я решил проконсультироваться с кем-нибудь из ребят относительно того, что мне следует предпринять, выбрал парня, который, как мне показалось, также как и я, вряд ли является образцом для подражания, подошёл, познакомились, звали его Володька Александров. Рассказал ему, что произошло и что ожидать, Вовка меня не порадовал, сказал, что из-за такого письма может пострадать не только отдел, а вся служба главного конструктора, то есть отделов семь или десять. Стало понятно, что нарыв надо вскрывать, и чем раньше я это сделаю, тем лучше, и, напустив на физиономию печальную мину, пошёл сдаваться к Скворцову.

Григорий Дмитриевич услышал такую не благостную весть, подпрыгнул на стуле и, махая рукой в направлении зала, закричал:

– Знать ничего не хочу, идите там, там кому-нибудь расскажите, идите к Нине Витальевне.

Изображая всей фигурой вселенскую скорбь, я поплёлся к рабочему месту нашего парторга – Нины Витальевны Шеремецинской. История, которую я поведал, ей явно не понравилась, но она, за что я ей бесконечно благодарен, не стала вскрывать мне мозги, объясняя, каков должен быть облик советского инженера, а, детально расспросив меня об обстоятельствах происшествия, пристально посмотрев на меня, сказала:

– Имей в виду: кварталку тебе точно не видать. Ладно, пойду в отдел кадров, надо будет попытаться письмо перехватить, а то вся служба из-за тебя пострадает.

Уж какая там кварталка, как бы с работы не вышибли, в НИИТавтопроме мне, признаться, нравилось.

Через пару недель в обеденный перерыв в отделе собрали комсомольское собрание, на котором мне поставили марксистко-ленинскую клизму правильного поведения в неслужебное время. Больше всего неистовствовал какой-то замшелый дед-ветеран, который ушёл на пенсию лет двадцать назад, но был председателем совета ветеранов института и участвовал во всех показательных порках. Таков был порядок, и я смиренно вынес положенную процедуру.

В конце квартала меня привели на ковёр к главному конструктору. Руководитель наш, выслушав мою историю, сказал:

– Понимаю, у друга сын родился, да ещё при таких обстоятельствах, не откажешься, но почему вы просто в ресторан

не пошли?

– Да нам это как-то не по карману.

– Что вам, в ресторан накладно по случаю праздника сходить?

– У меня зарплата сто сорок и жена не работает, сидит дома с маленьким ребёнком.

Полемика наша вызвала оживление среди сидящих членов комиссии, состоящей из профторгов и партторгов отделов, входящих в службу главного конструктора, кто-то его спросил:

– А Вы сами-то в ресторан частенько ходили в студенческие годы?

– Да какие рестораны, в общаге наварим картошки, селёдки купим, если деньги есть, а нет – так под солёные огурчики.

Тут про меня забыли, и все с воодушевлением стали вспоминать, как они проводили время в молодые годы. Первым спохватился, как и положено, главный конструктор и, чтобы закончить процедуру выволочки на правильной ноте, сказал:

– Ну, ладно, вот ты мне скажи. Скоро майские праздники, как ты собираешься их провести?

Было понятно, что все ждут от меня горячих заверений, что теперь-то я ни в жисть, никогда, ни грамма. Все поймут, что я вру, но всех это устроит. Скажешь, чего все ждут, и иди себе, вроде бы отмылся. В душе будет гадостное чувство, но ничего, один раз не пи... орас. И я понимал, что надо сказать, но не смог себя побороть и ответил:

– Ну, вот представьте, сдадим сессию, ребята соберутся, пойдут отмечать. Может быть, почти вся группа, и что же я? Пойду, конечно.

Главный конструктор посмотрел на меня с некоторой оторопью и сказал:

– Ну, вы хоть постарайтесь не попадаться.

– Обещаю – больше никогда.

– Ладно, иди работай.

История была закрыта, вернувшись в отдел, я стоял у кульмана, что-то чертил, когда ко мне подошёл наш проф-орг, бывший на комиссии. Улыбаясь, он шепнул:

– Слушай! Тебе через пару месяцев надо выпить где-нибудь и снова в ментуху загреметь.

– Зачем?

– Главный сказал: «Интересный парень. Толковый, не врёт. Не боится сказать, что думает, с такими работать приятно. Надо присмотреться к нему». Так выпьешь – снова к нему на разбор попадёшь, глядишь, и присмотрится, двинет тебя куда-нибудь.

Летом мама уехала на родину к своей крёстной и вернулась счастливая, с ведром топлёного сливочного масла и с бабой Настей, которую по инерции тоже все звали крёстной. Она рассказала, что приёмная дочь крёстной и её мужа дяди Паши уговорила их продать дом и переехать в Москву, где родители будут жить с ней, но пока она взяла к себе отца, а

крёстная временно поживёт у нас. Баба Настя стала жить с нами, привыкала к городской жизни, адаптация её проходила непросто, иногда возникали проблемы.

Первая возникла примерно через неделю, придя домой после работы, я обнаружил, что наша входная дверь расколота примерно посередине сверху донизу. Левая половина была надёжно закрыта на замок, но, толкнув правую половину, я беспрепятственно проник домой, прошёл на кухню, где хлопотала баба Настя.

По приезду мы показали ей, как пользоваться водой, это не вызывало у неё никаких проблем до тех пор, пока однажды днём не отключили воду. В будний день мы на работе, баба Настя открыла кран, смотрит, а воды нет, ну и стала крутить-выкручивать кран до конца, пока не докрутила до упора. Смотрит – вода так и не появилась, решила дождаться нас. Часа через два дали воду, а напор воды у нас был таков, что раковина не справлялась, и вода, заполнив раковину, полилась на пол. Крёстная стала закрывать кран, но она, по всей видимости, забыла, что выкручивала его минуты три, поэтому, покрутив его и увидев, что вода льётся так же интенсивно, она стала крутить его в другую сторону, раскручивая, затем снова закручивая, и в итоге, поняв тщетность своих усилий, выбежала на балкон и стала кричать:

– Караул, караул.

По счастью, во дворе, как всегда в летнюю пору, мужики резались в домино, увидев, что в пятом подъезде на шестом

этаже кто-то хочет укокошить бабу, примчались к нашей квартирке, стучат, звонят, а маменька так, на всякий случай, бабулю заперла и ключ ей не оставила, ну и за дверью только бабка, уже полузадавленная, еле хрипит:

– Караул, караул!

Понятное дело, надо бабу спасать, стали выбивать дверь. Двери у нас были будь здоров, массивные, но с какого-то раза смогли – раскололи её к чёртовой матери. Вбегают.

– Что случилось, где эти гады?

Бабка еле хрипит – голос-то сел, на ванную показывает. Ну, они в ванную, кран закрыли и снова:

– Так что произошло, бабуля?

– Ой, внучки, спасибо. Кран не могу закрыть.

– Аааа, да не за что, обращайся, если кто обидит, – и пошли доигрывать.

Позвонил матери, рассказал ей, она договорилась на заводе, вечером дверь сняли и отвезли в столярный цех на ремонт. Дверной проём завесили байковым одеялом и так прожили три дня, пока дверь ремонтировали и она просыхала после склейки. По ночам я на всякий случай спал в коридоре перед дверью.

Баба Настя переживала, да ведь дело житейское, что поделаешь, мы с матерью пытались успокоить её, поддержать, её, по сути, против её воли выдернули из привычного быта, уклада, попросту развели, а человек немолодой, нужно время, чтобы обвыкнуться.

Потихоньку крёстная привыкла, как все женщины, любила посплетничать – рассказывала мне по секрету нюансы истории моего появления на свет, про то, как мама попала на фронт, про моего отца.

Бабка она была норовистая, и у нас иногда возникало недопонимание от того, что мы просто не представляли, что для неё хорошо. Бабусе было под восемьдесят, мы сглупа решили, что ей нужно диетическое питание, и Милка варила специально для неё бульоны, готовила какие-то обезжиренные блюда, но однажды крёстная во время обеда схватила тарелку с бульоном, вылила его в помойное ведро и закатила лёгкий скандалчик, заявив:

– Ишь какие, на моём масле жарите, парите, а меня водой кормите.

Милка вздохнула свободнее – у неё пропала нужда напрягаться с бабкой в части персональной готовки, разобрались, перестали готовить ей отдельно.

Через пару дней, вернувшись вечером с работы, выходя из лифта, обнаружил какого-то старика, сидящего на ведре для пищевых отходов. В те годы была такая практика – пищевые отходы выбрасывали в ведро, стоящее на площадке межэтажной лестничной клетки. Раз в день уборщица забирала их, свозила на лифте вниз, где их принимала специальная машина. Говорят, что их отвозили в подмосковные комплексы для откорма свиней. Присмотревшись, узнал дядю Пашу, мужа крёстной, я видел его, когда гостил в деревне у

своей бабушки.

– Дядь Паш, ты чего здесь сидишь, почему в квартиру не зашёл?

– Да мне нормально, Настьку позови.

– Давай вставай, пошли.

Помог ему подняться, почти силком затащил его в квартиру.

– Баб Насть, смотри, какой у нас гость, давайте чай пить.

Дядя Паша был удивительно красивым стариком: рослым, широкоплечим хорошо сложенным, видно было, что, несмотря на некоторую возрастную негибкость, в нём ещё играла силёнка. Сначала я любовался ими – баба Настя ворчала на мужа: как так, он наносит визиты без согласования с ней, но и видно было, что она рада видеть его, и он глядел на неё, не отрываясь, какой-то свет появился от их случайных прикосновений, когда он принимал из её рук чашку чая или вазочку с вареньем, оставив их беседовать на кухне, я ушёл, меня переполняли, душили гнев и возмущение – зачем надо было разрушать нормальный деревенский быт, двух ещё вполне крепких стариков, да ещё по физическим кондициям не стариков, а пожилых людей, разъединять их, проживших семьдесят лет бок о бок. Меня гневало всё в этой истории, и то, что моя мать, пусть опосредованно, но тоже как-то участвовала в этом, меня просто прибивало. Вечером я всё это ей и высказал.

Всё оказалось хуже, чем я себе представлял. Дочка их

приёмная была запойно пьющей, пропив деньги за дом, она поняла, что старик родитель мешает ей жить так, как она хочет, отвезла его на родину и там сдала его в дом престарелых, поскольку более жить ему было негде. Баба Настя, узнав это, затребовала, чтобы её отвезли к её мужу в дом престарелых, что дочка их и сделала, где они угасли года за два.

Следующие полгода на работе я проектировал узлы каких-то устройств, редукторы, спроектировал шиберную подачу, точнее, посмотрел в альбоме типовых устройств, что это такое, и срисовал фактически один в один с небольшими изменениями.

Я успокоился, ходил со счастливой мордой, это кому-то не понравилось, не помню кто, но меня заложили – сообщили, что у меня совсем нет общественной работы, а, как назло, Вовка Александров, бывший комсоргом, соскочил с этой должности, и меня запихнули на его место. Работа комсорга мне показалась пустой, не наполненной смыслом, всю коммунистическую мишуру я воспринимал как звук погремушек, поэтому, когда в отдел пришёл новый пацан – Мишка Кислаков, я спихнул должность комсорга на него, а сам отполз в Совет молодых специалистов института.

Через год меня избрали председателем этого самого Совета, после избрания я пришёл к главному конструктору и сказал, что у нас каждый год проходит конкурс на лучшего среди молодых спецов, но проходит он вяленько, сам кон-

курс неинтересный и всё, что с ним связано, просто пустая болтовня. Главный спросил:

– А что не нравится в организации и что Вы предлагаете?

Я рассказал, что на данный момент конкурс проводится следующим образом: конкурсант должен был за определённое время начертить деталь или общий вид определённой сложности. Задание это идиотское по сути – в конкурсе участвуют специалисты разных направлений. Литейщик наврёт, рисуя сварную сборку, и наоборот, что при этом нарисует специалист по гидравлике, совсем непонятно. И конкурс всё же не самоцель, нужно, чтобы предполагаемое участие в нём пробуждало интерес у ребят браться за более сложные работы и побуждало их руководство давать молодёжи сложные проекты.

– И что же Вы предлагаете?

– А ничего не рисовать – пустая трата времени. Конкурс же ежегодный, пусть ГИПы отделов, чьи ребята участвуют в конкурсе, предоставят их лучшие работы за год, но чтобы в них чётко видна была доля участия каждого, а лучшего пусть сами ГИПы и назначат, у них тогда стимул будет в следующий раз ребятам работы поинтересней давать. Победа молодого специалиста подсветит его руководителя, у них тоже стимул возникнет.

– Интересная идея. А какая награда, стимул-то какой?

– Один шаг по служебной лестнице: был старший техник – стал инженером-конструктором третьей категории, и так

далее.

– Ну что ж, давайте попробуем, расшевелим народ немножко.

Я попрощался, собираясь уходить, но главный вдруг спросил:

– Ну как, вы с друзьями ходите по-прежнему в ту забега-ловку?

– Ходим, но только на второй этаж.

– А что на втором этаже?

– Там можно.

Главный улыбнулся, махнул рукой.

– Упёртый ты парень, ну, давай, беги уже.

На конкурсе, произошедшем через месяц после нашего разговора, победителем стал Мишка Кислаков из нашего отдела, он рисовал у меня питатель транспортёра – устройство для подачи заготовок в рабочую зону технологических машин, его-то мы и представили. Хороших работ было много, но его работа получила статус изобретения – было оформлено авторское свидетельство, в нём было четыре соавтора: я, Мишка, Розен и Миньков. И народ в отделах шустрил будь здоров, желающих поучаствовать в конкурсе было хоть отбавляй – приз был весомым, Мишку из старших техников повысили до третьей категории.

Работа в совете молодых специалистов не была идеологизирована, в ней был смысл, иногда мы организовывали посещение различных технических выставок. Один раз за орга-

низацию такого «турпохода» мне чуть не прилетело по тыкве.

В Сокольниках проходила крупная техническая выставка, в которой принимал участие наш институт. Мы договорились с руководством, и после обеда молодняк из отделов – не все, конечно, а тот, кто мог, – пошёл на выставку. Меня отправили старшим. Приехав на выставку, первым делом пошли посмотреть экспозицию нашего института, там мужики, узнав, что мы сотрудники НИИТавтопрома, детально ознакомили нас с тем, что представил наш институт на выставке, показав и рассказав, как работает каждый экспонат. Затем мы разбрелись по выставке, каждый пошёл смотреть свой технологический раздел, встретились, как договорились, часа через два, после чего кто-то отправился по своим делам, кто-то поехал домой, а часть пошла в «Сирень», было такое заведение в Сокольниках, там частенько было в продаже чешское пиво «Старопрамен». Только что закончился рабочий день, зал был полупустым, сидели у огромных, в пол, стеклянных витрин, глядели на падающую осеннюю листву, разговаривали, ну и пивка, конечно, отведали.

На следующий день на работе разразился жуткий скандал – кто-то сообщил, что ни на какую выставку мы не ходили, а просто Рейн организовал коллективную пьянку – снял по собственной инициативе всю молодёжь с работы, отвёл их в пивную и упоил в хлам. Видно, кто-то сильно позавидовал, что не попал, – снова было чешское пиво. Нина Вита-

льевна, услышав, что я опять накосячил, заявила, что такого подлеца, повторно замаравшего честь отдела, пора гнать взащей. Тут же собрали комиссию – любили тогда всякие комиссии, я обратил внимание, что в них, как правило, принимали участие самые бестолковые сотрудники, главным, по традиции, был замшелый дед-ветеран, предложивший меня просто утопить в сортире, не слушая, поскольку слушать меня ему уже неважно с прошлого раза, но слово мне всё же дали. Я рассказал, что на выставке мы были и это может засвидетельствовать представитель института, работающий на выставке, а то, что по окончании мы зашли в кафе, – это наше личное дело, как людей совершеннолетних. Градус обсуждения вырос ещё больше, так как никто из ушедших вчера доверия не вызывал – наверняка сговорились сопляки, это ж очевидно, пошли узнавать, когда появится наш представитель на выставке, оказалось, что должен подъехать, стали ждать. Сидели, о чём-то шептались, я попытался отпроситься немного поработать – не пустили, мало ли я чего ещё удумаю, опять кого-нибудь напою или ещё чего хуже.

Дождались – появившись в дверях, представитель института на выставке, явно не поняв, что происходит, и не разобравшись с политическим моментом, с порога заявил:

– Уже обсуждаете, это правильно. Мы каждый год в разных выставках участвуем, а молодёжь сроду не приглашали, вот ребята молодцы из Совета молодых специалистов, организовали посещение. Ну, я им часа за полтора всё показал,

они же тоже в работах участвуют.

Комиссия, явно растерявшись от такого напора и поворота обсуждения в неправильную сторону, сидела, моргая, только спохватившийся ветеран произнёс со значением:

– Так они же пиво ходили пить.

– Когда?

– После посещения выставки.

– А это при чём? Ребята все самостоятельные, несовершеннолетних нет, после работы имеют право.

Тут он повернулся ко мне.

– А куда ходили?

– В «Сирень».

– «Старопрамен» был?

– Был.

– А мы в «Праге-8» были, а там только «Жигулёвское», – и обращаясь ко всем: – Так я зачем Вам нужен-то был?

После секундного замешательства Нина Витальевна произнесла:

– Хотели поподробней узнать, как там дела на выставке у нас.

– Нин, извини, меня генеральный ждёт по тому же вопросу, – и кивая головой в мою сторону: – Да вы его расспросите, они же после нас всю выставку облазили. Он лучше меня вам всё расскажет. Вообще хорошее дело, надо взять за правило молодёжь на все выставки направлять.

Позже я узнал, что мужик этот был заместителем гене-

рального директора по внешнеэкономической деятельности. После его ухода комиссия сидела молча, только замшелая совесть института, снова осведомившись, являюсь ли я комсомольцем, начал долдонить, что негоже комсомольцам со всяким сбродом пиво дуть по забегаловкам, но, видно, сообразив, что таким образом в сброд он зачислил и замгенерального, замолчал. Поинтересовавшись, могу ли я уже быть свободным, я слинял в отдел.

Утром следующего дня ко мне подошла наш парторг.

– Алек! Извините меня – предложила наказать Вас, не разобравшись, а Вы благое дело, оказывается, делаете. Обманули меня, предоставили недостоверную информацию. Не сердитесь, не держите зла.

– Бывает, Нина Витальевна, дело житейское. Я ж понимаю, что Вы не со зла, не от личного отношения – за отдел болеете.

Я и в самом деле так думал. Баба она была неплохая, из семьи старой московской интеллигенции, дочь профессора. Возраст уже немного за полтинник или чуть до, одинокая, вот весь свой не до конца растраченный пыл и вкладывала в общественную работу. Она была контролёром, проверяла чертежи, после своей первой работы по доработке валковой подачи мне детализовать уже не приходилось, поэтому мы с ней сталкивались редко, но приходилось. У нас в отделе работало несколько глухонемых, один из них работал у меня в группе, работать с ним было непросто, приходилось всё,

в чём он не мог разобраться, описывать ему на бумаге, это съедало уйму времени, и я старался как-то улизнуть каждый раз от него. Помню, детализуемым им устройством для подачи заготовок на межоперационный транспортёр, спроектированным мной, был вертикальный опорный кронштейн, на него опиралась рама межоперационного транспортёра. Я спроектировал его, сместив вертикальное опорное ребро на самый край, снабдив одной косынкой жёсткости, мой глухонемой так его и раздетализовал. Стандартно в таком кронштейне опорное ребро ставится по центру, снабжая его двумя рёбрами жёсткости, и, проверяя его детализовку, она исправила его работу, о чём он возмущённо пытался поведать мне. Я, как всегда, был занят, не до мелочей, но, увидев исправленный общий вид устройства, пригласил её и положил два чертежа: мой первоначальный и её исправленный.

– Вот, посмотрите, Нина Витальевна, на два общих вида, как просто на два графических образа – они практически одинаковы, но есть небольшое отличие. На Ваш взгляд, на каком общем виде устройство зрительно выглядит более органично?

Витальевна уже поняла, что я хочу услышать, но не сдешевила и указала на мой вариант.

– Ну, этот чуть-чуть получше смотрится, но где Вы видели такой кронштейн?

– Вот именно это я и имею в виду. А человек, глядящий на устройство, этого кронштейна и не видит, хотя он на ви-

ду. Образ для него – это устройство целиком, а в таком виде образ уже частично разрушен. А потом, чем Вам не нравится кронштейн? Функционально он точь-в-точь такой же, но, сместив вертикальное ребро на край, мы не только обозначили этим именно край устройства, оно стало более безопасным – вот у вас здесь ребро, если фаски не сделать, можно пораниться, а в моём варианте – нет.

Поговорили мы спокойно, я не хотел её ни в чём напрягать, хотел просто, чтобы она в следующий раз подумала, почему я так сделал, прежде чем исправлять, то есть глядела не на отдельно взятую деталь или узел, а постаралась видеть всю машину целиком, а лучше и всю линию.

Жила она в старинном доме на Чистых прудах в квартире с высоченными потолками, однажды она пригласила на день рожденья человек двенадцать из отдела и меня в том числе, родни у неё не было никакой, посидели, немного выпили, было весело.

Глухонемых у нас в отделе работало четыре человека: семейная пара, мужик лет сорока пяти, работавшие в группе конструирования штамповой оснастки, и молодой пацан, работавший со мной в секторе средств механизации и автоматизации у Гарри Моисеевича. Старики – мне тогда сорокапятiletние казались если не стариками, то людьми в возрасте, глядя на человека, понимали речь абсолютно точно, а паренёк разбирался ещё не очень.

Два этих «старика» были закадычными друзьями, но лю-

били пошкодить друг над другом. У нас в сортире были деревянные кабинки, так один из них, подгадав, когда его приятель уединится в кабинке, заколотил наглухо дверь гвоздями – глухой же, не услышит. В итоге друг его просидел там часа четыре, пока кто-то не вызволил его оттуда, осерчал очень, кинулся драться – еле разняли.

Половину нашего отдела как-то ранней весной загнали на субботник, на строительство нового корпуса института в Нагатино. Возглавляла нас Нина Витальевна. Работёнку нам подобрали не тяжёлую – надо было на крыше лабораторного корпуса ровным слоем развезти и рассыпать керамзит. Забраться туда можно было по металлической вертикальной лестнице, для человека немолодого это было явно непросто. Лестница метров с трёх от земли была опоясана стальными страховочными полукольцами, и наш парторг устремилась к ней первой, наверно, чтобы исключить всякие уговоры с нашей стороны остаться внизу и сладко покемарить в машине – один из пацанов приехал на старой отцовской «Волге», за ней стали подниматься остальные, когда она преодолела трёхметровый рубеж, я решил порезвиться и начал горланить:

– Парня в гору тяни, рискни... – сверху раздался её низкий грудной смех, после чего она произнесла: – Алек, прекратите, у меня руки слабнут от смеха, брякнусь на вас – всем не поздоровиться.

Я замолчал тут же, она дама была тушистая, особенно в

нижней части.

Наверху к нам подошёл прораб и попросил тех, кто не боится высоты, пойти с ним. Мы сгруппа и попёрлись – трое девочек и пяток ребят. Он подвёл нас к наклонному мостику, переброшенному на соседнее более высокое здание, и сказал:

– Давайте один со мной, а остальные по двое, не больше.

– А что, он больше не выдержит?

– Да выдержит, но лучше не пробовать.

Они осторожно двинулись, мостик раскачивался, пружинил, явно не производил впечатления надёжного сооружения. Он был оснащён хилыми перильцами. Мы поинтересовались:

– А на перила-то можно опираться?

– Можно, но лучше не опираться, вы так, слегка придерживайтесь, с двух сторон.

Всё это как-то не очень впечатляло, но деваться было некуда, забрались на соседнее здание, работа была та же, плюс надо было растаскать рулоны с рубероидом, равномерно разложить по площади крыши, но площадь была существенно меньше. Справились быстро, но решили вниз не идти – чем-нибудь ещё нагрузят. Вовка Александров предложил сгонять за водкой, сбегал, на крыше была какая-то будочка, мы спрятались от ветра за ней, выпивали, болтали о чём-то, без умолку ржали. Вовка усвистал за второй, когда снизу крикнул прораб:

– Можете спускаться, что успели сделать?

– Да всё, осталось чуть-чуть, сейчас всё закончим и спустимся.

Прораб повернулся и ушёл. Пришёл Володька, выпили ещё, собрались обратно, народ шёл, посмеиваясь, а у меня всё внутри похолодело. Проверенных бойцов – я да Вовка, мы практически трезвые, а как остальные пойдут по этому хилому мостику – все под хмельком. Но, как говорится, пьяному море по колено, прошли как по бульвару, я со спокойной душой прошёл последним.

Спустившись, по дороге к метро Коломенская одна девчонка рассказала, что её дом прямо по пути, и предложила зайти отдохнуть и закрепить успешное окончание субботника, народ дружно поддержал эту идею, и я, хотя и не очень-то хотелось, тоже поплёлся со всеми. Взяли винца, дома у неё Мишка Кислаков не стал раздеваться, сказал, что очень замёрз, присел на диван. Разлили по стаканчику вина, он выпил и, сказав:

– Вздремну чуть-чуть, – завалился на бок и заснул.

Посидев с полчаса, народ, включая хозяйку дома, решил продолжить веселье в кафе, я собрался домой, стали будить Михаила, но он отверг все попытки его пробуждения, спал, паразит, глубоким счастливым сном. Хозяйка сказала:

– Да наплевать, пусть спит. Закроем его и всё.

– А если родители придут?

– Как проснётся, всё объяснит.

– Да ты представь, приходят люди к себе домой, а там на диване здоровый пьяный мужик дрыхнет. Они с ума сойдут или милицию вызовут.

– Значит, ему не повезёт.

– А если он буйный при пьяном пробуждении?

– Значит, им не повезёт.

Я понял, что сегодня Кислаков – мой крест. Хмель с меня слетел, весёлая гоп-компания выкатилась за двери, я открыл форточку настежь, чтобы Мишка побыстрее проветрился, накинул свою телогреечку и стал дожидаться, чем закончится наш субботник.

Часа через полтора дверь попытались открыть, потом позвонили. Я открыл её, передо мной стояли немолодые мужчина и женщина, изрядно седые, глядели на меня не просто с удивлением, а скорее с испугом. Я пригласил их пройти, они шагнули, но не прошли дальше прихожей, я рассказал свою версию событий. Они разделись, сели за стол, но глядели всё же на меня с каким-то недоверием, хотя я назвал и имя, и фамилию их дочери, и место её работы, видно, им эта история казалась слишком фантастичной, потом, они явно не предполагали, что у их восемнадцатилетней дочери такая компания на производстве, два ярких представителя которой засели в их квартире, – у одного на голове седых волос было больше, чем тёмных, второй дрыхнет в телогрейке на их тахте. Никогда ни до, ни после я не был в такой дурацкой ситуации, мы просидели около часа, я пытался развлекать

их рассказами из жизни института, периодически не забывая посыпать свою голову пеплом, в какой-то момент женщина сказала:

– Ну что Вы себя-то всё ругаете, Вы же в порядке, вы-то в чём виноваты?

Наверно, был в чём-то виноват, всё ж таки постарше был ребят, хоть ненамного, но постарше. Так и было, Михаила я был старше на три года, а их дочери – на шесть. К счастью, Мишка проснулся, проснулся так же, как и заснул. Вдруг сел столбиком, посмотрел на всех со счастливой улыбкой и сказал родителям:

– Здравствуйте, – потом потрогал диван там, где только что лежал, и произнёс: – Мокровато тут у вас.

Я уже не знал, куда деваться, неужто, думаю, обмочился, глаза у родителей нашей коллеги стали размером с чайные блюдца. Мишка пощупал свой бок, затем сунул руку в карман и вытащил оттуда расплюснутую упаковку от мороженого, глаза родителей уменьшились до размера кофейных блюдца, я понял – пора валить. Сказав:

– Ну, ещё раз простите нас, – схватил Мишку под руку, и мы потащились к выходу.

После этого злосчастливого субботника я, подставив, немного прихворнул. Не сильно, не бюллетенил, но нос совсем отказался дышать. У меня всю жизнь какие-то проблемы с носом, как похолодает, сразу насморк, потеплеет – всё проходит без всякого лечения. Решив избавиться от этой напасти, я обра-

тился в нашу районную поликлинику к отоларингологу. Но увы, все предпринимаемые действия и прописываемые мне лекарства и процедуры не дали никаких положительных результатов. Как она только ни пыталась меня вылечить, даже проколола и промыла мне гайморовы пазухи, хотя никаких показаний, свидетельствующих о наличии у меня гайморита, не было.

Поняв тщетность своих потуг, она решила показать консультирующему профессору. В те годы в поликлиниках была такая практика – консультировали один-два раза в неделю доценты или профессора из профильных клиник. В один из дней в нашей же поликлинике я сидел напротив пожилого, лет шестидесяти, мужчины, который детально расспросил меня о том, как и когда у меня возникает насморк и каковы по виду мои выделения. Расспросив, он попросил мой носовой платок и долго изучал то, что попадает туда из моего носа. Надо сказать, это был единственный в моей жизни врач-отоларинголог, который заинтересовался содержанием моего носового платка, а врачей этих я повидал немало. После этого он просмотрел мою медицинскую карту, повернулся к моей врачихе и сказал: «Ну, рассказывай, как ты его лечила». Врачиха моя подробно перечислила все капли, пилюли и процедуры, которые я безропотно принимал, глотал и терпел. Выслушав всё это, профессор произнёс каким-то упавшим голосом: «Как же я тебя учил-то», – и принялся объяснять ей, что происходит с моим носом. Объяснив, стал

меня врачевать, для чего затребовал, если мне не изменяет память, раствор какой-то кислоты, впрочем, здесь я могу и ошибаться. Получив склянку с требуемым, он взял из стоящей на столе баночки металлическую спицу, скрученную из двух проволочек, примотал на её конце малюсенький тампончик, чуть обмакнул его в кислоту, запрокинул мне голову, аккуратно засунул эту спицу мне в нос почти до половины и что-то там прижёт. Потом он повторил все эти действия со второй моей ноздрёй. Все свои действия он комментировал вслух для врачихи, чтобы она поняла суть и смысл происходящего. Прodelав всё это, сказал мне: «Ну, приходи через неделю». Лечили меня он, а потом врачиха таким же образом, повторяя все эти действия, месяца полтора. После чего у меня не было насморка лет пятнадцать.

Уже в зрелом возрасте я пришёл в ту же районную поликлинику снова с той же проблемой. Врач, женщина моего возраста, выслушав меня, бойко стала выписывать препараты, которые не помогли мне полтора десятка лет назад. Я стал рассказывать, что имел сходный опыт лечения у её предшественницы, что это бесполезный труд, что-де профессор, который у вас тут консультировал, меня лечил, прижигая что-то в носу, но она отвергла все мои басни, заявив: в носу прижигать или мазать вообще нечего, никаких профессоров у нас сроду не было, моё дело – поменьше рассуждать и смиренно принимать всё, что врач назначил. Тогда я поинтересовался, как она может рекомендовать мне какое-то ле-

чение, не заглянув в мой носовой платок. Последнее вызвало её неподдельное возмущение – что, я должна ещё Ваши сопли разглядывать?! Я встал и ушёл, не прощаясь, очень хотелось сказать ей: вы, голубушка, дура набитая, – да как-то не решился, подумал, что нехорошо доценту так себя вести с женщиной – её ведь тоже какой-то доцент учил, да не научил, а может быть, и тот самый седенький профессор.

Больше в нашу девяносто восьмую поликлинику я не ходил, нет смысла – нет врачей.

Летом сестра с Жорой, приехав в отпуск, арендовали первый этаж большого каменного дома в Купавне и пригласили Милку с Мишкой пожить с ними. Жили они там, как правило, впятером: мама Георгия Нина Григорьевна с моими племянниками Ольгой и Олежкой, родившимся в Японии в семьдесят первом году, и Людмила с Мишанькой. Жора с Катькой и я приезжали, как правило, по выходным. После работы по будням я кочумал у тёщи с тестем.

Возвращаясь в Японию, они оставили свою детвору на попечение – дочурку Ольгу – нам с мамой, а сына Олега – родителям Георгия. Эта пиратская тройка (сынوك наш Мишаня вошёл туда весьма органично) творила полное беззаконие, когда объединялась у нас на квартирке, я любил, когда было время, с ними повозиться.

В начале осени в отдел пришло задание на проектирова-

ние межоперационных транспортёров для передачи длинномерных заготовок между позициями штамповки. Особенностью передаваемых заготовок было то, что при малом сечении они были изрядной длины, около трёх метров, а перемещать их от прессы к прессу надо было в направлении, перпендикулярном длине. Стандартный ленточный транспортёр не годился, заготовка крутилась бы на нём, было непонятно, как закладывать их в штампы при такой длине, необходимо было на каждой операции держать двух операторов.

Розен решил организовать мини-конкурс и дал задание мне и Славке Шабанову подготовить эскизные предложения. Славка стал лепить привычный ленточный транспортёр, мне эта идея никак не покатила, и я стал придумывать возможные варианты транспортёров, в которых лента заменяется тросом, цепью, другими несущими элементами, наваял рулон эскизов. В конце недели Розен с Миньковым, осмотрев то, что каждый из нас нарисовал, сняли Славку с забега, поручив заканчивать тему мне. После размышлений и прорисовок пришёл к выводу, что идеальным вариантом будет заменить ленту клиновыми ремнями, поставив их четыре по ширине, Гарри Моисеевич меня поддержал. Использование четырёх узких ремней в качестве транспортирующих элементов снимало проблему разворота детали при транспортировке, за счёт разной натяжки ремней можно было обеспечить поддержку заготовок в четырёх точках, проблема была только в варианте механизма скрепления концов ремня. Я

нарисовал несколько вариантов и позвал Минькова обсудить их надёжность. Обсудив предложенное, мы выбрали самый, по нашему разумению, надёжный, но при этом Гарри Моисеевич предложил:

– А ты покопайся в номенклатуре выпускаемых ремней, может быть, подберёшь что-нибудь нужной длины и не придётся их разрезать.

Старик был прав – ремней этих выпускалось такое количество, что подобрать их на нужный размер не составило никакой проблемы. Надо сказать, что использование ремней этого типа для транспортёров весьма эффективно, ремни эти силовые, при использовании их для транспортировки груза они почти не нагружаются и могут служить без замены весь срок использования транспортёра, кроме того, это позволило встроить в транспортёр досылатель – устройство, позволяющее в момент, когда заготовка приходит в конец транспортёра, додвинуть её по специальным направляющим в рабочую зону штампа. Оператору оставалось только позиционировать её в штампе, необходимость во втором операторе у каждого пресса отпала.

Когда деталь проходила две трети транспортёра, срабатывал датчик, дающий команду на включение муфты привода досылателя, который догонял деталь и задвигал её в штамп, после чего возвращался в исходное положение и муфта отключалась.

Двигатель, да и редуктор, подобрали из стандартно выпус-

каемых промышленностью, а вот муфту пришлось спроектировать, с ней пришлось повозиться.

Обычно я не обращал внимания на то, как ко мне приходят решения, которые не дались мне сразу, а работая над этими объектами, заметил. Когда я долго не могу найти решение, ну не приходит, хоть ты тресни, я просто прекращаю думать над этой проблемой, начинаю заниматься чем-нибудь другим. Интересно устроены человеческие мозги, они исподволь жуют себе потихоньку, и решение всплывает неожиданно и очень ясно. Ко мне они всегда приходили, когда, возвращаясь с работы, я спускался на эскалаторе метро Новокузнецкой вниз и всегда в одном и том же месте.

К концу работы у меня образовалась небольшая собственная группа, с ней мы закончили работу над первым транс-портёром и спроектировали ещё пару для других типоразмеров деталей. Так как основные узлы были готовы, работу эту сделали очень быстро.

Розен, разглядывая спроектированную машину, сказал:

– А красивая машина получилась, работать будет как часы.

Я поинтересовался:

– А откуда такая уверенность?

– Опыт большой – красивые машины работают лучше.

Так и получилось. Изготавливали эти машины, всего их сделали штук двенадцать, на экспериментальном заводе НИИТавтопрома, машины получились очень надёжными и про-

стыми в эксплуатации, установили и запустили их на КАМАЗе без нашего участия – оно не потребовалось, прислали по нашей просьбе фотографии участков.

Два технических решения, предложенных мной, были признаны изобретениями, я получил на них авторские свидетельства, помнится, что меня с этой работой направили на конкурс технического творчества молодёжи, где наградили почётным знаком ЦК ВЛКСМ и какими-то грамотами, было приятно. Мой доклад как победителя конкурса был оформлен в виде статьи и опубликован в журнале «Технология автомобилестроения» как пример одного из перспективных направлений развития межоперационных средств перемещения деталей.

С проектированием линий для КАМАЗа мы выбивались из графика и конструкторам приходилось задерживаться иногда после работы или трудиться по субботам, уставали и требовалась разрядка, поэтому мы иногда шлодили, один раз своей шкой чуть дорогого нашему сердцу Григория Дмитриевича до инфаркта не довели.

К торцевой стене отдела, в том месте, где в углу сидел начальник отдела, было прикреплено с десяток чертёжных досок, над которыми была закреплена направляющая, по которой ходили две каретки кульманов координатного типа. Обычно на этих досках вешали десяток склеенных между собой листов ватмана, на которых два конструктора одновременно рисовали общие виды уже спроектированных линий,

которые потом предъявлялись приёмной комиссии.

Вдоль этой чертёжной доски стоял стол такой же длины, под которым хранился всякий хлам, на стол обычно выкладывался общий вид. После принятия проекта члены комиссии оставляли на нём свои автографы.

Работа по рисованию общих видов была довольно нудной, привлекали к ней старших техников, техников или чертёжников, так как она не требовала никакой квалификации, нужно было только в уменьшенном масштабе перенести в должном порядке уже спроектированные устройства, между которыми врисовать пресса, габариты и изображения которых необходимо было взять из каталогов.

Из-за нашего общего отставания техники не успели врисовать изображения прессов, и Розен поручил это препротивнейшее занятие мне. Все пресса линии были одинаковыми, и я под то место, где на чертеже располагался первый пресс, подсунул лист ватмана. Скопировав пресс из каталога, я проколол чертёж пресса во всех угловых точках всех изображений. После этого этот листок с проколотым изображением использовал как шаблон на всех позициях, просто прокалывал лист по дыркам шаблона, а потом соединял эти точки линиями. Ничего нового в этом приёме не было, его знает каждый первокурсник, только ленится народ, вот и возятся над всякой ерундой по неделе. Часа через три, уже заканчивая, услышал за спиной довольный шёпот Гарри Моисеевича:

– Я же тебе говорил, это пулемёт-автомат, – оглянулся и увидел Минькова и Розена, рассматривающих с удивлением готовые чертежи общего вида.

Спалил меня, понял, Гарри Моисеевич Розену, подписав на эту работёнку, понял я, что теперь меня будут регулярно привлекать к этой работе, размышляя об этом, решил устроить что-нибудь весёлое, чтобы протрясло наших стариков не по детски, подстроить шкоду, для чего создали мы преступную группу в составе трёх человек: Мишки, Вовки Александрова и меня. Вовка раздобыл пузырёк чёрной туши, которую мы разбавили вполовину канцелярским силикатным клеем. За день до сдачи на полу под моим письменным столом у стены положили лист ватмана, на котором живописной кляксой разлили свою адскую смесь клея и туши, поместив с краю кляксы лежащий на боку пузырёк с кисточкой. Расчёт был на то, чтобы создать полный эффект только что разлитой туши.

Расчёт полностью оправдался, любой знал в те годы: советское – самое лучшее, а что уж говорить о силикатном клее, не подвёл, он придал засохшей туши такой глянцевый блеск, как будто она была разлита на наших глазах. В обед, обрезав всё это великолепие самым аккуратным образом по периметру, мы водрузили его на общий лист линии, лежащий на столе, и стали ждать развязки – надеялись, что до прихода комиссии Миньков придёт глянуть на общий вид ещё разок.

Тут мы чуток промахнулись, первым, придя с обеда, пришёл глянуть на чертежи общего вида заведующий отделом Григорий Дмитриевич Скворцов. В такой ярости я его не видел ни до, ни после, единственное, чего мы не дождались, – богатого русского мата, всё было хуже. На его бешеный рёв сбежался весь на наш отдел и половина соседнего (в нашем зале работало два отдела, всего сидело около ста человек). Женщины держали Скворцова, он то ли был готов кому-то бить морду, не мог только определиться с адресом, то ли был близок к сердечному приступу. Розен с Миньковым со скорбными лицами стояли, рассматривая изуродованный каким-то поганцем общий вид линии штамповки длинномеров на КАМАЗе, склонив головы как у гроба покойника. Почему-то все грешили на уборщицу, странные люди – что, уборщица расхаживает по отделу с пузырьком туши? Мы делили горе со всеми, я скорбел со всеми, пытался сдерживать слёзы, еле держался, но не плакал – в конце концов, мужик я или где? Володька делал какие-то конвульсивные движения руками, остальные давали советы, например, приподнять чертежи за край и слить тушь. Эту глупость отвергли – ещё хуже всё изгваздаем. Наконец Нина Витальевна, как выяснилось, единственная, не потерявшая способность рационально мыслить, сказала:

– Григорий Дмитриевич, ну что тут такого страшного произошло, пропал всего один лист А4, сейчас мы марлей тушь соберём и поглядим, может, даже больше спасём, а нет – так

всей группой нарисуюем его минут за двадцать, ну, максимум за полчаса.

Женщины моментально натащили тряпья, толпа раздвинулась, Нина Витальевна склонилась над чертежом и озабоченно произнесла:

– Что-то плохо впитывает, – потом распрямилась и с удивлением сказала: – Это не тушь.

– Как не тушь? – сразу несколько вблизи стоявших наклонились над чертежом, и кто-то попытался осторожно приподнять опрокинутый пузырьёк с клеем, когда вместе с пузырьком поднялся лист, под которым показался нетронутый чертёж, выдохнуло сразу человек двадцать. Гарри Моисеевич схватил нашу прелесть и, с остервенением скомкав её, сунул в корзину, стоящую под столом, – какое отсутствие вкуса – это, между прочим, инсталляция, а не как-либо что, нет бы сохранить для памяти. Мы, можно сказать, были близки к вершине сюрреализма, а какие эмоции вызвало наше произведение!? Да Дали бы обзавидывался. Вандалы.

Бледный, как полотно, Григорий Дмитриевич молчал, потихоньку приходя в себя, видно, подумал – пронесло.

Комиссия приняла наш проект без единого замечания, видно, прочитали в глазах нашего начальника желание кого-нибудь убить.

После ухода комиссии Григорий Дмитриевич громко, голосом, в котором звенела высоколегированная углеродистая сталь, закалённая на твёрдость 70 HRC, произнёс:

– Ну, шутники, узнаю кто – квартальной не видать.
Вот публика, а?! Даже пошутить нельзя.

Мы продолжали шкодить, но не так масштабно – себе дороже. Однажды, работая в субботу, заменили Минькову грифель в механическом карандаше на кусок проволоки. Нет, ну такой классный кусок проволоки попался – вылитый грифель, ну как тут не заменить, ну а шефу-то – это вообще праздник, не со зла же, так, по приколу. Но тут промашка вышла – у грифелей бывал такой недостаток: какие-то мелкие частицы попадались – проводишь по бумаге, а он, зараза, не чертит. Тогда надо чуть сильнее нажать – он и сдирается, вот Моисеевич и решил нажать посильнее, чтобы он содрался, а как он сдерётся? Он же проволока. Не содрался, а разодрал Моисеевичу общий вид пополам, да ещё кусок из неё углом выдрал, ну, проволока же, дура, чего с неё взять, а он расстроился, побежал к Розену жаловаться. Розен тоже – нет другу посочувствовать – хихикать начал.

Нехорошо над горем товарища подсмеиваться, неправильно это.

Мы тогда, чтобы ему жизнь сахаром не казалась, слепили из зелёного пластилина прямоугольничек, у него ластик был зелёный фирменный, вот ему точь-в-точь такой же и замастырили и заменили его родной ластик пластилиновым. За кульманом работал он азартно, решил что-то стереть, схватил наш ластичек – и рраз по листу. Ну, дальше понятно – пластилин – плохая замена ластик, да хрен бы с ним, что не

стирает, так ещё на листе зелёная полоса. Розен чертыхнулся, а потом негромко, но отчётливо произнёс:

– Всех премии лишу.

Далась им эта премия. И премии-то у нас в НИИТавтопроме, надо сказать, пусяшные были. Обошлось – оттаял.

На КАМАЗе мне побывать не довелось, но наши разработчики больших штампов ездили туда на их отладку. Володька Александров рассказывал, что транспортёры мои в цеху хвалили за безотказность.

По окончании работы над транспортёрами поручили мне спроектировать устройство для подачи заготовок металлопластмассовых втулок в штамп. Технологически это довольно просто: в соответствии с техническим заданием предлагалось штамповать в двух штампах, проблема была в том, что штамповать их надо было миллионов по десять каждого типоразмера и их было четыре или пять. На первой операции заготовку сгибали пополам, и она падала в корзину, откуда её было сложно извлечь. Шеф мой что-то нервничал – механизировать процесс сложно из-за формы заготовки после первой операции, вручную штамповать запаadlo, мы ж передовая держава. Да и где место для такого количества штамповщиков? Поговорили, я сказал:

– Да плюнуть и растереть, сделаем линию автоматизированную.

– А как ты вилку из корзины первого перехода извлекать

будешь?

– А я её туда и класть не буду.

– И знаешь, как подать её во второй штамп?

– Знаю.

– Тогда рисуй.

Я не знал, конечно, как это будет выглядеть, но знал, что придумаю. Тоже муть какая. Люди в космос летают, а мы какую-то сраную втулку вручную собрались штамповать, да ни в жисть.

Я покумекал недельку и предложил для обозрения эскизное предложение полностью автоматизированной линии штамповки металлопластмассовых втулок, состоящей из правильно разматывающего устройства металлопластмассовой ленты, шиберной подачи ленты, кривошипно-шатунного пресса первой операции, автопитателя заготовок, пошагового лепесткового транспортёра, устройства подачи заготовок и кривошипно-шатунного пресса второй операции. Втулки штамповались в два перехода в штампах, установленных на прессах первой и второй операций.

После загрузки рулона ленты в правильно разматывающее устройство и заправки её в шиберную подачу штамповка втулок происходила автоматически, без участия операторов, до полной выработки ленты. По существу, каждую линию должен был обслуживать один оператор.

В первом штампе заготовка отрезалась, предварительно сгибалась и перемещалась на промежуточную позицию, от-

куда она автопитателем перемещалась на пошаговый транспортёр, который был установлен под углом к горизонту. Заготовки как бы забирались в гору по транспортёру, а в его конце под собственным весом съезжали вниз, попадая в бункер загрузки, откуда они по одной подавались устройством подачи в штамп второго перехода. Окончательно отштампованная втулка падала в корзину.

В целом схема возражения не вызвала, но поскольку чётко зарыт в деталях, мне предложили детально прорисовать все тонкие моменты, касающиеся передачи заготовки с позиции на позицию. Я прорисовал, шефы мои в целом всё одобрили, за исключением поведения заготовки в бункере загрузки, были сомнения: а вдруг заготовки начнут цепляться друг за друга? Решили в целом всё одобрить, и я приступил к проектированию отдельных устройств, а для понимания поведения заготовки в бункере на нашем экспериментальном заводе заказали загрузочный короб бункера в натуральную величину. После изготовления провели натурный эксперимент – заготовки вели себя как мама велела, толпились, но не цеплялись и строго по одной, поскольку в коробе был предусмотрен отсекающий элемент, попадали в рабочую зону.

Линия была одобрена целиком, типоразмеров втулок было четыре или пять, и мне поручили спроектировать автоматизированный участок штамповки. Ничего принципиально революционного в этом проекте ни для промышленности, ни для технологии листоштамповочного производства не было,

но для меня, студента-вечерника второго семестра четвёртого курса, нового было много.

Каждое в отдельности устройство не вызвало никаких затруднений, а вот как втиснуть эти четыре или пять линий в предусмотренное для этого помещение, не нарушив требований по технике безопасности и охране труда? Как грамотно написать задания для отделов пневмогидравлики и электротехники, да что они из себя представляют и как они, собственно говоря, пишутся? Уйма этих вопросов возникала у меня по ходу проектирования, но я как-то не запаривался, бегал по институту, разбирался со всем потихоньку.

Поначалу начальники отделов не воспринимали меня всерьёз, когда я появлялся со своими бумагами в отделе и спрашивал, с кем мне придётся сотрудничать, происходило следующее:

– А что, разработчику трудно самому прийти?

– Нет, я пришёл.

– Понятно, Вас как зовут?

– Алек.

– Алик, хорошо, Алик, подожди чуток, – после этого начальник снимал трубку, накручивал номер и говорил:

– Григорий Дмитриевич, привет, это гидравлик (электрик, охрана труда) тебя беспокоит. Слушай, кто у тебя участком металлопластмассовых втулок занимается? Рейн, а, понял, Гарри Моисеевичу в пару, шучу, шучу. А чего, ему самому тяжело до меня дойти, пацана прислал, – затем на-

чальник поднимал голову и спрашивал: – Как Ваша фамилия?

– Рейн, Алек Рейн.

После этого меня познакомили со специалистом, который в дальнейшем вёл работу по этой теме.

Поначалу меня водили носом по моей писанине, указывая на то, что так технические задания не составляются, объясняли, как надо, я переписывал, вникал в нюансы работы гидравлических, пневматических, электрических систем, и начиналась предметная работа.

Через полгода в очереди в столовой я услышал, как у меня за спиной шептались две девчонки: «вон, видишь, парень в чёрном свитере, он вторую по объёму тему в институте ведёт, а сам только на четвёртом курсе в институте учится». Не знаю точно, была ли эта работа второй по объёму, но то, что она была не последней, – это точно. Но скажу, не соврав: меня это вообще не занимало никак, мне думать об этом было некогда, крутился как заяц – было страшно интересно.

Из-за острой нехватки времени, скорее, даже из-за того, что постоянно думал о работе, я получил пару на экзамене по горячей объёмной штамповке – единственную двойку за все годы обучения. Читал нам курс ГОШ Владимир Григорьевич Кондратенко – блестящий специалист в этой области и отличный мужик. Я, признаться, курс его слушал вполуха – занимался холодной листовой штамповкой и менять профиль не собирался, зачем, думаю, мне голову забивать, на

троечку как-нибудь да сдам. И сдал бы кому-нибудь другому, но Владимиру Григорьевичу – шалишь. Вопросы-то все, по сути, были ерундовые, помнится, один вопрос назывался так: «Выталкиватели заготовок на прессах для ГОШ». Так как я понятия не имел, как они выглядят, я напридумывал этих выталкивателей с десятков, думал, вдруг угадаю. Не угадал. Потом я из интереса глянул, что это такое – оказалось, проще гороха, на кривошипном валу пресса маленькая кулиса, при повороте вала в верхней точке она наезжает на толкатель – и привет – деталь отлипла. А тогда выслушал меня, молча взял зачётку, полистал её и поставил неуд. Что ж тут поделаешь, я не расстроился, а даже слегка загордился, всё ж таки первая пара, а то мужики смеются, говорят, какой ты студент, институт закончишь и двойки ни одной не получишь. Это был последний экзамен зимней сессии, пошли в стекляшку в Булонский лес, отметили сдачу сессии, поржали над моей первой парой.

На следующий день на работе ко мне подошла девчушка, у нас были приятельские отношения, она заканчивала дневное отделение нашей кафедры и проходила практику у нас в отделе. Подошла и рассказывает:

– Слушай сижу вчера на кафедре у Шубина⁶, подходит Кондрат и говорит: «Ты почему Рейну пятёрку поставил по

⁶ Шубин – доцент нашей кафедры Игорь Николаевич был её научным руководителем на преддипломной практике, он читал курс холодной листовой штамповки.

ХЛШ?» – «Он знал – я поставил. Натянул, может быть, немножко». – «Слушай, он мне вчера сдавал, ничего не знает, я ему пару поставил. Ну, ты ведь знаешь, так не бывает, если у студента по одной специальности знаний нет, то он и по другим, как правило, ничего не смыслит». – «Володь, это же вечерники, у них так бывает, может, он по специальности работает». Повернулся и ушёл, недовольный. Ты смотри, к пересдаче подготовься, не сдашь – засушит тебя, он мужик вредный.

Решил постараться подготовиться получше – готовился по экзаменационным билетам Кондрата, которые Володька Павлов, работавший в Технилище на кафедре, дружественной нашей, как-то раздобыл ещё перед экзаменами группы. Я, как человек очень умный – слава богу, курс по теории вероятности был уже пройден и отмечен высокой оценкой, – не стал даже проглядывать материал к билету, который попался мне при первой сдаче, тут нечего время тратить понапрасну, нечего гадать – вероятность того, что тот же билет выпадет снова, невелика.

Явился на пересдачу я в отличном настроении, всё у меня ладилось, материал я знал более-менее, был уверен – проскочу. В аудитории мы были вдвоём, я положил зачётку перед Кондратом, взял билет, пошёл к столу, по дороге заглянул в билет и чуть не сел мимо стула – это был билет номер двадцать, тот самый билет, на который я не смог ответить при первой сдаче и который я не стал учить, опираясь на зна-

ния теории вероятности и следуя простой логике. Посидев в растерянности пару минут, понял, что ничего не высижу, поднялся и пошёл назад. Владимир Григорьевич, продолжая изучать мою зачётку, поинтересовался:

– Что, уже готов?

Я начал мямлить про то, что я готовился, про теорию вероятности, невезение и готовность рассказать что-нибудь другое, не из двадцатого билета. Кондратенко, положив мою зачётку на стол, посмотрел на меня грустными глазами и произнёс:

– Ну, садись, давай поговорим.

И стал меня расспрашивать про мою жизнь, как я поступил в Технилице, как попал именно на кафедру обработки давлением, где работаю, чем занимаюсь. Заметив обручальное кольцо, поинтересовался, есть ли у меня дети. Ни одного по билету он не задал, немного поговорили об обработке давлением вообще, но спрашивал не по билетам – скорее его интересовала моя общая осведомлённость в ковке и горячей штамповке, а затем спросил:

– А почему ты не хочешь изучать горячую объёмную штамповку?

Я рассказал, что я думаю, и он ответил:

– Ты не прав. Лишних знаний не бывает, тем более что ты работаешь в профессии и хочешь продолжать в ней трудиться. Когда-нибудь ты пожалеешь, что плохо ознакомился с моим предметом.

Затем раскрыл зачётку, поставил мне оценку «хорошо», попрощался, велел передать привет Григорию Дмитриевичу и вышел. Признаться, я опешил.

А участок штамповки металлопластмассовых втулок был запущен на Кинешемском автоагрегатном заводе через год уже без моего участия, жаль, мне было бы очень интересно посмотреть.

В конце лета сестра жены рассказал, что у её школьной подружки мать работает в детском саду Министерства рыбного хозяйства, который располагался прямо в их доме, в котором жили она с отцом и матерью, то есть с моими тестем с тещей. Малюсенький уютный детский садик, всё под боком, что может быть лучше? И мать эта обещала оказать протекцию в зачислении сынули в этот райский уголок. У меня состоялся серьёзный разговор с сыном, Мишута нехотя согласился обсудить некоторые аспекты жизни нашей, оно и понятно – мужик занятой, не до разговоров со старичьём.

Я рассказал, что денежек в семье совсем немного, а для того, чтобы жить интересно и хорошо, они нужны непременно, и если мама пойдёт работать, то денежек будет больше. Сказал ему, что он уже большой парень и в детском саду ему будет интересно, в общем, мы договорились попробовать. Конечно, он волновался, маленький же, было ему на тот момент три года семь месяцев, но пошёл без рёва – мужик. Первые несколько дней он слезу пускал: и когда собирали

его и вели в садик, и когда забирали – надо же доиграть, но не истерил. Когда у меня была возможность я сам забирал его, придя, просил воспитателя вызвать его, Мишанька, разгорячённый игрой, выскакивал в коридорчик, где родители ждали своих отпрысков, увидев меня, как правило, говорил:

– Сейчас, ещё чуть-чуть.

Обычно, дав ему возможность ещё с немного порезвиться, я аккуратненько, с помощью воспитательницы извлекал его из кучки ещё не разобранный малыш, и мы шли домой.

Мне нравилось идти вечером с ним рука об руку домой в девяносто девятый, беседовать, обсуждать что-то по-взрослому. Зимой, если было холодно, я старался говорить больше, боялся, что при разговоре он застудит горло.

Однажды во время такого зимнего похода от дома восемьдесят девять до дома девяносто девять мы увидели очень интересную картину. Шли мы обычно по тротуару вдоль трамвайных путей, расположенных параллельно проспекту Мира, беседуя с сыном, я поглядывал по сторонам и обратил внимание, что по стороне проспекта Мира, идущей в центр, нет движения совсем, в то время как по полосе, идущей в область, движение было довольно оживлённым. Пройдя метров двести, прямо напротив магазина «Океан» мы увидели преинтереснейшую картину: в центре обездвиженной полосы спиной к неподвижной армаде автомобилей, конец которой терялся в зимней темноте, стоял пузатый генерал ми-

лиции. Такую картину я видел впервые, поэтому мы решили постоять, поглядеть, что будет происходить дальше. Минут пятнадцать ничего не происходило, таких празднующихся зрителей собралось человек двадцать, как вдруг со стороны центра показались две стремительно приближающихся машины, которые, приблизившись, оказались двумя правительственными Зилами. Когда они подъехали к нему на расстояние около двадцати метров, генерал отдал честь и изобразил руками жест регулировщика, предписывающий поворот налево. Автомобили свернули налево и прямо по заснеженному газону подъехали к входу в магазин. Вся глазеющая толпа ринулась к магазину и облепила стёкла «Океана», но два крупных мужика, неожиданно материализовавшихся из вечернего сумрака, негромко, но убедительно рявкнули:

– Освободить проход.

Все мы, как люди законопослушные, властью пуганые, но всё равно наглые, моментально забрались на сугроб, оттуда всё было видно ещё лучше, хоть и на полтора метра дальше. Из первой машины вышли два человека в демисезонных пальто и прошли в магазин, их сопровождали три двухметровых мужика, надо полагать, телохранители. Приехавшие, войдя в зал, пошли вдоль холодильников, главный иногда заглядывал в них, останавливаясь и беседуя с каким-то перепуганным кавказцем, судя по всему, с директором магазина, лицо которого было белее его ослепительно белого халата, не помогала даже характерная смугловатость. Когда они

подошли поближе к нам, в главном мы узнали Председателя Совета Министров СССР Косыгина Алексея Николаевича, пройдя треть расстояния, Косыгин повернулся и, судя по всему, что-то сказал телохранителю, наша галёрка выдвинула предположение, что он велел охране не задерживать покупателей, похоже, так оно и было, потому что охранник в ответ на реплику развёл руки в стороны, повернулся вполоборота к покупателям, теснившимся у начала прохода, и сделал приглашающий жест. Но наш народ не так-то прост, никто не поддался на эту дешёвую провокацию, за исключением одной не в меру любопытной бабёнки. Знаем мы эти штучки. Типа проходите, проходите, пойдёшь, а там Косыгин – опа – и подставил свой ботинок лакированный, наступил на него случайно – и кирдык: или умысел на теракт накрутят, или порчу государственного имущества в особо крупном размере, ботинок-то дорогой, но он его не покупал, всё государственное. А там всё: суд, ссылка, тюрьма, Сибирь.

И покупатели молодцы, никто не дрогнул, стояли стеной, не моргая.

Телохранитель тоже своё дело знал нехило, типа проходите, проходите, но, сука, так раскорячился в проходе, что сперматозоид не протиснется, однако одна бабёнка всё ж таки пролезла. И так шустренько, в одно холодильное корыто нос сунула, потом в другое, и глядь, а она уже под мышкой у Председателя Совета Министров СССР шебаршит, чой-то ищет. Ну, Алексей Николаевич – известный демократ, по-

началу, может быть, даже хотел склеить её, но потом смотрит – уж больно суетная, решил просто поговорить. Что-то её спрашивал, а она радостная такая, всё лыбилась и головой кивала. Видать, рассчитывала, что что-нибудь под шумок похлебить удастся, ну, там, балычка или икорки, да где там. Кончил с ней говорить, обошёл торговый зал, сел в Зил – и только его и видели.

На второй день тёща рассказала, что директору магазина руки закрутили и прям на одном из Зилов увезли на Лубянку. Ну, это враньё, с собой его никто не увозил, это точно, а вот то, что его в подвале в тазу с икрой утопили, это мы прямо самолично с сугроба видели.

Тогда только что прогремело масштабное уголовное дело под название «Океан», то ли в сети этих самых магазинов, то ли в рыбной отрасли, но тырили как-то не по чину, ну и как в песне: «тут гоп-стоп, облава, заштормило море, до свиданья, Клава, я вернуся вскоре».

Месяца через полтора-два стояли с пацанами, курили перед началом занятий и трепались в прихожей кафедры, был там такой небольшой «предбанничек», используемый в зимне-осенний период в качестве курилки (в наши времена курение на территории института не возбранялось), наша кафедра, как одна из старейших кафедр института, располагается в отдельно стоящем здании, находящемся во внутреннем дворе института. Преподы стояли там же, обсуждали, как им добыть чертежи и описание какой-то печи для нагре-

ва заготовок, вдруг Кондратенко повернулся ко мне и спросил:

– Алек! А ты, помнится, говорил, что в НИИТавтопроме работаешь?

– Да, работаю.

– Слушай, там ваши печники спроектировали печь безокислительного нагрева в кипящем слое, очень интересный проект. Мы просили их поделиться – не дают, что-то жаба их душит. Не поможешь?

– Конечно, Владимир Григорьевич.

Тут интересы кафедры совпадали с моими – мне надо было делать курсовую по печам, и я решил совместить полезное с необходимым.

В НИИТавтопроме дать материал к курсовой работе студенту-вечернику было нормально, сроду никто не отказывал, и я на другой день заявился в отдел печей.

– Мужики, дайте материал на курсовую по печам.

– А где учишься?

Я назвал вуз.

– А тебя не доценты-проценты ваши оттуда прислали?

Я с честными глазами заявил:

– Нет, а что случилось?

– Да допекли. Всё проект наш хотят выцепить, письма пишут.

– А что, не защищён?

– Да нет, всё нормально. Одно авторское получили, за вто-

рое боремся с экспертизой.

– И в чём же дело? Почему не дать проект?

– А они, суки, Палычу отзыв плохой на работу дали.

– Хорошая работа?

– Работа-то говно, но чего козлить? Не нравится – вообще не присылайте.

– Понял, да мне на курсовой так, общий вид, описание какое-нибудь простенькое.

– Ладно, дадим, есть у нас вариант, для выставки готовили, там хрен кто разберётся.

Получив материалы, по номеру заказал в архиве через наш отдел две полных копии, одну себе для курсовой, другую отдал Кондратенко – он радовался как ребёнок.

С другой стороны, работа защищена патентом, а плыть в говно из-за отзыва – это как-то мелкогато, тем более что отзыв-то справедливый.

Тут надо понимать, что в советские времена законодательно всё, что ты понапридумывал в рабочее время, решая производственные задачи, считалось собственностью государства. Да, ты являлся автором устройства, технологии, химической формулы, но права на них принадлежали государству – по логике вождей – ты ж создал это, работая над государственными заданиями, трудясь на государственном предприятии и получая при этом деньги от государства. Поэтому в государственных интересах всё, что создал один, принадлежит всем, государство-то у нас народное, как народ го-

ворил: «Ты здесь хозяин, а не гость – тащи с завода каждый гвоздь». Считалось нормой написать письмо с просьбой об оказании технической помощи, и тебе выдавались необходимые чертежи и технологии, если, конечно, это не было гостайной. Собственно, поэтому внутри страны не было такой формы защиты авторского права, как патент, и формой защиты авторских прав в СССР являлось авторское свидетельство. По тем же причинам материальное вознаграждение авторам изобретений ограничивалось двумя процентами от экономического эффекта, полученного после внедрения изобретения, но не более десяти или двадцати (не помню точно) тысяч рублей по одному авторскому свидетельству.

Летом семьдесят четвёртого года сестра с мужем вернулись из Японии – у Жоры закончился срок командировки. Мы с Милкой и Мишкой снова переехали к теще, что нас, конечно, мало порадовало, но приятным бонусом к нашему переезду было приглашение со стороны сестры и зятя провести отпуск совместно с ними – прокатиться на машине по Союзу. Дело было в том, что Георгий по возвращении на родину сразу приобрёл машину, и не какую-нибудь, а «Волгу». Мы согласились сразу – проехаться на новой «Волге», посетив Ленинград, Прибалтику, Одессу – да об этом можно было только мечтать. На работе, чтобы уйти в отпуск не по графику, я соврал, что жене предложили на работе горящие путёвки, так поступали все и всегда, когда рабочий график отпусков не совпадал с личным. Начальство всегда понима-

ло, что его дурят, но закрывало глаза.

В последних числах июля ранним утром во дворе дома девяносто девять по проспекту Мира мы загрузили небольшой чемоданчик со своим барахлишком в необъятный багажник чёрной «Волги», где, кроме их внушительного саквояжа, лежали палатка, походный столик и четыре стульчика, запаска и куча прочего полезного хлама, сели в просторный автомобиль и рванули по Ленинградке по направлению к культурной столице.

Скоростной режим на дорогах был тогда несколько иным, Жора держал строго девяносто, решили остановиться по дороге в Новгороде, посмотрели кремль, заночевали, утром были в городе на Неве.

В силу специфики работы Гоши у него были знакомые во многих городах Союза, во всяком случае, поселили нас в «Европейской». Катька с Милкой сидели в машине, пока мы с Гутей (Гутя – это семейная кликуха Георгия) оформлялись, и полагая, что мы остановились вдвоём, нас с Жорой попытались снять гостиничные проститутки, но Жора жёстко пресёк вражеские поползновения.

В Ленинграде я был впервые, и до поездки, признаться, ни я, ни Людмила не ночевали в гостиницах ни разу, а уж попав в гостиничный номер со столетней историей, были поражены. Был он не очень комфортным, но впечатлял: старинная мебель, люстры, огромная ванная комната со стариной чугунной ванной в центре, светильники, ковры виды из окон.

На следующий день посетили Эрмитаж, потом поехали в Петергоф – красотища.

Утром третьего дня отправились в Эстонию, как таковых границ между республиками Союза не было, но разница была, прежде всего в отношении персонала к покупателю, задающему вопрос на русском языке. После пересечения условной границы остановились у небольшого сельского магазинчика, решили подкупить харчишек, ассортимент практически как в московском продмаге, названия практически всех товаров на эстонском, но всё понятно и без названий. Решил взять пиво, походил, нашёл полки, забитые пыльными бутылками чего-то, напоминающего по виду пиво, но не был уверен – в Москве пиво разбиралось быстро, пыльную бутылку на полке не увидишь. Взял бутылку, пошёл к кассе, показываю.

– Скажите, пожалуйста, это пиво?

Молодая девица примерно моего возраста сидит, молчит.

– This beer?

Смотрит на меня спокойными голубыми глазами и молчит. Взял наугад, оказалось всё-таки пиво.

Найти место в гостинице в Таллине не помогли даже связи Георгия, но русская баба в гостинице подсказала адресок в предместьях, там какая-то семья пускала на постой. Естественно, она брала деньги, но всё это делалось втихаря – частнопредпринимательская деятельность в СССР была запрещена. День прогуляли по Таллину, вечером поехали за

город.

Домик, который нам рекомендовали, был чудесный, в России так не строили – «французские» окна в пол, европейский, как я понял, дизайн жилища. Всё было здорово, но недёшево. Хозяйка была очарована Жорой – чёрная «Волга», пять лет в Японии. Жора вообще производил на людей хорошее впечатление, был эрудирован, мог поддержать любую беседу, был музыкален – играл на аккордеоне.

В Риге тоже мест в гостинице не оказалось – ночевали в палатке на берегу Даугавы, ловили, правда, безуспешно, рыбу. Под вечер слышали метрах в трёхстах треск ломающихся веток, стали наблюдать, минут через десять на берег вышел кабан и поплыл через реку.

В Вильнюсе, как и в Риге, мест в гостинице не оказалось, и мы двинули в направлении Минска, по дороге ночевали в какой-то гостинице, в которой было два отделения – мужское и женское, каждое коек на двадцать, правда, постояльцев, кроме нас, было человека три. В Минске остановились в гостинице «Интурист», современная, удобная, но впечатления большого на меня не произвела, признаться, и Минск на меня не произвёл впечатления. А вот за Минском остановились в каком-то чудесном бору, набрали маслят, Милка сварила чудесный супчик.

В Киеве друзья Георгия расстарались, поселили нас на Крещатике, в гостинице для депутатов верховного совета Украины. Дежурная по этажу в строгом деловом костюме во-

дила нас по номеру, объясняя, обращалась всегда ко мне, Милка, видно, на депутата верховного совета Украины не смахивала.

– Это комната, для посетителей.

– А зачем она мне?

– А где же посетители будут дожидаться приёма?

– Ах, ну да, ну да.

– Это Ваша приёмная, это рабочий кабинет, это комната секретаря.

После комнаты секретаря я стал ощущать себя как-то неуютно – это сколько же с меня слупят за эти хоромы, а дежурная продолжала бубнить:

– Это комната отдыха, это кухня-столовая – если захотите сами что-нибудь приготовить или разогреть, это Ваша спальня. Ресторан у нас на первом этаже, на пятом и девятом – буфеты-бары.

Поскольку мы устали в дороге, Георгий заказал ужин на четыре персоны в номер, всё это было для нас с Людой впервые.

Ночевали мы там одну ночь, утром собрались двинуться в сторону Одессы, Жора увидел, как погрузнело моё лицо, когда я услышал стоимость ночёвки, сказал:

– Я плачу, это моя инициатива была остановиться здесь.

Я пытался сопротивляться, но был не очень настойчив, ему удалось меня убедить. В нашем путешествии Георгий оплатил весь бензин. В гостиницах, за исключением этого

случая, мы платили за себя сами и участвовали в расходах на питание.

В Одессе мы провели неделю или больше, посетили Одесский театр, Привоз, позагорали, поплавали. Возвращались в Москву без остановок, доехали за один день.

У жены моей было пять школьных подруг, я видел всех, со всеми был знаком, у трёх был на свадьбе. Будучи ещё школьницами, они то ли дали клятву, то ли зарок или просто договорились, что когда они будут взрослыми, то будут отмечать все свои дни рожденья вместе в ресторанах. И какое-то время старались выполнять свой обет, по крайней мере, пока все не повыскакивали замуж.

Милка вышла замуж первой – поторопилась, дурёха, схватила слесарёнка – первое, что попало, и чего? Врун, болтун и хохотун нахального нрава, выпивоха, притом драчливый, из всех достоинств – роскошный чуб. Чуб вылез, а чем теперь хвастаться? Все подруги её отговаривали, так нет же, никого не послушалась, вляпалась всё ж таки, а впрочем, это её дела.

Подруга её лучшая Танюша потолковее на следующий год после Милки вышла замуж за Димку Мурзина. Димка-то не чета Милкиному шпанёнку – спортсмен, Московский энергетический институт закончил. Год на курсах по изучению французского языка – и привет, в Алжир укатили, вот это пацан, это я к чему? А, вспомнил – девки ж договорились в

ресторанах днюхи отмечать. Ну да, точно.

Мне поначалу понравилась эта их традиция, опять же повод в ресторанчик закатиться. Приходилось как-то поджидаться перед этими походами, с денежками у нас тогда швах был, но крутились как-то. Потом не скажу, что очень точно они свой график выполняли, так вот, как я сказал, поначалу мне казалось, что всё здорово. Но потом как-то стало мнение моё меняться, дело тут было в том, что подруги её незамужние поначалу приходили одни: то кто-то в ссоре с кавалером или ещё что-то такое же. Ну, казалось бы, какое мне дело? Оказалось, мне-то да, а вот подруге моей нет. Только я себе чего-нибудь в тарелку накидаю – всё ж таки в ресторане, надо как-то и перекусить – меня локтем в бочину.

– Потанцуй с Галей, она со своим парнем поссорилась.

Ну что тут сделаешь, приглашаю, оттанцевали, плюхнулся на своё место и за вилку, только прицелюсь – меня локтем в бочину.

– Потанцуй с Семей, она какая-то грустная сидит, – Семей они подругу свою звали Таньку Семёнову.

Иду танцую с Семей.

Потанцевали, пришёл, а мою тарелку уже упёрли, на столе горячее. Хрен с ним, думаю, сейчас я горяченького, смотрю, моя сидит, надулась, как мышь на крупу. Я ей:

– Ты чего надулась?

– Ты со всеми танцуешь, а меня ни разу не пригласил.

Нет, ну это как? А что женщине можно втолковать? Да

даже смысла нет.

– Ну что ты, любимая, пошли потанцуем.

Потанцевали, подхожу к столу – моё горячее упёрли, ну, мыслимое дело. Да на кой мне эти рестораны? Кто их выдумал? Клятвы они себе насочиняли, а я с голодным брюхом должен как Спиноза какой-то ногами фортеля выделявать.

Мало того, в те годы в любую забегаловку попасть было непросто, а в приличный ресторан – это вообще задачка была о-го-го. Приходилось придумывать ходы всякие. Как-то девки захотели в «Метрополь», пришли – очередь человек двадцать, как всегда, табличка «Мест нет», холодно, дверь закрыта, за стеклянной стеной швейцар прохаживается, поглядывает по сторонам. Не сунуться, попытаешься со швейцаром переговорить – кто-нибудь из толпы обязательно своё ухо всунет, не дадут пошептаться о размерах благодарности, устроят в лучшем случае хай, в худшем – мордобой.

Но попасть как-то надо, мужик я или где? Придумал, я как раз квартальную премию получил, думаю, хрен с ними, с деньгами. Встал чуть в стороне от входа, опёрся ладонью о стеклянную стену, стою картинно, вроде жду кого-то или просто так – притомился, под ладонью червонец, раскрытый к стеклу прижат. Думаю, чирик увидит обязательно. «Метрополь», конечно, ценник на всё – будь здоров, но чирик за вход – это по тем временам солидно даже для «Метрополя». Швейцар раз прошёл, другой, а потом смотрю – увидел, но реакция такая, благоразумная, не разглядывал в упор. Через

пару минут дверь приоткрыл чуть-чуть и пальчиком мне разок. Я юрк к нему, он шёпотком:

– Сколько вас?

– Пятеро.

– Жди.

И всё, дверь закрыта. Очередь даже не поняла, что произошло, я неторопливо иду в конец очереди к нашим девкам.

– Я сейчас снова к двери пойду, а вы будьте наготове. Как только дверь откроется, бегом ко мне и кричите: «Это мы, это мы». Понятно?

– Да, а как...

Не давая им ничего спрашивать, не до этого:

– Всё потом.

Вернулся, снова встал у двери, мельком глянул – швейцара нет, всё понятно, пошёл в зал договариваться, стою себе безучастно, вдаль гляжу. Очередь сначала напряглась, потом смотрит – ничего не происходит, расслабились. Вдруг дверь распахивается настежь, в дверях встаёт швейцар, я тут же рядом, а он громогласно произносит:

– Освободился столик на пять мест.

Девки мои бегут и кричат:

– Это мы, это мы.

Швейцар мне:

– Проходите.

Я встал спиной к очереди, девок своих запускаю, очередь не дура, сразу стали кооперироваться, кричат:

– Нас тоже пятеро, – но швейцара не обштопаешь, резонно им:

– Да вы ж только в очереди познакомились, а это столик для отдельной компании, – и дверь закрыл. Возьми его за рупь двадцать.

Была ещё история, пошли впятером: я с Милкой, Сёма, Галина и Танюха Мурзина задержалась в Москве, ей рожать надо было скоро, вот она и спровадила Димку в Алжир, а сама осталась в Москве – вроде бы, получается, как бы рожать, а выходит, что подлом крутить по ресторанам на поздних строках. Это ж какую силу бабы забрали: мужик денежку зарабатывает – бедуинов грамоте обучает, а она по кабакам эту денежку пропивает.

Так вот, сидим, я уже изнемогаю от танцев, как вдруг мне приходит в голову идея: а чего я так убиваюсь-то всё один и один? Надо взять и позвонить кому-нибудь из друзей – чего плохого на халяву посидеть в хорошем ресторане в хорошей компании, опять же две девки незамужние, может, и склеит кого-то. Вскочил, помчался к телефону, позвонил Мишке Кислакову.

– Миш, привет. Слушай, я тут с бабами в «Арагви» зависаю – одна моя жена, вторая слегка беременна, но две бабы незамужние, давай подгребай к нам, платить ни за что не нужно – за всё уплачено, не хватает только мужиков.

– Однако так всё классно, что я чувствую какой-то подвох.

– Да какой подвох, я один просто с четырьмя бабами охре-

нел, на такси деньги найдёшь?

– На такси, конечно, найду.

– Сколько тебе до «Арагви» по времени?

– Примерно с полчаса.

– Давай мухой, жду. На входе скажешь «к Олегу», я предупрежу.

– Ладно, жди.

Я подошёл к выходу, вручил швейцару трояк и предупредил, чтобы он, когда минут через сорок-пятьдесят к нему обратится человек и скажет, что он к Олегу, пропустил его, и тогда ему снова будет счастье, возможно, в размере трёх рублей. Глаза у привратника масляно заблестели – поди хило ниоткуда просто так трёха прилетела и ещё обещали.

– Всё исполним в лучшем виде, не извольте беспокоиться.

Окрылённый, я вернулся к столику.

– Девки, где-то через час приедет друг мой с работы, кстати, холостой, молодой и приглядный.

Всех баб моих с мест унесло как ураганом, пошли мазюкаться, даже изрядно беременная Танюха и моя Людка тоже туда же, пошла вавилоны на голове крутить. Сидел я блаженный около часа, через час десять стал дёргаться, через час двадцать пошёл звонить заново. Иду, себя уговаривая – наверно, такси не смог поймать, едет общественным, мол, послушаю длинные гудки, значит, он уже в дороге. В трубке, которую сняли сразу, услышал Мишкин голос:

– Алё.

– Ты охренел, что ли? Почему ты ещё дома?

– Алек, я не приеду, понимаешь стал свой гардероб шерстить – одно барахло, нечего надеть в приличный ресторан.

– Слушай, да кто тут глядеть будет на твой гардероб? Мужик нужен. Я тебя каждый день вижу на работе нормально одетым, вот так же одевайся и дуй сюда.

Мишка упёрся, мол, не может он являться в такой затрапезе в такую развесёлую компанию, так и не поехал, я думаю, зассал.

Возвращался я в препаршивом настроении, швейцар, евский меня глазами, когда я проходил мимо него к телефону, спросил:

– Так когда ожидаемая персона будет? Народ уже истомился, что это за фигура такая прибывает.

Я, махнув безнадёжно рукой:

– Отбой, фигура – дура, не смогла прибыть.

Швейцар, явно огорчённый таким развитием сюжета, пробурчал:

– А мы тут стараемся, всех расспрашиваем, кто к кому, да так лучше вообще ничем не заниматься, – и отправился к дверям.

Девчонки мои тоже поскучнели.

Интересно, что, когда все подружки Милкины повыскакивали замуж, ресторанные походы у нас практически прекратились.

По окончании проекта по металлопластмассовым втулкам Скворцов во время своего традиционного обхода отдела сказал мне:

– Олег, а ты уже придумал, что себе на дипломный проект взять?

– Да нет, Григорий Дмитриевич, пока не думал.

– Тогда я сделаю тебе предложение, очень интересная тема, для диплома это будет весьма солидно.

– Спасибо, Григорий Дмитриевич, а что это?

– Узнаешь скоро.

Через пару дней он позвал меня к своему столу, там уже находились Розен и Миньков. На столе лежали папка технического задания и небольшая схемка, на которой была изображена известная схема штамповки обтяжкой.

Мне растолковали, что я должен спроектировать устройство для штамповки, по схеме немного отличающееся от известной схемы штамповки обтяжкой, встраиваемое в большой листоштамповочный пресс и в качестве привода системы, растягивающее заготовку в процессе деформирования, необходимо использовать ползун прессы. Это было нужно для того, чтобы такие устройства использовать в массовом производстве автомобильных крыш. Руководителем темы, как мне объяснили, у меня будут не дорогие моему сердцу Георгий Михайлович и Гарри Моисеевич, а профессор, доктор технических наук МАМИ Анатолий Дмитриевич Матвеев.

Предполагаемая технология производства позволяла уменьшить толщину используемого проката, что, в свою очередь, позволяло существенно экономить на стоимости. Достигалось это за счёт того, что при деформировании материал заготовки нагартовывался – деформационно упрочнялся, за счёт чего возможно было получать изделия меньшего веса при тех же прочностных характеристиках.

Через неделю с небольшим я, ознакомившись с техническим заданием, набросал эскизный проект, о чём сообщил начальнику отдела, на что Гриша – между собой мы, пацаны, позволяли называть шефа Гришей – сказал:

– Жди.

Ждать пришлось недолго, на следующий день, когда я потихонечку чего-то дорисовывал на листе, я услышал за спиной какое-то замечание по своей конструкции. Оглянувшись, я увидел худощавого невысокого мужчину лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с портфелем, внимательно разглядывающего мои каракули. Я понял, что это и есть тот самый профессор, предложивший технологию, для которой я должен смастерить устройство. Поздоровались, побеседовали, я объяснил про нарисованное, что это только мысли, что они будут обрастать конкретикой, «мясом», принцип мне понятен, а вот конструкция пока не родилась, так, рентгеновский снимок чего-то малопонятного в утробе матери. Профессор, глядя на чертёж и как-то, как мне показалось, недовольно морщась, сделал пару каких-то замечаний, попрощался и по-

шёл беседовать с начальником отдела, как я понял, они были приятелями.

Прошло полмесяца, раз в неделю ко мне приезжали поочередно два профессорских аспиранта, смотрели мои картинки, им всё нравилось. Я клепал устройство, потихоньку углубляясь в дебри профессорского мышления, находя в техническом задании какие-то, как мне казалось, нестыковки, что, впрочем, относил к своей недостаточной квалификации.

Через три недели снова за спиной я услышал знакомый голос, требующий разъяснений по конструкции, которая стала потихонечку вырастать на склеенных листах ватмана. Я чувствовал лёгкое недовольство в его голосе, но я к этому привык, поначалу почти у всех начальников, с которыми я начинал что-то делать, было явное недовольство от бесед со мной – проскальзывало явное недоверие: что может напроектировать этот сопляк?

Мы побеседовали, он, опять не глядя на меня и как-то явно не принимая полностью мои разъяснения, но допуская их справедливость, поморщившись, кивнул и, отходя, указывая на стойки, на которых были размещены нижние клинья, обеспечивающие во взаимодействии с клиньями, закреплёнными на верхней плите, горизонтальное перемещение устройств, растягивающих заготовку, сказал:

– Увеличьте сечения, стойки должны быть жёсткими.

Надо сказать, прочность и жёсткость тяжело нагруженных

конструкций – это ключевые моменты, определяющие их работоспособность. Увеличение жёсткости элемента за счёт увеличения сечения – путь экстенсивный и, как правило, нереализуемый, конструктор всегда зажат весом устройств, пространством, в которое необходимо вписать создаваемое устройство, и массой сопутствующих факторов. Зачастую конструкции достаточно быть прочной, а недостаточную жёсткость возможно компенсировать различными конструкторскими решениями, причём такое решение я уже придумал и начал объяснять профессору:

– Стойки будут прочными, но мы... – недослушав меня, профессор, впервые повернувшись, сказал, жёстко чеканя каждое слово:

– Стойки должны быть жёсткими.

Попытки как-то объяснить ему мои принципы проектирования элементов устройств профессор пресёк, умудрившись, притом, что он был ниже меня сантиметров на десять, посмотреть на меня сверху вниз:

– Вы мне будете рассказывать про прочность и жёсткость? Стойки должны быть жёсткими.

Я открыл рот, но такое вольтерьянство возмутило профессора до предела, и он полугалопом умчался к начальнику отдела. В силу того, что руководитель наш сидел в углу нашего зала, разговор не получился приватным, профессор кричал:

– Гриша, ты кого мне подсунул?

– Толь, что случилось-то?

– Слушай, этот сопляк вчера институт закончил и мне объясняет, что и как должно выглядеть в моём устройстве.

– Толь, он институт ещё не кончил, на пятом курсе учится, но паренёк толковый, он тебе всё правильно нарисует, будешь доволен.

Услышав, что его установку доверили неучу-пятикурснику, профессор, поперхнувшись, еле просипел:

– Пяти... пятикурсник... Я ж тебя просил, чтобы ты кого-нибудь из лучших дал. Это же серьёзная машина, а ты мне недоучку подсунул.

– Толь, а кого я тебе дам? Колин сейчас зам мой, вдобавок на нём висит сопровождение изготовления линии К1-Д, Добрятов полностью КАМАЗ тащит, а из оставшихся он лучший. Да я тебе говорю, он всё тебе нарисует в лучшем виде.

Разговор прервался, послышались шаги быстро удаляющегося профессора, хлопнула дверь.

Послышался голос Григория Дмитриевича:

– Олег, подойди, – я подошел к столу начальника. – Садись, рассказывай, что там у вас происходит.

Выслушав мой подробный рассказ о моём общении с профессором, Скворцов спросил:

– Ты уверен, всё точно рассчитал?

– Абсолютно.

– Ладно, иди работай, позови ко мне Розена с Миньковым.

На следующий день во время обхода Григорий Дмитриевич подошёл ко мне, постоял, посмотрел на начинающее выползать на ватман устройство, чуть наклонился ко мне и негромко сказал:

– Работай спокойно, не хватало ещё, чтобы нас технологи конструировать учили.

Плечи мои распрямились, грудь надулась колесом, я понял – я попал в ранг Конструкторов. Я работал, но мне не хватало общения с автором технологии, а общение с его аспирантами вводило меня в смятение, их разъяснения мало того что не совпадали с текстом технического задания, но местами просто не совпадали с технологией, такой, какой я её представлял. Стало понятно, что без общения с профессором можно наломать дров, и я, раздобыв у Григория Дмитриевича его рабочий телефон позвонил, но увы. Услышав мой голос, профессор положил трубку. Стало понятно – восток – дело тонкое, надо вычислить, как его брать.

Переговорив с аспирантами, я узнал, что по субботам профессор любит в одиночку посидеть на кафедре поработать, и понял – брать доктора наук надо через печную трубу.

В ближайшую субботу я был на кафедре обработки давлением МАМИ, разузнал, в каком кабинете работает доктор наук, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, впёрся. Увидев меня, профессор неприязненно сказал:

– Извините, но я не смогу Вас сегодня принять.

Я предполагал, что встреча будет именно такой, поэтому

тщательно подготовился.

– Да у меня дел на тридцать секунд, просто уточнить кое-что по техническому заданию.

– Поговорите с моими аспирантами они на кафедре.

– Да я так и собирался, но их нет, а в понедельник эскизный сдавать, Григорий Дмитриевич просил.

Это было враньё, никакой эскизный сдавать не надо было, и Скворцов ни о чём не просил, но в силу небольшого лимита запрашиваемого мною времени я был уверен, что звонить и уточнять он ничего не будет.

Профессор поднялся из-за стола, вышел из кабинета – дверь выходила прямо в лабораторию, пробыл там минут пять, явился ещё более раздражённым.

– Весь день болтаются без дела, как понадобились – их нет, – всё так и было, болтались, возможно, без дела, а впрочем, кто знает, может, и по делу, но по нашей договорённости при моём появлении они смылились, пообещав мне гарантированное тридцатиминутное отсутствие, за что я встречно пообещал им ноль пять армянского.

– Ну давайте, что там у Вас, только быстро.

– Анатолий Дмитриевич! Вот Вы пишете, – тут я, чётко артикулируя, повторил по памяти одно из положений технического задания. Наконец-то у профессора Матвеева появилась обоснованная возможность объяснить мне, какой я болван, не способный даже прочитать то, что изложено в документе, что он и сделал, заявив:

– Вы либо не читали технического задания, либо вообще не понимаете того, что там написано.

Изложив всё, что он хотел сказать, профессор слегка успокоился, откинулся на стуле, ожидая моей реакции. Реакция моя была спокойной: моей целью было не поругаться или поспорить – нужно было начать разговаривать.

– Скажите, это Ваша подпись?

Я показал профессору его подпись в конце технического задания, он подтвердил:

– Да, моя.

Тогда я показал титульный лист с названием установки, на которую было составлено техническое задание, раскрыл её и показал первую страницу, с подчёркнутой фразой, только что процитированной мной. Взяв в руки брошюру, профессор стал читать своё техническое задание. По мере чтения на его лице стало появляться выражение явного недоумения. Отвлёкшись на секунду, глянул на меня и сказал:

– Садись, чего стоишь.

Читая, снова стал распаляться, но гнев его был направлен в сторону аспирантов:

– Бараны, ничего поручить нельзя, что дай, всё запорют или перепутают.

Закончив читать, вскочил с кресла и выбежал в коридор, я понял – побежал искать аспирантов, не найдя, вернулся, сел в кресло, посмотрел на меня уже спокойными глазами и сказал:

– Ну, это наша вина, мы всё исправим, у Вас ещё что-нибудь?

– Да, мне нужно с Вами поговорить.

– Ну что ж, давайте попробуем.

Я начал беседу с тех самых стоек, которые вызвали его гнев, и объяснил свою позицию, что достигнуть абсолютной жёсткости мы не сможем – стойки будут упруго пружинить, но нас это не должно беспокоить, мы просто учтём величину упругих деформаций при настройке.

Профессор ответил:

– Ну, хорошо, стойки будут упруго деформироваться, согласен, в принципе это не страшно, но как Вы бороться с этим будете?

– Путь один – встроить устройство, которое позволит компенсировать упругие деформации, я думаю поставить плавающую опору, проблема только с её креплением к верхней плите, но, когда дойдёт до её проектирования, я придумаю.

– Поставить плавающую опору – это первое, что пришло и нам в головы, да только что-то она у нас никак туда не ставится. Мы не смогли придумать.

– Даже не волнуйтесь, всё будет в лучшем виде.

Моё нахальство явно развеселило Анатолия Дмитриевича. Он потёр руки и спросил:

– Ну, хорошо, отложим это пока в сторону, а давайте, если у Вас есть время, по другим узелкам пробежимся.

Есть ли у меня время? Да у меня его вагон, я ж только за

этим и приехал – поговорить. Через час в дверь сунулись аспиранты, профессор махнул рукой, чтоб не мешались, и мы продолжили. Наговорились мы всласть, просидели часа три над моими набросками, доктор перестал вспоминать моё отчество и стал, как Скворцов, называть меня Олегом. А я не в претензии, мне так комфортнее, не люблю я этот официоз, и потом, как ни назовут – лишь бы в печь не угодить. С кипящим слоем.

Прощаясь, Анатолий Дмитриевич оторвал листочек бумаги от технического задания, записал на нём свой домашний телефон и отдал мне.

– Вы же, Олег, понимаете, что мы, профессора, птицы вольные, хотя на работе и немало времени проводим, но у телефона нас застать непросто, если будут вопросы, звоните на домашний, до девяти вечера я в Вашем распоряжении.

Уходил я с лёгким сердцем, все мои вопросы были сняты – да и вообще, нормальный мужик, можно работать.

Перед последним экзаменом в Технилище стояли курили в толпе курящих студентов и преподав рядом с кафедрой, Кондрат, увидев меня, поинтересовался:

– Алик, как твои дела? Как с учёбой?

– Хреново, Владимир Григорьевич.

– А что случилось?

– Да вот, у Станислава Михайловича никак зачёт не могу получить.

Станислав Михайлович стоял дымил рядом, он читал нам курс «Основы проектирования цехов и заводов». Судя по материалу, проектировать что-либо подобное ему не приходилось, и он не очень представлял, как это вообще происходит. Курс был забит уймой абсолютно бесполезного для проектировщика материала, каких-то обрывочных знаний, которые, возможно, и были бы полезны, если бы имели связь друг с другом. Конечно, курс его можно было тупо выучить, но этому противился мой, хочется сказать «интеллект», но опасаясь: а вдруг его нет или друзья ржать начнут, поэтому скажу «мой характер». Из полезного я там нашёл только данные в одной инструкции по охране труда.

Кондратенко повернулся к Станиславу Михайловичу, который, услышав такую подставу, закончил смолить и явно собрался ретироваться. Кондрат с возмущением произнёс:

– Ты что, Стасик, такому хорошему парню по своей занюханной дисциплине зачет не ставишь? Да ты сам там не разберёшься, хлама всякого натолкал, я тебе уже говорил об этом на последней кафедре, а парень цех полностью автоматизированный спроектировал, его в Кинешме будут монтировать. Ты смотри, я поинтересуюсь, как он тебе сдаст зачёт.

Михалыч от такого наезда чуть окурок не проглотил, я стоял, не зная, куда бы мне скрыться. Когда Кондрат ушёл, Станислав Михайлович сказал мне негромко:

– Отойдем.

Мы зашли на кафедру, студенты в зале первого этажа про-

водили лабораторную работу, Станислав Михайлович бесцеремонно отодвинул тетрадь студента, поставил портфель, покопался в нём, достал ведомость, нашёл в ней мою фамилию, поставил, напротив неё «хорошо» – зачёт был с оценкой, спросил:

– Зачётка с собой?

Я достал зачётку, он взял её, проставил оценку, вернул зачётку и, не прощаясь, ушёл. Ну вот же, а говорят, что курить вредно!

После окончания последней сессии я снова взялся за проектирование установки для растяжения и через пару недель понял, что совместить рабочее проектирование и дипломный проект – это дело с непрогнозируемым результатом. Конечно, если упереться рогом, то можно было бы попробовать, загнать себя напрочь, лечь костыми и сделать это, но зачем? Я знал, что сдача устройства запланирована на конец года, и зачем мне анус рвать, когда наше родное государство мне, дипломнику, даёт аж четырёхмесячный преддипломный отпуск? Оплачивался он, правда, хилогато, сто рублей в месяц, но это же халява, значит, надо брать, будет ли у меня ещё шанс так посачковать?

Я попытался объяснить руководству, что до конца года я всё успею, но сначала я слеплю себе простенький дипломчик, а сделав это, закончу установку, но руководство восприняло мои планы как измену Родине. Я пытался как-то объ-

ясниться, что в одну телегу впрячь не можно коня рабочего проекта и трепетную лань диплома, но безуспешно. Стало ясно, что у руководства свои планы, которые реально могут задержать окончание моего образования в высшей школе, и я подал заявление на отпуск. Уходя, я прошёл сквозь строй своих руководителей, которым я горячо симпатизировал и симпатизирую до сих пор, шёл, ощущая на спине шпигулы их взглядов, но что тут поделаешь, своя рубашка, своя жизнь, свои планы – они всё ж таки ближе и к телу, и к душе, и, главное, к жизни.

А Анатолий Дмитриевич меня понял, выслушав, сказал безапелляционно:

– И нечего говорить, диплом – такое дело, уходи в отпуск и никого не слушай. Будет у тебя ещё время, а потом, может, успеешь к концу, внесёшь то, что придумал, а нет – значит, мы с тобой ошиблись.

Какое счастливое время у меня началось – пять с половиной лет непрерывной молотьбы и вдруг четыре месяца сплошной неги, было полное ощущение, что я лежу на спине в тёплой ванне или в океане и вода влечёт меня тихонько. Диплом я накропал недели за две-три, потом помог Борьке Илькину, мне это было в удовольствие, ездил на консультации, играл с Мишкой, помогал жене – семья увидела отца и мужа.

Жили мы у тётчи с тестем, как-то весной Милка была на работе, Мишка – в детском саду, а я сидел в нашей комнате,

писал пояснительную записку к диплому и невзначай услышал обрывок разговора тёщи с младшей дочерью, моей свояченицей. Танюша говорила негромко, но тёща была на нерве и довольно громко спросила:

– Таня, ты была с ним близка?

Танюшка что-то негромко ответила, ответила и Лидия Ивановна, практически прокричала свой вопрос повторно. Ситуация становилась весьма неловкой, я прикрыл дверь и не выходил из комнаты до прихода Людмилы.

Вечером, когда появилась Милка, я сообщил ей новость:

– Милк, Танюха наша, похоже, залетела.

– Как залетела, что ты имеешь в виду?

– Как залетают, что ты, ей-богу, как маленькая, похоже, забеременела.

Меня чуть было не отхлестали по щекам и объяснили мне, что я мерзейший тип, выдумывающий всякие гадости про её сестру, что она не понимает, как она смогла связать жизнь с таким подонком, и рассказала мне много чего ещё такого, что я не знал о себе.

Говорила она негромко, но с большим чувством, но тут в дверь негромко постучали, после чего дверь приоткрылась, в щель просунулась тёща и сказала:

– Мил, можно тебя на минуточку?

Людмила ушла на кухню шептаться с тёщей, а я, ошарашенный её напором, попытался продолжить работу над дипломом.

Минут через сорок в дверь вошла притихшая супружница и сказала:

– Алек, прости меня, пожалуйста, не сердись, ты прав, Танюша ждёт ребёнка.

А я и не сердился – разволновалась, всё ж таки сестра, причём младшая – девчонке нет восемнадцати, но что уж тут такого небывалого, дело житейское. Рассказала, что с парнем своим они познакомились на подготовительных курсах в институт, он ещё моложе её, в общем, надо ждать пополнения, что будет дальше, пока неясно.

Перед защитой решил текстовую часть диплома переплести, благо тёща моя – Лидия Ивановна – работала в Гознаке. Когда принёс ей пачку листов, тёща деловито предложила:

– В кожу переплету, у меня на складе на остатке есть – недавно орденские книжки печатали, коричневая, красиво будет.

– Да Вы что, Лидия Ивановна, не тот случай. Мне так, какой-нибудь скромный кожзам.

Кожзам тоже оказался не очень скромным – выглядел как натуральная кожа, выкрашенная в тёмно-красный цвет с какими-то чёрными разводами, но времени на переделку и желания что-то переделывать уже не было.

Подписывал дипломы завкафедрой – Попов Евгений Александрович, взяв в руки папку, он покрутил её в руках и обратился к сидящему напротив него профессору Овчин-

никову:

– Видал, что теперь дипломники творят, смотри, как богато оформлена.

Овчинников, улыбаясь, ответил:

– Вечерники, они же богатые ребята.

Я стоял, ощущая себя полным болваном, пробормотал:

– Да у меня тёща в типографии Гознака работает.

Евгений Александрович открыл диплом, прочитал название «Установка для штамповки вытяжкой с растяжением» и заинтересовано произнёс:

– Интересно, интересно, ну-ка, поглядим, – и стал листать папку. Дойдя до схемы установки, произнёс:

– А, обтяжка, – и, не листая пояснительную записку до конца, расписался.

Я попытался подискутировать с ним, лоббируя идеи Матвеева по разнице обтяжки и вытяжки с растяжением, но Попов улыбнулся и ответил, возвращая мне папку:

– Да я в курсе всех Толиных идей, беги уже, на защите всё расскажешь, если кто не поверит.

Защищались мы все где-то в середине мая, на защите все поверили, точнее, всем было по барабану. Правда, выскочил какой-то приглашённый, не мвтушный, стал горячо трясти мне руку, заявив:

– Очень ждём Вашу установку, нужна в промышленности.

Наверно, принял граммов сто пятьдесят, скучно же сидеть весь день, когда на улице лето в разгаре.

По окончании всех защит решили скинуться и отметить окончание вуза в ресторане, пригласив всех преподавателей кафедры, которые вели у нас занятия, и завкафедрой. Однокашница наша – Галина Линёва, работающая инструктором в райкоме партии, – заказала банкет в ресторане «Мир», находящемся в здании СЭВ на Калининском. Преподаватели пришли в полном составе, место во главе стола – место заведующего кафедрой – поначалу пустовало, но потом появился Евгений Александрович Попов, занял полагающееся его, сказал очень тёплые слова о нашей группе, пожелал, как полагается, успехов и прочее. Все мы выстроились в очередь чокнуться бокалом и услышать напутствие, посидев с нами часа полтора, Евгений Александрович, не прощаясь, ушёл. Преподы наши расслабились, мы тоже, пошли тосты за любимых преподавателей, подняли тосты за всех сидящих за столом и за тех, кого не было, но как-то так получилось, что про Стаса Колесникова никто тёплых слов не сказал, не знаю почему. Скорее всего, не нравился он никому. У каждого была причина – меня, злодей, с зачётом мурыжил, у остальных, наверно, тоже были причины, не знаю, что и как, а вот не любили его в группе и всё.

Михалыча это, видно, как-то задело, и он, уже изрядно подпив, решил всё же услышать что-нибудь хорошее о себе, сказал:

– Ну а что вы скажете обо мне, я вам как, в смысле как преподаватель и вообще?

Обратился он ко всем сидящим, но его мало кто услышал, было шумно, все разделились на группы, шум, гам, кто-то чокался с кем-то, смеялись, вспоминая всякие забавные случаи, но так получилось, причём совершенно случайно, прямо напротив него сидел Игорь Георгиевский – наверно, единственный из нас человек, который его не просто не любил, а люто ненавидел. Дело было в том, что на втором курсе Станислав Михайлович Колесников был замдеком в вечернем деканате, и Игорь обращался к нему с просьбой о переводе на другой факультет, и Стас не отпустил его. Причём уходили ребята и в другие институты, и на другие факультеты, а у Игоря облом. Очень Игоряша обиделся, но что поделаешь, так и доучился по чужой специальности. Услышав вопрос, Игорь недобро посмотрел на своего обидчика.

– Хочешь узнать, кто ты?

– Да, кто я, по-вашему?

– Ты говно.

Притихли, половина стола стала молча наблюдать за развитием сюжета, доцент Колесников молча обдумывал свой выпад, и когда все уже расслабились, решив, что ответной эскапады ждать не стоит, произнёс:

– Тогда ты тоже говно.

Вечер перестал быть томным, Игорь Георгиевский встал, надо сказать, что это был не мелкий парень и, как выяснилось, чертовски крепкий, и пошёл неспешно вокруг стола, наверно, не только я с ужасом представил, что сейчас на бан-

кете по поводу окончания дважды орденоносного вуза выпускник намнёт глаз преподавателю. Все парни, и я в том числе, поочерёдно вставали перед Игорем, но он без усилий сдвигал каждого из нас в сторону, действуя правой рукой как автоматической железнодорожной стрелкой, выручил Борис Илькин – наша коллективная совесть, он, встав на пути, сказал:

– Я тебе говорю: ты дальше меня не пройдёшь ни шага, – Игорь остановился, поглядел на Борьку, обнял его.

– Борис, только ради тебя.

Бориса любили в группе все – прямой, без понтов, честный, откровенный.

Они обнялись, Борис пошёл вместе с ним до его места, поменялся с сидящим рядом с Георгиевским местами и так и сидел там до конца банкета.

Взглянув на Колесникова, а он, напугавшись и не зная, куда спрятаться, спрятался за собственными очками. Было ощущение, что его очки парят в воздухе сами по себе, лицо приняло цвет стены за его спиной, фигура слилась со стулом – доцент растворился. Но, приняв еще чуть-чуть, приободрился и даже попытался вернуть какую-то колкость в отношении Игоря, но его жёстко остановил Кондрат.

Через полчаса всё забылось, вечер плавно потёк дальше, досидели до закрытия, отвергли все поползновения доцентов поучаствовать в оплате банкета, расцеловались с ними и стали думать, что предпринять дальше. Кто-то предложил

прогуляться по Москве, пошли все, искали свободную лавочку – присесть отдохнуть, нашли таковую только у памятника Ивану Фёдорову напротив «Детского мира», чему удивляться – 25 мая. Последний звонок.

Домой заявился часов в шесть утра, мы уже переехали в «Огонёк», дверь открыла мама.

– Ты где был?

– Да у нас же банкет был по случаю окончания института.

– Но ведь ресторан в двенадцать закрывается.

– Решили прогуляться, потом сидели на лавочке у Ивана Фёдорова, разговаривали.

– А что, у него никого не было дома?

Через пару дней вышел на работу, сдал копию диплома в отдел кадров, подошёл к начальнику отдела поздороваться. Григорий Дмитриевич поздравил с окончанием института и спросил:

– Копию диплома в ОК занес?

– А как же.

– С первого июня сто пятьдесят и первая категория.

Подошёл к Гарри Моисеевичу, он заканчивал установку. Стал смотреть и понял, что проектируют они её в соответствии с первой схемой, предложенной МАМИ, которую я забраковал напрочь. Спросил:

– Гарри Моисеевич, ведь мы же обсуждали её, не будет работать.

– Алек, я дополнил её лубрикаторм, авось протащит.

Лубрикатор⁷ – дело полезное, но помогает оно только когда поверхности гарантированно соприкасаются поверхностями, а у нас этого не было и в помине.

– А что Матвеев-то говорит? Он же согласился со мной.

– А он вообще ходить перестал, только аспиранты его приезжают, а от них толку – сам помнишь.

Разобрав по элементам работоспособность конструкции, я выразил сомнение в том, что есть смысл её заканчивать и тем более изготавливать в металле. Суть-то в том, что она работать будет, но постоянно придётся заменять основные элементы, придётся делать дублёры, часто менять, а в массовом производстве всё это не годится. Гарри Моисеевич со всем согласился, он был хороший конструктор, понимал всё – не знал, как сделать. Спросил:

– Продолжишь?

– Сочту за честь.

– Ну, давай, покажи, что можешь.

Показать получилось, но не быстро, провозился я месяца два, закрепить шаровую плавающую опору на верхней плите, как я планировал, не удалось. Профессор Матвеев говорил, что они думали, как это сделать, но не придумали – так что за беда, закрепил её на нижней, поместив прямо на плоскость, по которой она должна была скользить. Почему нет? Для того чтобы она приходила в исходное положение перед каждым циклом, пришлось ввести пневмоприводы, развя-

⁷ Лубрикатор – устройство для смазки трущихся поверхностей.

зять клинья, сделав их плавающими, в общем, всё, что народ напроектовал в моё отсутствие, пришлось выкинуть в корзину, за исключением лубриката – это было правильно, лубрикат – при больших нагрузках вещь хорошая.

Через месяц услышал за спиной знакомое покашливание – появился профессор Матвеев.

– Анатолий Дмитриевич, что-то Вы совсем нас забыли.

– Да мы ж с тобой люди занятые – ты на дипломе загорал четыре месяца, я вот на практике со студентами на Жигулёвском море загорал. Тебя поздравить можно?

– Да, получил корочки.

– Молодец, ну, давай, не томи, показывай, что придумал.

Все мои новации Анатолий Дмитриевич одобрил полностью.

После того как главные узлы были спроектированы, проект стал обрастать участниками. Дело в том, что по итогам внедрения штамповки только одной детали была ощутимая экономия металла, а крыш автомобилей всех видов: тракторов, автобусов и прочего, – в родной стране не счесть, и дело запахло возможностью изрядно заработать по результатам внедрения.

Первым местом, где мы собирались внедрить наше устройство, выбрали АЗЛК, руководитель кузнечнопрессового производства готов был ввязаться в нашу авантюру. Конструкторские решения решили защитить, в итоге в полученном авторском свидетельстве на изобретение оказалось

десять человек. Первым был, как полагается, автор, то есть я, вторым вполне заслуженно – Гарри Моисеевич как руководитель группы, третьим – Лёшка Самин, он спроектировал лубрикатор и сделал все деталировки, четвёртый – Носовецкий Исаак Маркович, руководитель группы технологов отдела – помню, что-то умное говорил, пятый – Розен Георгий Михайлович, начальник нашего сектора, шестой – Володя Никифоров, это ж с. н. с. лаборатории обработки давлением наш, по-любому, мужик отличный, опять же «Запорожец» купил – может, пригодится, седьмой – Скворцов Григорий Дмитриевич, всех нас начальник и хороший человек, нехорошо его седьмым, ладно, не мне решать, восьмой – Матвеев Анатолий Дмитриевич, ну это да, идея-то технологическая его, не было бы идеи – и чего изобретать? Он деятельно принимал участие во всех этапах проектирования, опять же доктор технических наук, и по логике должен быть вторым, но не мне решать. Девятый – Кулагин Анатолий Фёдорович, один из аспирантов Матвеева, наверно, для диссера было нужно, а не жалко, ну а десятый – это, извините, прошу всех встать, доктор наук Матвеев и кандидат Скворцов могут приветствовать сидя – это начальник кузнечно-прессового производства АЗЛК имени Ленинского комсомола, на минуточку, сам Табачников Владимир Яковлевич.

В ноябре устройство наше было принято институтской комиссией, я ж обещал, что к концу года успею – и чего было так психовать?

Чертежи были переданы и поставлены в план первого квартала 1976 года в инструментальном цехе АЗЛК на изготовление с протекции начальника кузнечнопрессового производства Табачникова Владимира Яковлевича, предстояла интереснейшая работа по отладке и внедрению, но...

В очередной раз судьба дала мне возможность резко поменять свою жизнь. Как написал Игорь Северянин: было все очень просто, было все очень мило – мне позвонил Владимир Григорьевич Кондратенко:

– Олег, добрый вечер, это Кондратенко беспокоит, помнишь ещё такого?

– Обижаете, Владимир Григорьевич, как я могу, Вы ж практически мой крёстный.

– Да, не без этого. Слушай, у меня к тебе разговор есть, не мог бы ты ко мне подъехать на кафедру?

– Да какие проблемы, когда, во сколько?

– Завтра, например, часам к шести вечера.

– Буду.

– До встречи.

– До свиданья.

Я решил, что Кондрату нужна опять какая-нибудь разработка – почему не помочь, потом, приятно побывать на родной кафедре.

В урочный час я сидел напротив Кондрата.

– Олег, у нас на факультете есть кафедра технологии машиностроения – АМ 13, она состоит из четырёх секций по

основным технологическим переходам: кузнецы, сварщики, литьё и резание, в секцию обработки давлением требуется старший инженер. Они попросили, чтобы я им кого-то порекомендовал из наших выпускников. Поработаешь инженером, через пару лет ставка преподавательская освободится, кто-нибудь в Алжир уедет или перейдёт на другую работу – ты ассистент. Потом, я же тебя знаю, будешь научной работой заниматься – защитишься, станешь кандидатом. Ты сейчас сколько получаешь?

– Сто пятьдесят.

– Ну вот, а тут ты через три-четыре года ассистент к. т. н., а это с нисом⁸ двести восемьдесят, через пять лет доцент, а доцент с десятилетним стажем – это четыреста пятьдесят. Потом работа тоже интересная – студентов учить будешь и наукой заниматься, подумай.

– Владимир Григорьевич, всё это очень неожиданно, мне нужно подумать. Потом, у меня очень интересная тема сейчас в НИИТавтопроме, в принципе я её закончил, но у неё весьма большие перспективы.

– Понимаю, это всегда сложно. Думай, сколько тебе нужно времени?

– Неделю.

– Хорошо, я поговорю, неделю тебя подождут. Хорошенько всё обмозгуй, я буду рад, если ты придёшь на работу в дружественную нам секцию.

⁸ НИС – научно-исследовательский сектор.

Я вышел из кабинета, ошеломлённый свалившимся предложением и открывающимися передо мной перспективами. Масла в огонь подлила Ирка Авдеева, моя сокурсница, которая на последних курсах перешла работать на кафедру, узнав о нашей беседе, спросила:

– И ты ещё думаешь?

Затем она в ещё более превосходных степенях рассказала мне о преимуществах работы в стенах училища, учреждённого в 1826 году вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной.

Я мучительно размышлял, как мне поступить, и не мог принять решение. Мне очень хорошо работалось в НИИТавтопроме, нравилось то, что руководство наше не боялось доверять молодёжи работу на вырост, не боялись, что мы не справимся, давало свободу в рабочих действиях и конструкторской мысли, не было сильно зашорено коммунистическими лозунгами и традициями, то есть понимало, что при расчёте устойчивости стержня для определения критической силы ответы нужно искать в формуле Эйлера, а не в решениях последнего пленума ЦК КПСС, оценивало сотрудников прежде всего по их результативности, а не по партийности, что было нечастым явлением для тех времён.

С другой стороны, я, наверно, как любой работающий в коллективе, считал, что меня недооценивают в материальном смысле. Да любому сотруднику, проработавшему три года на своей хилой должностёнке, добавят червонец по фак-

ту окончания вуза, да вот только не любой на этой самой должности за эти три года станет фактическим руководителем трёх крупных для института тем, применив технические решения, которые будут признаны изобретениями. Так что чирик, которым был отмечен мой трёхлетний рабочий юбилей, меня скорее огорчил, чем порадовал, но при этом я не заморачивался, не заикливался на материальной стороне – я понимал: всё ж только начинается.

А что будет, когда я начну работать в Технилище? Звучит всё заманчиво, но, как известно, гладко было на бумаге... Легко сказать – заниматься наукой, а выйдет ли, в то же время горизонт пошире, и в случае удачи зарплата повыше. Всё так, но, как известно, курочка в гнезде... А может быть, это не курочка будет, а жареный петушок?

Решил посоветоваться с Александром Добрятовым, он был мужик очень толковый, системный, методичный, мог всё разложить по полочкам, и рассказал всё, Саша, выслушав, ответил:

– При любом раскладе ты что-то потеряешь и что-то приобретёшь, и ты, судя по всему, хорошо это представляешь. Но на весы это не положишь, не взвесишь, поэтому просто подумай: а чего тебе хочется?

Я подумал и понял, что мне всё же хочется попробовать, и позвонил Владимиру Григорьевичу:

– Владимир Григорьевич добрый вечер.

– Привет, Олег, ну что, надумал?

– Решил попробовать, может быть, что-то получится.

– Молодец, правильно решил, всё получится. Ты из дома звонишь?

– Да.

– Я тебе перезвоню минут через десять.

Через десять минут я снова услышал в трубке голос Кондратенко:

– Алек, а ты сможешь завтра подъехать на кафедру к двум часам?

– Смогу, конечно.

– Ну, тогда до завтра.

В два часа следующего дня я зашёл к Кондратенко, и мы отправились в секцию обработки давлением кафедры АМ 13 на встречу с моим потенциальным руководителем.

Вход в помещение секции был со двора Технилица, войдя в дверь, мы поднялись по стальной сварной лестнице наверх. Помещение было мне знакомо, в бытность свою ещё студентом Володька Павлов приводил нас сюда пару раз выпить, когда мы отваливали с занятий пораньше. Он работал на этой кафедре учебным мастером и уволился после окончания института.

Владимир Григорьевич подвёл меня к одиноко сидящему в правом дальнем углу мужику, представил нас друг другу, после чего сказал:

– Ну, вы тут побеседуйте без меня, а у меня дела на кафедре, – уходя, повернувшись, он сказал:

– Коль, позвони мне, как закончите беседу, мне интересно, как договоритесь.

Заведующим секции, куда я собирался влиться, был невысокий мужчина, приветливый, доброжелательный, звали его Николаем Ивановичем. Я кратко рассказал, что работал слесарем, поступил на вечерний, пока учился на вечернем, работал конструктором штампов в ВПТИ Тяжмаш, потом занимался примерно тем же в заводском техотделе, сейчас работаю инженером-конструктором первой категории в НИИ-Тавтопроме. Николай Иванович поинтересовался:

– А сколько Вы зарабатываете?

– Сто пятьдесят рублей и квартальные премии, но они небольшие.

– А небольшие – это сколько?

– Рублей пятнадцать-двадцать.

– Вы нас устраиваете, опыт у Вас есть, это хорошо, особенно Ваш слесарный опыт пригодится. Это я шучу, но у нас ставка старшего инженера с окладом – сто сорок рублей. Правда, я думаю, месяца через три, если Вы примете решение к нам перейти, мы сможем вам оформить почасовую, будете в качестве преподавателя проводить лабораторные занятия со студентами. Это ещё рублей двадцать-сорок.

– Я согласен, меня это устроит.

– Отлично, ну, тогда по рукам.

Мы пожали друг другу руки, Николай Иванович спросил:

– А когда Вы сможете выйти к нам на работу.

– Если завтра подам заявление, то через месяц, раньше не отпустят.

Николай Иванович снял трубку, набрал номер и сказал:

– Володь, спасибо, что хорошего парня мне привёл.

Мы попрощались, и я поехал на работу.

Реакция Скворцова на моё заявление об уходе была сродни той, которая была, когда я, не отработав в отделе и месяца, сообщил ему, что на меня придёт бумага из милиции о том, что распивал в неподобающем месте. Григорий Дмитриевич кричал на весь отдел:

– Да куда ты пойдёшь? Да ты представляешь, что там происходит? Сидят они там годами – и никакого толку. Не работают, а ерундой только занимаются. Да ты здесь быстрее кандидатом станешь, вот, смотри, я-то защитился по совокупности работ. Это точно, где-то год назад он защитился – принес на учёный совет пару своих книг, мы в отделе нарисовали ему пяток листьев по его эскизам, и порядок, правда на момент защиты ему исполнилось шестьдесят. Да ты только в грудь воздуха набрал, уйдёшь – всё потеряешь.

Гарри Моисеевич тоже меня отговаривал:

– Алек, Вы хороший конструктор, просто очень хороший. Можете вырасти в главного конструктора, а вы уверены, что в науке у вас получится?

– Нет, Гарри Моисеевич.

– Ну, вот видите, а зачем же Вы уходите, какой смысл рисковать? Здесь у Вас всё получается.

– Хочу попробовать.

Он развёл руками.

Установка моя была в производстве, ничего серьёзного за месяц я наклепать не мог, и, чтобы я не слонялся без дела, меня посадили детализовать чьё-то изделие. На Скворцова я не обижался, понимал, что он рассчитывал, что за месяц я, возможно, одумаюсь, или ему удастся меня отговорить.

Но посадить меня детализовать было большой ошибкой, так получилось, что детализовать мне пришлось только в первые три года моей конструкторской работы, в ВПТИ Тяжмаш и во время моей работы в техотделе на заводе «Новь».

Прошло время, и я утратил эти навыки – детализовщик я был совсем никудышный.

В конце месяца мои детализовки пошли в проверку и возник скандал – очень много брака, замначотдела Анатолий Анатольевич заявил во всеуслышание:

– А я не верю, что конструктор такой квалификации мог столько ошибок насажать, это он из вредности, от того, что мы его на месяц задержали.

Было очень обидно это слышать, будто я решил на прощанье нагадить отделу, прежде всего потому, что я, скажу без всяких прикрас, считал отдел вторым домом и гадить в родном дому не в моих привычках.

А вот прощались мы в последний день очень тепло.

Мне вообще везло в жизни, я работал, как правило, с хорошими людьми, мне нравилось с ними работать, они отве-

чали мне теплом. Так складывалось, что мне иногда приходилось через годы обращаться за помощью в те коллективы, где я трудился, и мне никогда не отказывали – всегда помогали.

Ещё немало лет после моего ухода из НИИТавтопрома встречались с друзьями в Сокольниках в кафе с названием «Прага 8», пили пиво, иногда что-то и покрепче, разговаривали, смотрели через огромные стёкла на осенний листопад, вспоминали, и казалось, что мы трудились вместе много лет, дружили, общались, а проработал-то я там всего три года.